

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ш. М. Бади

ГОРОДСКИЕ
СРЕДНИЕ СЛОИ
ИРАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

Ответственный редактор
Н. А. КУЗНЕЦОВА

В книге рассматриваются формирование, экономическое положение, социально-политическая и идеологическая эволюция городских средних слоев Ирана с начала XX в. до настоящего времени, а также их роль в национально-освободительном движении иранского народа.

10605-081 48-76
013(02)-77

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977

ВВЕДЕНИЕ

Социально-экономическое положение и политическая борьба городских средних слоев в странах Зарубежного Востока — весьма сложная проблема. Актуальность ее исследования определяется тем, что в условиях, когда большинство развивающихся стран Азии и Африки, ведя борьбу за достижение экономической самостоятельности, все еще продолжает оставаться в рамках мировой капиталистической системы хозяйства, перед народами этих стран с особой остротой встают задачи, связанные с переориентацией развития на социалистический путь. В связи с этим главной политической задачей прогрессивных сил становится создание единого демократического фронта в период подготовки и проведения национально-демократической революции. Выяснение роли и места городских средних слоев в конкретных социально-экономических и политико-идеологических условиях данной страны необходимо для изучения возможности формирования в ней единого фронта прогрессивных сил.

Начиная с 60-х годов, когда Иран приступил к расширению основ индустриализации народного хозяйства, развитие капитализма протекает в этой стране в условиях сосуществования различных укладов. В то же время, несмотря на определенное несоответствие между темпами развития различных укладов, процесс развития иранского общества в целом ведет к образованию «однородного капитализма», к созданию единой капиталистической системы.

В советской научной литературе нет специальных монографий по проблеме социально-экономической роли и места в общественно-политической жизни средних городских слоев в развивающихся странах Востока, придерживающихся капиталистической ориентации. Кон-

ференции, посвященная средним слоям развивающихся стран и проведенная в 1972 г. в Институте востоковедения АН СССР, на наш взгляд, лишь поставила ряд вопросов, касающихся средних слоев [76].

Некоторые общетеоретические соображения относительно положения городских средних слоев Ирана были высказаны на этой конференции автором настоящей работы [76, т. 2, стр. 6—9]. Отдельные аспекты темы освещены им в сборнике статей «Пауперизм и люмпенство в „третьем мире“» [72, стр. 94—95], а в сборнике «Мелкое производство города в Азии и Африке» подвергнуты анализу некоторые аспекты социально-экономического положения мелких производителей Востока вообще и Ирана в частности [70, с. 162—173].

В 1975 г., когда работа над данной книгой была завершена, вышел из печати сборник статей, посвященный средним слоям [77].

Тематика, связанная с генезисом, современным положением и борьбой городских средних слоев Ирана, разрабатывается по существу впервые, и исследование охватывает период более 70 лет (1900—1971). Естественно, в монографии затронуто много спорных проблем. Автор заранее просит читателей отнестись к сделанным им выводам как к постановке вопросов, решение которых нуждается в более детальном и глубоком исследовании.

Исходным рубежом исследования является начало XX в. Это объясняется тем, что, с нашей точки зрения, первоначальной формой становления городской мелкой буржуазии Ирана были средневековые сословия городских ремесленников. В ходе исторического развития в средних городских слоях происходили определенные изменения, перегруппировка составлявших их частей. Этим определяется необходимость изучения их состава, организации и идеологии на различных этапах развития. Под таким углом зрения в монографии рассматриваются проблемы образования новых слоев мелкой буржуазии, формирования и развития мелкобуржуазной интеллигенции.

В исторической части исследования автор затрагивает лишь те вопросы исторического и социального характера, которые могут содействовать анализу избранной им темы. Другими словами, исторический фон

дается лишь в той степени, в какой он необходим для выяснения роли и места средних городских слоев в данный исторический период.

Следует иметь также в виду, что в развивающихся странах процесс классового размежевания не только не охватил полностью все общественные слои, но еще только начинает распространяться на идеологию различных классов и слоев. Нередко тот или иной индивид может выражать интересы различных классов, выступать в качестве носителя идеологии различных классов и слоев. Эта особенность весьма характерна для представителей городских средних слоев Ирана.

В предлагаемой вниманию читателя работе исследуется процесс не только экономического, но и социально-политического расслоения средних городских слоев. Автора интересовала также эволюция классового самосознания средних слоев от мелкобуржуазного к социалистическому. Большая часть монографии посвящена изучению социальной и политической борьбы прогрессивно настроенных представителей городских средних слоев. Именно эти люди образуют в основном национально-демократическое крыло прогрессивного лагеря иранского общества; некоторые из них в процессе борьбы перешли в пролетарский лагерь. Автор сознательно не касается проблем, связанных с политическими действиями реакционных представителей и «темных» масс городских средних слоев, поскольку основная политическая задача данной работы — изучение проблемы создания в Иране единого прогрессивного фронта рабочего класса, крестьянства и средних городских слоев.

Для теоретического исследования социально-экономической структуры, являющейся переходной к полному утверждению капиталистических отношений, естественно, особое значение имеют работы классиков марксизма-ленинизма, и прежде всего труды В. И. Ленина, изучавшего законы экономического развития многоукладной России. Эти общетеоретические положения имеют самое непосредственное отношение к теме предлагаемой вниманию читателя монографии, к различным ее аспектам, в частности к определению самого понятия «средние слои».

Классики марксизма-ленинизма в своих работах неоднократно употребляли термин «средние слои». На-

пример, Ф. Энгельс в «Введении» к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» писал: «В классовой борьбе средние слои никогда, надо полагать, не объединятся все без исключения вокруг пролетариата так, чтобы сплотившаяся вокруг буржуазии реакционная партия почти исчезла» [6, с. 542—543].

Термин «средние слои» в современной марксистской литературе обычно употребляется как синоним терминов «мелкобуржуазные слои» или «средние сословия»¹.

Термин «средние слои» применяется и тогда, когда авторы хотят подчеркнуть, что речь идет не о мелкой буржуазии вообще, а о новых ее слоях, или тогда, когда речь идет о широких слоях мелкой буржуазии и полумелкой буржуазии.

В. И. Ленин подчеркивал, что «капитализм родился и постоянно рождается из мелкого производства. Целый ряд „средних слоев“ неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские...)» [22, с. 25].

Отметим (и это чрезвычайно важно), что классики марксизма-ленинизма нередко видели сходство между термином «средние слои» и терминами: «промежуточные, средние классы», «промежуточный народный слой» или «непролетарские трудящиеся слои» [38, с. 376; 41, с. 16; 18, с. 12]. При этом они имели в виду мелкобуржуазные и полумелкобуржуазные массы [41, с. 16].

Таким образом, для анализа классового характера средних слоев чрезвычайно важное значение имеет прежде всего характеристика, данная классиками марксизма-ленинизма мелкой буржуазии и мелкому производителю вообще. В условиях капиталистического развития В. И. Ленин указывал на два основных признака, составляющих в совокупности понятие «мелкий буржуа»: во-первых, это мелкий производитель; во-вторых, он хозяйничает при системе товарного хозяйства [см. 14, с. 47; 7, с. 13]. Он подчеркивал, что громадное

¹ Причину этой замены выяснить трудно. Частично она, видимо, кроется в определенной боязни использования термина «мелкая буржуазия»; как правильно заметил советский исследователь А. И. Левковский, «до сих пор в термине „мелкая буржуазия“ часто проглядываются некая бранная смысловая нагрузка, нечто ругательное» [70, с. 4].

большинство мелкой буржуазии *«трудится и эксплуатируется»* [14, с. 46]. В данном случае В. И. Ленин имел в виду крестьянство, мелких ремесленников и торговцев. В то же время, по В. И. Ленину, главное, что отличает буржуазию от вынужденного продавать свою рабочую силу пролетариата, — это присвоение буржуазией той или иной части общественных средств производства и обращение ее на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта. Вот почему, например, В. И. Ленин отмечает, что пригородного крестьянина, который не нанимает рабочих, живет своим трудом и продажей земледельческих продуктов, следует отнести «к мелкой буржуазии». Нельзя, пишет В. И. Ленин, «„объединить“ его в один *класс...* с наемным рабочим» [14, с. 46]. Кустарное производство в России В. И. Ленин характеризует как «товарное производство», т. е. производство обособленных производителей, связанных между собой рынком [14, с. 46]. В то же время В. И. Ленин называл мелких хозяев, которые вынуждены продавать свою рабочую силу, «наемными рабочими с кусочком земли» [26, с. 234]. Одним из важнейших моментов социальной характеристики мелкой буржуазии является использование ею наемного труда. Однако, по мнению В. И. Ленина, «употребление наемного труда не является безусловно необходимым признаком мелкой сельской буржуазии... под эту категорию подходит всякий мелкий, покрывающий свои расходы самостоятельным хозяйством, товаропроизводитель при том условии, что общий строй хозяйства основан на... капиталистических противоречиях...» [11, с. 308].

Чрезвычайно важное значение для анализа проблемы городских средних слоев имеет ленинское определение интеллигенции и включение ее в состав средних слоев. В. И. Ленин писал о том, что в число многочисленных непролетарских слоев трудящихся входят «мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.» [38, с. 377]. Важен вывод В. И. Ленина о том, что в основной своей массе интеллигенция принадлежит к мелкой буржуазии. Это положение можно подтвердить многочисленными высказываниями В. И. Ленина. Например, когда он пишет о том, что «вот тут-то и заключается коренное отличие психологии крестьянина, ремесленника, интеллигента, вообще

мелкого буржуа, от психологии пролетария» [27, с. 256], или «известные слои мелкой буржуазии, особенно интеллигенция» [28, с. 265].

Всесторонний анализ В. И. Лениным роли интеллигенции в общественной жизни России до, во время и после Октябрьской революции, выявление мелкобуржуазной сути основной части ее массы служат для нас теоретической основой определения роли и места интеллигенции Ирана в общественной жизни страны.

В. И. Ленин различал три основные группы интеллигенции: буржуазную, мелкобуржуазную и социалистическую. Если первая и третья группы немногочисленны, то вторая группа составляет основную массу интеллигенции. Именно поэтому В. И. Ленин, говоря об интеллигенции вообще, всегда имел в виду эту среднюю мелкобуржуазную интеллигенцию. Он подчеркивал, что «свойство интеллигенции состоит в неразрывной связи с обычными условиями ее жизни, условиями ее заработка, приближающимися в очень и очень многом к условиям *мелкобуржуазного существования...*» [16, с. 254].

Большое принципиальное значение имеет определение понятия «интеллигент», данное В. И. Лениным: «Я перевожу словом интеллигент, интеллигенция немецкие выражения *Literat, Literatentum*, обнимающие не только литераторов, а всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (*brain worker*, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда» [16, с. 309]. В другом месте В. И. Ленин отмечал: «Среди них (среди меньшевиков и эсеров.— *Ш. Б.*) мы имеем не только литературную группу, но и мелкобуржуазные слои техников, инженеров и т. п.» [39, с. 253—254]. Мелкобуржуазная психология интеллигенции, как указывал В. И. Ленин, определяется тем, что «образованные люди, вообще „интеллигенция“ не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой революционный и оппозиционный пыл за казенное жалова-

ные или за участие в прибылях или дивидендах» [9, с. 454].

В российском обществе «мелкобуржуазную демократию» (средние слои, или мелкобуржуазные массы) питало «не только старое, докапиталистическое, экономически реакционное среднее крестьянство... но и культурно-капиталистическая, на почве крупного капитализма произрастающая кооперация, интеллигенция и т. п.» [37, с. 410]. Так и в Иране огромная масса интеллигенции выступает как активная часть средних городских слоев, как наиболее образованная в политическом отношении часть революционной иранской демократии.

Нельзя считать интеллигенцию самостоятельной силой, учитывая ее мелкобуржуазный характер и присущие ей постоянные колебания между буржуазией и пролетариатом, и поэтому основную массу интеллигенции можно называть по-разному: «радикальная интеллигенция», «демократическая интеллигенция», «разночинная интеллигенция» и т. д. в отличие от буржуазной демократии. Принимая во внимание особые условия России, где в начале XX в. существовали специальные цензовые порядки для приема чиновников в земские управы, В. И. Ленин отделял чиновников и бюрократов от указанных выше слоев интеллигенции, подчеркивая, что в России чиновники являлись в основном реакционной группой, верно служившей самодержавию [см. 12, с. 327], чего, естественно, нельзя сказать о многочисленных средних и низших слоях государственных служащих Ирана.

В. И. Ленин считал весьма важным определить место интеллигенции в классовом обществе. Исходя из этого, он в своем классическом труде «Развитие капитализма в России» распределял население России на следующие четыре категории (по классовому положению): крупная буржуазия, помещики, высшие чины и прочие; зажиточные мелкие хозяева (он считал, что к зажиточным мелким хозяевам необходимо отнести «значительную часть торг.-промышленной администрации, служащих, буржуазной интеллигенции, чиновничества и так далее» [11, с. 506]); беднейшие мелкие хозяева; пролетарии и полупролетарии [11, с. 505].

В. И. Ленин считал, что интеллигенция «при условии

сближения с народом может стать крупной силой в... борьбе» [19, с. 199], может дать слоям мелких буржуа и крестьян как раз то, чего им недостает: знание, программу, руководство, организацию [см. 19, с. 199].

«Интеллигенция потому и называется интеллигенцией, — подчеркивал В. И. Ленин, — что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе» [15, с. 343]. Крупная буржуазия — это правое крыло буржуазной демократии; ее левое, т. е. радикальное, крыло стремится «к выражению интересов более широких слоев мелкой буржуазии» [19, с. 201].

Одна из важнейших задач данного исследования — выяснение специфических классовых черт средних слоев. Марксизм-ленинизм подчеркивает прежде всего двойственный характер средних слоев. В. И. Ленин отмечал: «...нет таких мелких производителей, которые бы не стояли *между* этими двумя противоположными классами (крупной буржуазией и пролетариатом.— Ш. Б.), и это срединное положение обуславливает необходимо специфический характер мелкой буржуазии, ее двойственность, двуличность, ее тяготение к меньшинству, счастливо выходящему из борьбы, ее враждебное отношение к „неудачникам“, т. е. большинству. Чем дальше развивается товарное хозяйство, тем сильнее и резче выступают эти качества...» [10, с. 215].

Двойственный характер мелкой буржуазии обуславливает наличие положительных и отрицательных сторон в ее политических действиях. В. И. Ленин отмечал: «Мелкобуржуазная интеллигенция в нашем движении играет большую роль, принося вместе с плюсами и минусы: вместе с разработкой вопросов теории и тактики она приносит „разработку“ каждого отклонения от социал-демократического пути в особое „направление“...» [24, с. 307].

Мелкий буржуа, указывал В. И. Ленин, «мало способен к самостоятельной, не примыкающей к боевому классу, организации для борьбы непосредственно-революционной» [20, с. 290—291]. Напомним также определение К. Марксом. Мелкобуржуазные массы «стремятся повернуть назад колесо истории. Если они

революционеры, то постольку, поскольку им предстоит переход в ряды пролетариата, поскольку они защищают не свои настоящие, а свои будущие интересы, поскольку они покидают свою собственную точку зрения для того, чтобы встать на точку зрения пролетариата» [1, с. 434].

В. И. Ленин указывал на следующие мелкобуржуазные идеи, которые идут вразрез с интересами пролетариата: отрицание классовой борьбы, выдвигание теории «единства трудовой демократии», приводящей к отрицанию гегемонии пролетариата, распространению анархизма, особенно в результате некоторых ошибок, допускаемых в рабочем движении; субъективную путаницу в расстановке классовых сил перед каждым революционным действием; выбор террора, как главной формы революционного движения, что означает, по существу, отрицание роли народных масс; отрицание пролетарского интернационализма и т. д. [см. 43, с. 16—29]. Многие из этих идей и ныне состоят «на вооружении» мелкобуржуазных партий.

Характеризуя пренебрежение к интересам различных классов со стороны мелкой буржуазии, К. Маркс писал: «...демократ, представляя мелкую буржуазию, т. е. *переходный класс*, в котором взаимно притупляются интересы двух классов, — воображает поэтому, что он вообще стоит выше классового антагонизма. Демократы... стоят за *народное право*, они представляют *народные интересы*. Поэтому им нет надобности... исследовать интересы и положение различных классов» [3, с. 151]. Развивая эту мысль, В. И. Ленин отмечал, что эсеры стремятся «поставить на одну доску такие социальные слои и классы, как интеллигенцию, пролетариат и крестьянство» [9, с. 439].

Особенно важное значение на современном этапе для развивающихся стран приобретает проблема установления правильных взаимоотношений между пролетариатом и мелкой буржуазией. Эти взаимоотношения должны основываться на том, что, как отмечает К. Маркс, не следует думать, что «мелкая буржуазия принципиально стремится осуществить свои эгоистические классовые интересы. Она верит, напротив, что *специальные условия* ее освобождения суть в то же время те *общие условия*, при которых только и может

быть спасено современное общество и устранена классовая борьба» [3, с. 148].

Определяя задачи пролетариата по отношению к мелкобуржуазной массе, В. И. Ленин неоднократно отмечал склонность мелкого буржуа к колебаниям. При этом, однако, необходимо учитывать, что задача воздействия на колеблющихся не одинакова с задачей низвержения эксплуататоров и победы над активным врагом [см., например: 36, с. 195]. Критикуя мелкобуржуазные утопии и реакционные взгляды мелкой буржуазии, подчеркивал В. И. Ленин, надо «заботливо выделять, охранять и развивать революционно-демократическое ядро» ее политической и аграрной программы [25, с. 406].

Придавая большое значение привлечению пролетариатом мелкобуржуазных слоев, В. И. Ленин писал о необходимости достигать соглашения с ними. Это относится, как считал В. И. Ленин, «и к кустарю, и к ремесленнику, и к рабочему, поставленному в наиболее мелкобуржуазные условия или сохранившему наиболее мелкобуржуазные взгляды, и ко многим служащим, и к офицерам, и — в особенности — к интеллигенции вообще» [36, с. 195]. Хорошо известно, что в современных условиях успех или поражение демократической революции в огромной степени зависят от присоединения промежуточных слоев к одной из главных сил — к пролетариату или к реакции.

В. И. Ленин указывал вместе с тем, что в период социалистической революции пролетариат сможет окончательно привлечь на свою сторону мелкобуржуазные массы «лишь *после* своей победы, лишь после завоевания государственной власти, то есть после того, как он свергнет буржуазию, освободит этим *всех* трудящихся от гнета капитала и *покажет* им на практике, какие блага (блага свободы от эксплуататоров) дает пролетарская государственная власть» [42, с. 57].

Великая Октябрьская социалистическая революция, огромная практическая деятельность Советского государства, а впоследствии стран социалистического содружества не только способствовали привлечению на сторону пролетариата мелкобуржуазных масс в самих этих странах, но и имели огромное значение для постепенной переориентации мелкобуржуазных масс во

всех странах мира, в том числе и промежуточных слов в странах Азии и Африки, для широкого распространения среди них антиимпериалистических и антикапиталистических идей.

В современных условиях проблема единства антиимпериалистических сил приобретает особую важность и актуальность.

Известно, что развитый капитализм наряду с другими условиями предполагает существование трех следующих элементов: а) крупного частного капитала, появившегося в результате развития мелкого капитала; б) мелкого капитала как потенциальной основы дальнейшего развития крупного капитала и как объекта давления со стороны последнего и в) общей системы товарного хозяйства.

Хотя в условиях современного Ирана эти элементы, несомненно, представлены, отсутствует стабильность и широкая взаимосвязь между ними. Это определяется следующими факторами: а) в масштабах страны преобладает система товарного производства и вместе с тем широко практикуется натуральное и государственное хозяйствование; б) крупный капитал насаждается государством сверху, и помощь государства мелкому и среднему капиталу слаба; в) мелкий капитал не только испытывает на себе воздействие местного крупного капитала, но и подвергается давлению со стороны торгово-ростовщического и иностранного капитала, а также государственного сектора.

Существуют и другие различия между развитием современного Ирана и зрелой формой капитализма. Однако даже отмеченные выше различия позволяют сделать вывод, что для масс мелких хозяев, мелкой буржуазии Ирана характерны более сложная классовая психология и более запутанные отношения с основными классами общества, чем у мелкой буржуазии развитых капиталистических стран.

Одной из важнейших особенностей мелких хозяев в Иране (ремесленников, торговцев и т. д.) является наличие у них в течение последних 150 лет прочных связей с торгово-ростовщическим капиталом. Несмотря на огромные усилия современного государства, направленные на расширение сферы действия государственного кредита, ростовщический процент во многих районах

страны весьма высок — не меньше 24. Это означает, что мелкий хозяин еще опутан многими докапиталистическими пережитками. Мелкий хозяин в городах имеет дело не столько с промышленным капиталом, конкурирующим с ним, сколько с торговым капиталом, превращающим его в своего агента (домашнее ремесло). Торговый капитал, кредитуя ремесленника, закупает продукцию его ремесла по цене, которая гораздо ниже рыночной. Крупный торговый капиталист нередко возглавляет гильдию, т. е. и через каналы гильдии также осуществляет давление на мелких хозяев.

Значительно влияние государства на положение мелких хозяев и интеллигенции. Городские средние слои Ирана даже больше связаны с государством, нежели с частным промышленным капиталом. В нынешних условиях государство играет важную роль в регулировании внутреннего рынка. Имея в своих руках огромный государственный сектор, оно располагает возможностью ускорять или замедлять процесс пролетаризации мелкой буржуазии.

То же самое — и даже в еще большей степени — относится к служащим. Масса иранских служащих занята в государственном секторе. С начала формирования этой социальной прослойки и поныне ее судьба непосредственно зависела и продолжает зависеть от политики государства. По своей сущности современный Иран — это государство не только эксплуататорское, управляющее страной в интересах крупных капиталистов, помещиков, бюрократов, но и орудие их господства. Оно опирается главным образом на союз с империалистическими государствами и считает допустимым сохранение позиций иностранных монополий в экономике страны. Наличие иностранных монополий, непосредственно связанных с мировым капиталистическим рынком, не только приносит добавочные трудности мелким хозяйствам, но и еще более усложняет положение массы служащих.

Государственно-капиталистическое хозяйствование становится одной из главных характерных черт ведущего способа производства в Иране. Естественно, что воспроизводство городских средних слоев осуществляется в непосредственном контакте с этой системой, в условиях либо сближения, либо борьбы с нею.

В данном исследовании нет необходимости характеризовать историю интеграции Ирана с мировым капиталистическим рынком в конце XIX в., этапы превращения страны в полуколонию. Широко известны социально-экономические результаты этой метаморфозы, важнейшим из которых явилась пауперизация населения городов и деревень, особенно разорение мелких хозяев — ремесленников и торговцев. Превращение Ирана в полуколонию в конечном счете означало развитие того же процесса (хотя и в иной форме) и в отношении интеллигенции. Деформировался процесс образования интеллигенции. Пауперизм становился обычным уделом масс обанкротившихся мелких хозяев. Превращение пауперов в пролетариат было лишь счастливым исключением. В Иране пауперизм развивался на протяжении более ста лет. Развивается он и сегодня, иногда под воздействием различных обстоятельств, приобретая особую, кризисную форму. Именно так это было, например, в конце 40-х годов, когда в результате ухудшения экономического положения крестьянства началась массовая миграция его в города, или в 60-е годы, когда косвенным результатом проведения аграрной реформы и капитализации сельского хозяйства явился уход десятков тысяч полностью лишенных земли крестьян в города. Это обстоятельство, а также отсутствие в стране постоянного источника занятости для основной массы населения (почти до начала 70-х годов) превратило пауперизм в особое явление, присущее экономике Ирана.

То обстоятельство, что пролетариат появился на арене классовой борьбы сравнительно поздно, придало иранской городской мелкой буржуазии особенно активный характер. Перспективы дальнейшего развития экономического процесса она представляла себе лишь в форме пауперизации, а не пролетаризации.

Городские средние слои Ирана можно разделить на две части: предпринимательскую и служилую.

Предпринимательская² часть городских средних слоев включает городские зажиточные слои и бедных мелких хозяев, занимающихся постоянным трудом и

² Использованное нами определение — «предпринимательская» — условно. Мы включаем в это понятие и традиционные и новые слои мелких хозяев, которые, во-первых, живут за счет собствен-

имеющих собственное хозяйство (мастерская, лаборатория, магазин, кафе и т. д.), а также лиц свободных профессий.

К служилой³ части относятся: а) работники, непосредственно участвующие в производственных процессах (производительные слои); б) административные работники государственных и частных торгово-промышленных предприятий (полупроизводительные слои); в) служащие, занятые в государственных и частных учреждениях — чиновники, офицерство, духовенство и т. д., а также студенчество. Таким образом, критерием для деления городских средних слоев на две части является различие их позиций в системе производственных отношений.

Первая часть больше связана с мелкотоварным и мелкокапиталистическим, а вторая часть — с государственным и крупным частнокапиталистическим укладами. Разумеется, могут существовать и исключения.

Изучение проблемы роли городских средних слоев в общественно-политической и экономической жизни

ного хозяйства, во-вторых, сами работают и участвуют в воспроизводстве данного хозяйства. Для лиц этой категории в литературе не существует иного объединяющего термина. Предпринимательство — это то экономическое качество, которое относится и к старым и к новым мелким хозяйствам. Используемый нами объединяющий термин дает возможность не уточнять в каждом отдельном случае, является ли тот или иной слой новым или традиционным. Термин «мелкая буржуазия» в данном случае не подходит, так как в состав мелкой буржуазии помимо части вышеуказанных слоев включаются и другие слои (не предпринимательские — служилая интеллигенция и т. п.). Кроме того, термин «мелкая буржуазия» не охватывает всех мелких хозяев, часть которых в условиях отсталой экономики, по определению В. И. Ленина, представляет собой «полумелкую буржуазию» [см. 41, с. 16].

³ Вторую группу мы назвали так потому, что главный источник ее существования — служба в государственных, частных и иностранных учреждениях. Ее «капиталом» является образование, которое дает ей возможность заниматься умственным, а не физическим трудом, и это отличает ее от рабочих. Эти слои, естественно, находятся в более привилегированном положении.

Некоторые буржуазные авторы, например Дж. Билл, имея в виду именно эти особенности интеллигенции, включают рабочих-специалистов также в число средних слоев. Однако эти авторы забывают о специфической социальной привилегии служащих, занятых «чистой работой», в противоположность лицам физического труда. В Иране само слово «служба» имеет другие социально-психологические ассоциации, чем слово «работа».

страны важно и актуально как по объективным, так и по субъективным причинам, из них можно назвать:

а) быстрое развитие капиталистической экономики, появление крупных государственных и частнокапиталистических предприятий, требующих большого контингента научно-технической интеллигенции, администраторов, чиновников, что, в свою очередь, влечет за собой быстрый рост рядов городских мелких хозяев (мелких товаропроизводителей, мелких торговцев и т. д.);

б) интенсификацию деятельности органов государственного управления — расширение бюрократического аппарата, рост армейских и полицейских сил.

Перед всеми охарактеризованными выше силами, действующими в условиях антидемократического режима, стоят общие социально-экономические и общественно-политические проблемы, решение которых зависит от степени объединения их усилий и уровня их самосознания. С одной стороны, реакция и империализм всячески стремятся привлечь эти силы на свою сторону. С другой стороны, пролетариат объединяет свои ряды с ними для выступления против общих врагов.

В книге показано, что средние городские слои на нынешнем этапе борьбы иранского народа против империализма и за демократию способны играть прогрессивную роль. Значительная часть этих слоев стремится приложить немало усилий ради осуществления этих целей.

В работе дается анализ программ и разнообразных форм борьбы различных отрядов средних городских слоев.

В нынешних условиях, когда правящие круги Ирана проводят антинародную проимпериалистическую политику, рабочий класс, интересы которого представляет Народная партия Ирана, считает национальную демократию своим союзником, поддерживает ее стремление к установлению антиимпериалистического, демократического режима, ограничению крупного капитала, расширению государственного сектора и т. д.

В Основном документе, принятом Международным Совещанием коммунистических и рабочих партий (Москва, июнь 1969 г.), говорится: «Путь решения задач национального развития и социального прогресса, действенного отпора проискам неокOLONиализма — это

активизация народных масс, повышение роли пролетариата, крестьянства, сплочение трудящейся молодежи, студенчества, интеллигенции, городских средних слоев, демократических армейских кругов, всех патриотических прогрессивных сил» [45, с. 22].

В Программе Народной партии Ирана, утвержденной XV пленумом ЦК НПИ (1975 г.), подробно охарактеризованы место и роль городских средних слоев в жизни страны: «Наша страна пока находится на этапе национально-демократической революции, и основная задача, стоящая сейчас перед иранским народом, — освобождение народа Ирана от ига грабительского империалистического капитала и его агентов, обеспечение народовластия и демократических прав и свобод и проведение коренных демократических реформ. Иначе говоря, необходимым условием осуществления революции в Иране на нынешнем, т. е. национально-демократическом, этапе являются ликвидация власти крупных капиталистов и землевладельцев и передача государственной власти из рук реакционных классов и слоев в руки национально-демократических классов и слоев, т. е. рабочих, крестьян, городских трудящихся, включающих в себя значительный слой интеллигенции и служащих, мелкой буржуазии и прогрессивных национальных слоев буржуазии, и его содержание — пресечение владычества империалистических монополий над природными и экономическими ресурсами страны, обеспечение полной экономической и политической независимости Ирана, уничтожение пережитков докапиталистического строя и демократизация политической и экономической жизни страны, т. е. установление революционной национально-демократической власти» [98, ч. III, п. 3].

Раздел I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДСКИХ СРЕДНИХ СЛОЕВ

Глава I

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ ГОРОДСКИХ СРЕДНИХ СЛОЕВ

*Переориентация низших укладов иранской
городской экономики на полуколониальной основе
и их развитие в условиях
политической самостоятельности Ирана*

В средние века иранские города являлись, как правило, административными центрами прилегающих аграрных районов. Одной из главных функций местных властей был сбор налогов с сельского населения. Основная часть этих налогов высылалась в столицу страны для удовлетворения административных и прочих нужд центральной власти. Население городов состояло в основном из должностных лиц, назначавшихся столицей для сбора налогов, и тех слоев, которые обслуживали их, а также торговцев и ремесленников.

Города обычно представляли собой «самодовлеющие города-общины», находившиеся внутри аграрных общин. В каждом городе, как правило, производилось и воспроектировалось все необходимое (продукция и услуги). Кроме того, город в зависимости от природных ресурсов района, в котором он находился, имел собственные традиционные отрасли ремесла. Постоянное проживание в городе феодала — наместника центральной власти (право владения на земли он получал от шаха), главного владельца — способствовало сосредоточению

ремесленников в городах вокруг резиденции феодала, в основном для удовлетворения его нужд, а также нужд городских жителей. Продукция ремесел являлась предметом торговли с другими городами, иногда закупалась крупными торговцами и доставлялась в столицу, а оттуда даже в соседние страны. Узость каналов обмена была характерной чертой средневекового иранского города. Каждый ремесленник-производитель обязан был служить у местных правителей — хакимов, пишкаргов, калантаров, даруге, кедходе и т. д.— и, кроме того, платил определенный налог центральной власти.

Эксплуатация ремесленников и мелких торговцев была важным источником обогащения феодальной администрации в городах. Исторические документы свидетельствуют о том, что феодальные правители всегда стремились сосредоточить в своих владениях как можно больше ремесленников и торговцев. Усиление эксплуатации, повышение налогов зачастую вызывали недовольство ремесленников, которые через цеховые организации (синфы) оказывали организованное сопротивление феодалам. Источники сообщают о массовых выступлениях ремесленников, которые собирались на городских площадях и в мечетях, о том, что их руководители садились в бест в мечети, разрабатывали там программы выступлений, вплоть до вооруженных [73, с. 191, 162; 180, 1969, № 5, с. 259]. Примерами таких выступлений городских ремесленников против феодальной администрации являются восстания сарбедаров, ткачей Кермана, ремесленников Тебриза и др. Государство относилось к городским ремесленникам и мелким торговцам сравнительно терпимо потому, что, во-первых, они составляли многочисленную группу городского населения и, во-вторых, были самыми экономически активными прослойками в городах.

Между экономически активной частью населения и феодалами существовала диалектическая взаимосвязь. Сила феодала определялась не только его административным аппаратом и армией, но и в первую очередь мастерством ремесленников, богатством и связями торговцев, проживавших в его владениях. Существовали различные формы зависимости ремесленников от феодалов.

Еще в XVII в. в Иране появились зачатки мануфактуры. «В XVII и отчасти в XVIII столетиях промышленники Англии предпринимали меры против ввоза Ост-Индской компанией на английские рынки выделанных в Иране шелковых материй и набивного или крашеного коленкора» [4, с. 156—157]. Однако капиталистические отношения в стране развивались крайне медленно. Отсутствие централизованной государственной власти и существование деспотической восточной тирании, наличие многочисленных кочевых племен и слабые экономические связи между отдельными районами страны — все это затрудняло создание общеиранского рынка и тормозило развитие капиталистических отношений. Нашествия кочевников, междоусобные феодальные распри, непрерывные войны, которые вел Иран вплоть до середины XIX в., также задерживали экономический прогресс. Другими словами, отсутствовало «первое основное условие буржуазной предпринимательской деятельности — безопасность личности... и... собственности» [5, с. 33].

В XIX в. к указанным выше факторам прибавился режим капитуляций, который был первоначально навязан Ирану английскими и русскими капиталистами, а затем использовался другими европейскими державами и США. Еще в 1827 г. по Туркманчайскому договору была установлена 5%-ная пошлина на товары, ввозимые из России. По фирману Фатх-Али-шаха, подписанному под давлением Англии, пошлина была распространена на товары английского производства. Это оказало особенно сильное воздействие на экономику Ирана в середине XIX в., когда машинные товары Англии и России заняли первое место в их экспорте в эту страну.

К началу XIX в. господствовавшие экономические отношения в городах Ирана еще не вышли из рамок простого товарного производства, продолжая существовать в форме цехового ремесла и домашней промышленности [53, с. 6]. Советский востоковед Н. А. Кузнецова указывает на три категории городских ремесленников, существовавшие и в начале XIX в.: «„свободные“ ремесленники, работавшие на заказ; ремесленники, приписанные ко дворцу шаха и крупных ханов или к военным предприятиям, и, наконец, ремесленники, работавшие на отдельных феодалов» [76, с. 224]. Путешествен-

ники, побывавшие в Иране в 30-е годы XIX в., сообщали о том, что иранский базар — это «вместе и фабрика и рынок» [см., например, 63, с. 214]. Существование отдельных предприятий мануфактурного типа свидетельствовало о том, что в недрах иранского феодального общества уже зарождался капитализм.

Очевидно, что Иран и без воздействия иностранного капитала постепенно трансформировался бы в капиталистическую страну. Вторжение же иностранного капитализма в Иран в XIX в. ускорило этот процесс и в то же время придало ему уродливый характер.

Проникновение иностранного капитала сыграло большую роль в разложении существовавшего в стране общественно-экономического уклада: с одной стороны, оно подрывало основы натурального хозяйства, нарушило и переориентировало процесс развития ремесленной промышленности в городах и домашнего ремесла в деревне, а с другой — способствовало развитию товарного хозяйства в городе и деревне. Все это приводило не только к разложению основ феодальной экономики, но и к появлению определенных объективных условий и возможностей для развития капиталистического производства. В процессе разложения натурального хозяйства создавался рынок сбыта иностранных и местных товаров, а разорения крестьянства и ремесленников — рынок свободной рабочей силы.

В результате проникновения в страну иностранных монополий Иран к концу XIX в. превратился в сферу приложения иностранного капитала, рынок сбыта и источник дешевого сырья для иностранной промышленности.

Взросший спрос на сельскохозяйственное сырье привел к подчинению национального производства потребностям мирового рынка (увеличение производства технических культур за счет зерновых) и специализации сельскохозяйственных культур по отдельным районам. Если до 30-х годов XIX в. из Ирана в основном вывозились шелковые ткани, бархат, тафта, кожи, сафьян, маринады, розовая вода, варенье и каламкары (местные набивные ситцы), производимые в основном в системе кооперации и мануфактуры, то к концу века основными статьями иранского экспорта стали хлопок,

сухофрукты, ковры, опий, рис, шелк-сырец, гумми, смолы и камедь, шкуры и шерсть.

В конце XIX — начале XX в. иранское промышленное развитие встретилося, по словам иранского экономиста З. Хедая, с беспрецедентным наступлением западной промышленности, наносившим иранской промышленности огромный урон [165, с. 48]. В конце XIX в. многие путешественники отмечали падение ремесленного производства в различных районах страны [59, с. 10—14]. Упадок производства происходил прежде всего в таких древнейших иранских ремеслах, как производство бархата, золототканой парчи, шелка, узорных шелковых тканей, тафты, тесьмы, ситцев, а также различных естественных красок, стекла, маринадов, фарфора, розовой воды и т. д. [82, с. 525].

Иностранные торговые и банковские агенты получили большие преимущества по сравнению с местными торговцами и промышленниками [165, с. 50]. Так, по словам одного из путешественников XIX в., «если иранский купец пожелает вывозить свои товары за границу, он должен платить у ворот каждого города определенный налог, но европейский купец самостоятелен, он платит один раз и вывозит свои товары гораздо дешевле, чем иранский купец». В отличие от иранских купцов их собственность гарантировалась.

Упадок национальной промышленности был одной из важнейших предпосылок перестройки хозяйственного организма городов на путях полуколониальной экономики. В социальном смысле непосредственными и главными результатами такой перестройки хозяйства стали банкротства, обнищание и пауперизация тысяч ремесленников в городах и крестьян в деревне (при отсутствии возможности превращения их в промышленный пролетариат). Однако ремесленное производство Ирана не было полностью уничтожено. Известно, что мелкий производитель может невероятно сократить свои расходы и продолжать производство. В условиях жесточайшей конкуренции часть товаропроизводителей Ирана ограничила сферу своей деятельности. Товаропроизводители удовлетворялись тем, что обеспечивали специфический спрос отдельных небольших рынков. З. Хедая отмечает, что, несмотря на чрезвычайно пагубное влияние, которое оказала конкуренция западных

товаров на развитие иранской промышленности, часть местной ручной промышленности сохранилась и продолжала функционировать, поскольку «в этот период основная масса иранского населения жила за счет потребления продукции местных рынков» [165, с. 46]. Ремесленное производство в основном ориентировалось на удовлетворение потребностей жителей небольших городов, «обусловленных давними традициями, вкусами и обычаями местного населения или даже его предрассудками» [53, с. 35].

В каждой провинции сохранялись одни и те же отрасли ремесла, которые ориентировались на удовлетворение потребностей местного населения. Эти отрасли находились по-прежнему на ступени мелкотоварного производства.

Некоторые же отрасли ремесленного производства, продукция которых имела спрос на внешнем рынке, например такие, как производство сафьяна и ковров, не только продолжали существовать, но и развивались.

В производстве ковров в конце XIX в. преобладала рассеянная мануфактура. Первоначально развитие этой отрасли, видимо, шло по пути распространения метода скупки готового товара торговыми (иностранными и национальными) фирмами и через предоставление непосредственным производителям ссуды в счет оплаты будущего товара, или раздачи ковроделам материалов, рисунков, красок и т. д. Постепенно подчинение производителя торговому капиталу приводило к обнищанию первого за счет обогащения второго. В результате к концу XIX — началу XX в. появились мастерские; орудия труда и продукция, как правило, полностью принадлежали уже представителям торгового капитала, а ткачи выступали в качестве наемных рабочих. Такими крупными мастерскими (мануфактурами), по данным путешественников, были так называемые фабрики по производству ковров, принадлежавшие Шоукат оль-Мольку в Каине, а также «ковровая фабрика» в Тебризе с 1500 рабочих и др. Это свидетельствовало о зачатках в стране капиталистических отношений. Однако из-за конкуренции иностранных торговых фирм подобные формы производства не получили широкого распространения.

Но тем не менее развитие мелкотоварного и мелко-

капиталистического укладов продолжалось на новой, полукOLONиальной основе. В конце XIX — начале XX в. усилились связи ремесленника с рынком, увеличилась товарность его продукции и он начал принимать наемных рабочих, в городах появились отряды мелкой буржуазии. Это свидетельствовало о далеко зашедшем разложении феодального строя в Иране.

Организация мелкотоварных мастерских в начале XX в. была такова: как правило, мастер являлся одновременно хозяином предприятия. В относительно больших мастерских у мастера был подручный, в крупных насчитывалось до 5 рабочих, а иногда даже до 20 [71, с. 26], работали они от 10 до 12 часов в день, получая за это по 1—1,5 крана [46, с. 10].

К концу XIX в., как отмечает З. З. Абдуллаев, «ремесленники, работающие на рынок, составляли огромное большинство» [46, с. 31], а ремесленников, работающих на заказ, было уже мало. Это происходило в период, «когда в Иране (точнее, в иранских городах.— Ш. Б.) товарное производство постепенно принимало господствующий характер» [46, с. 75].

Напрашивается вывод, что данная социально-экономическая ситуация явилась результатом вовлечения страны в мировое капиталистическое хозяйство. Этот же процесс породил и свою контртенденцию. Сложилась социальная сила, идеология и общественная психология, сопротивлявшиеся превращению Ирана в колонию и способствовавшие дальнейшему развитию капитализма. События второй половины XIX — начала XX в. объективно толкали массы городских ремесленников к ожесточенной борьбе с иностранным капиталом и его агентурой — реакционной кадjarской кликой. Бабидские восстания — восстания ремесленников, рабочих мастерских и городской бедноты в Зенджане, Реште и других городах, а также выступления против табачной монополии были прямым результатом недовольства мелких производителей, рабочих, а также пауперов — бывших мелких производителей и торговцев.

Массовые народные выступления второй половины XIX в. и особенно иранская революция 1905—1911 гг. являлись признаками пробуждения народа, роста сопротивления процессу колонизации Ирана. Они способствовали подъему национальных производительных сил.

Иранская конституция, детище буржуазной революции 1905—1911 гг., в трех статьях (15—17) гарантировала безопасность частной собственности от «незаконных» конфискации и отчуждения и безопасность самого собственника. «Основной закон» (ст. 21) предоставил всем гражданам право свободно выступать в защиту своего достоинства. Это свидетельствует о том, что вопрос о частной собственности (даже о ее мелких формах) имел первостепенное значение. По первому закону о выборах в парламент от 14 августа 1906 г. синфы (гильдии) получили право участвовать в выборах [119, с. 37]. В законе говорилось: «В выборах имеют право участвовать члены синфов, имеющие свою лавку, арендная плата за которую не ниже среднего размера для данного района» [119, с. 37]. Владелец собственности мог пользоваться всеми правами, предоставленными конституцией. Крестьяне и лица наемного труда оставались бесправными.

Поистине удивителен тот вес, который приобрели в результате революции ремесленники, мелкие торговцы, мелкая буржуазия вообще в законодательных органах. В законе о выборах предусматривалось, что из 60 депутатов, которые должны были быть избраны в Тегеране, 32 должны были представлять синфы. Остальные 28 мест распределялись следующим образом: 4 депутата от духовенства, 10 — от купцов, 10 — от помещиков и 4 — от Каджарской династии.

Мелкие собственники и производители, а также малочисленная интеллигенция — писатели, журналисты и другие носители буржуазно-демократической идеологии — играли особо важную роль в иранской революции и являлись ее подлинной опорой. Иранский парламент I—III созывов на основе статей конституции в течение первых трех лет своей деятельности занимался узаконением сложившихся социально-экономических отношений и обновлением законодательства на новой, буржуазно-помещичьей основе.

Меджлисом были утверждены многочисленные законы, направленные на обеспечение частной и государственной собственности, такие, например, как закон о регистрации документов, закон о векселях, закон о судах по торговле, закон об упорядочении финансов страны, законы о налогах и т. д. Тексты многих законов были

заимствованы из европейского законодательства. Однако влияние революционной демократии на политическую и экономическую жизнь Ирана не сохранилось надолго.

Это объясняется непоследовательностью самой мелкой буржуазии, сопротивлением феодально-клерикального блока, а также давлением иностранного империализма и иранской буржуазии, опасавшихся роста движения народных масс.

В ходе деятельности меджлиса первых трех созывов была юридически ликвидирована феодальная внешнеэкономическая зависимость мелких производителей и торговцев от двorca и крупных феодалов.

Меджлис II созыва в 1909—1911 гг. утвердил закон о сокращении наполовину налогов, взимаемых с кожевников и красильщиков, а также закон об урегулировании взимания налогов с собственников средств транспорта [120, с. 3—50]. Меджлис III и IV созывов принял некоторые другие аналогичные законы [121, с. 2—50]. Постепенно узаконивалась обычная экономическая зависимость мелких производителей от торговцев, поставщиков, фабрикантов и т. д., был составлен новый список ремесленных и торговых синфов, упорядочены взимание налогов с синфов и отношения между ними и правительством. С начала революции и до первой мировой войны мероприятия иранского правительства по отношению к предпринимательской части городских средних слоев ограничивались принятием этих законов. Фактическое упорядочение и узаконение буржуазных отношений в стране началось только в 20-х годах, после свержения Каджарской династии и прихода к власти Реза-хана, т. е. после утверждения диктатуры помещичье-буржуазного блока.

Принятые в этот период законы имели большое значение для урегулирования отношений между государством и мелкими городскими предпринимателями на современной капиталистической основе. В феврале 1926 г. были отменены все виды дорожных налогов — одно из главных препятствий для развития торговли. В конце декабря 1926 г. был издан закон об отмене всех старых налогов с синфов, а также подушных налогов с населения. По этому закону в соответствии со специальным списком было отменено примерно 44 вида

налогов феодального типа [123, с. 3], которые взимались с мелких производителей, мелких торговцев и работников сферы услуг¹. Этим же законом был отменен специальный налог, взимавшийся в XIX в. с 234 ремесленных и торговых синфов. Издание закона, отменявшего феодальные налоги с городских средних сословий, оказало огромное влияние на жизнь мелких городских предпринимателей и способствовало юридическому и фактическому укреплению их позиций в экономической и политической жизни страны. В 1932 г. был издан Закон об урегулировании разногласий между синфами [124, с. 73], согласно которому все споры, возникавшие между членами синфа, а также между синфами, должны были рассматриваться специальной комиссией, составленной из выборных представителей от самих синфов.

В 1933 г. по Закону о поправке к закону о подоходном налоге был установлен размер налога для мелких предпринимателей. Те из них, которые имели меньше 1 тыс. риалов годового дохода, освобождались от уплаты подоходного налога. Купцы, ремесленники и другие предприниматели, имевшие более 5 тыс. риалов годового дохода, распределялись на 7 групп, которые облагались подоходным налогом соответственно по 100, 150, 300, 1 тыс., 1,5 тыс., 2 тыс. и 2,4 тыс. риалов в год [125, с. 142]. В этом законе впервые в иранском законода-

¹ Речь идет о следующих налогах (перевод дается ориентировочно): *эстахри* (налог на банщиков), *дагпули* (за клеймение животных), *росум-е софре* (расходы на содержание чиновника), *хане дуди* (подымный), *лахф пули* (за предоставление ночлега в караван-сараях и др.), *сейд собег пули* (за посещение «святых» мест), *пилевари* (за покупку урожая на корню), *саммаки* (за продажу лекарств), *калак рани* (налог с фокусников), *сухт-ва таребар* (за топливо и овощи), *бадж-е фили*(—) *хамл-е роуган* (за транспортировку масла), *сорб-о барут* (за производство свинца и пороха), *лаг-е кафи* (за производство обуви), *фавакех* (за продажу фруктов), *мордар каши* и *лаш каши* (с мясников), *росум-е кешмеш* (за изделия из винограда), *бадж-е намак* (за соль), *моздаведж* (за женитьбу), *ханат* (с постояльцев двора), *эджазе-йе теджарат* (за разрешение на торговлю), *эйди* (праздничный), *саргатери* (за поголовье транспортного скота), *саккак* (за чеканку монет), *эджазе-йе сатунхайе пандже-йе али* (за строительство священных зданий), *пул-едуд* (за табак), *дуде ва куре* (за кирпичную печь), *чаршанб-е базар* (за посещение базара в среду), *абпули* (за воду), *эхтесабиё* (за надзор за правильностью мер весов на базаре), *балам рани* (за лодку) и т. д.

тельстве упоминаются такие представители «новых средних слоев»², как врачи (терапевты, стоматологи, хирурги), фельдшера и т. д. По закону они, имея равные доходы с традиционными представителями средних слоев городов, должны были платить меньший налог — от 50 до 1,2 тыс. риалов [125, с. 152]. Хотя причина этой налоговой привилегии в законе не указывается, ясно, что правительство стремилось таким образом стимулировать рост квалифицированных медицинских кадров.

В 1934 г. была введена новая форма взимания подоходного налога. От налога освобождались лишь те лица, которые имели меньше 2,4 тыс. риалов годового дохода, лица же, имевшие годовой доход в размере от 2,4 тыс. до 5 тыс. риалов, платили в размере 1% в год; от 5 тыс. до 10 тыс. риалов — 1,5%; от 10 тыс. до 20 тыс. риалов — 2%; от 20 тыс. до 30 тыс. риалов — 3%; от 30 тыс. до 50 тыс. риалов — 3,5%; свыше 50 тыс. риалов — 4% [126, с. 73].

В целях стимулирования развития капиталистических отношений в городах в 20—30-х годах XX в. правительство провело и некоторые протекционистские мероприятия. Тем самым были созданы объективные условия для расширения традиционного и нового, современного производства. В эти же годы началось развитие машинной обрабатывающей промышленности. Вокруг новых промышленных объектов стала возникать сеть мелких производственных предприятий. Нехватка, вернее, слабость внутренних крупных производственных очагов для удовлетворения нужд растущего населения в условиях запрета импорта в страну иностранных товаров явилась главной причиной оживления и распространения традиционных и новых форм ремесленного производства. С 1923 по 1933 г. в Тегеране возникло более 2,3 тыс. новых мастерских [75, с. 214, 221], продукция которых реализовалась с помощью новых мелких торговцев.

В эти годы ремесленное производство в крупных городах полностью приобрело мелкотоварный характер.

² Понятие «новые средние слои», употребляемое классиками марксизма-ленинизма и приведенное нами, является относительным: «новые» для развивающихся стран, они давно уже стали старыми для развитых стран.

Увеличилось использование наемного труда в ремесленных мастерских. Если в 1923 г. в Тегеране каждый седьмой мастер нанимал одного подручного, то в 1933 г. у каждого мастера работал один рабочий [75, с. 214, 221].

В крупных городах в эти годы насчитывалось в среднем от 500 до 1 тыс. ремесленников, в средних городах — от 200 до 500 и в мелких — от 100 до 200 ремесленников. В крупных городах ремесленники, как и раньше, были объединены в синфы. В правительственных документах упоминаются названия 150 синфов ремесленников и торговцев.

В годы второй мировой войны в связи со спадом внешней торговли и значительным сокращением строительства промышленных предприятий мелкие предприниматели вместе с крупной национальной буржуазией силой обстоятельств оказались хозяевами внутреннего рынка. Резко увеличилось число мелких мастерских. Экономическое положение предпринимательской части средних слоев улучшалось, чего нельзя было сказать о положении служилой части средних слоев, а также пролетариата. В начале второй мировой войны стоимость жизни в городах повысилась по сравнению с 1937 г. в 4—7 раз, уровень заработной платы рос гораздо медленнее.

Мелкие предприниматели наравне с крупными часто занимались спекуляцией продовольственными товарами, продажей товаров выше официально установленных цен. Это заставило правительство принять законы о привлечении к судебной ответственности за спекуляцию.

После окончания второй мировой войны положение мелкой буржуазии изменилось. Правительство открыло широкий доступ в страну иностранным товарам, с которыми не могла конкурировать продукция отечественной промышленности. Поэтому мелкая буржуазия и мелкие производители городов начали выражать недовольство, объективно включаясь тем самым в состав политических сил, выступавших против усиления в стране влияния империализма.

Резко усилился процесс пауперизации и пролетаризации ремесленников. Именно в этот период в иранских законах упоминается категория ремесленников, которые «только получают заработную плату» за свой

труд, т. е. тех, кого можно именовать полупролетариатом [129, с. 50].

Изучение иранских законодательных актов послевоенных лет дает возможность выявить и другие изменения в социальном составе предпринимательской части средних слоев. В законе о подоходном налоге, утвержденном меджлисом в июле 1949 г., наравне с традиционными синфами говорится о новой социальной категории — специалистах, таких, как адвокаты, врачи, а также о собственниках «новых» заведений в сфере услуг (по обмену денег, по обмену, купле-продаже движимого и недвижимого имущества и т. д.). Все они обязаны были платить подоходный налог наравне с другими категориями населения в зависимости от дохода. Лица, имевшие менее 24 тыс. риалов дохода в год, освобождались от налога [129, с. 50]³.

В уставе о принципах установления размера доходов ремесленников и мелких торговцев, утвержденном в июле 1950 г. [130, с. 180—181], говорится о двух категориях ремесленников и торговцев — официально зарегистрированных и незарегистрированных. К уставу приложен список всех групп, входивших в 50-х годах в предпринимательскую часть средних слоев, которые подпадали под действие статьи закона о подоходном налоге.

Уже простое сравнение этого списка со списком, опубликованным правительством в 1926 г., свидетельствует о бурном развитии предпринимательской части средних городских слоев и появлении совершенно новых категорий в этих слоях: это владельцы предприятий по ремонту механических насосов, автомашин и велосипедов, часов, музыкальных инструментов, мебели, ламп и абажуров и т. д., продавцы запасных частей к автомобилям, плавильщики чугуна, гальваники, владельцы прачечных, гладильщики, гравировщики, держатели миллиардных, аптекари, изготовители музыкальных инструментов, слесари и т. д.

Выше было показано, что низшие капиталистические уклады городской экономики в течение XIX в. и в начале XX в. под воздействием проникновения иностранных товаров и капитала претерпели существенную

³ Увеличение размера дохода, освобождаемого от налога, зависело в основном от роста инфляции и обесценения денег.

переориентацию на полуколониальной основе. Существо этой переориентации заключалось в консервации основных элементов производительных сил, лишении их возможности интенсивного развития, что привело к приобретению ими в основном застойной формы «самостоятельного» положения, с одной стороны, и одностороннему развитию некоторых элементов производительных сил в угоду иностранному капиталу — с другой.

Такая трансформация означала усиление эксплуатации носителей низших городских капиталистических укладов — предпринимательской части городских средних слоев — со стороны иностранного и крупного иранского торгово-ростовщического капитала и государства. И не случайно в перечне фабрикантов 20—30-х годов XX в. не встречается имен бывших ремесленников. Основателями фабрично-заводской промышленности являлись богатые представители феодально-административной верхушки или крупные торговцы.

Воздействие возникшего противоречия между базисом и надстройкой, политические перевороты, а также законодательные акты, утвержденные в основном в период приобретения Ираном политической самостоятельности, после 1925 г. постепенно изменили направление развития экономики и социальной жизни страны в сторону укрепления капитализма.

Численность предпринимательской части городских средних слоев современного Ирана

Предпринимательская часть городских средних слоев состоит из лиц, занимающихся мелким предпринимательством в различных отраслях экономики. К ним относятся ремесленники, мелкие торговцы, лавочники, хозяева мелких заведений в сфере услуг, а также лица, занимающиеся индивидуальным бизнесом (врачи, адвокаты, лица свободных профессий), с небольшими доходами.

Центром деятельности представителей традиционных категорий предпринимательской части городских средних слоев в Иране с давних времен являлись городские базары, которые в известной степени сохраняют свое значение и поныне.

Мелким предприятиям в Иране официально считается предприятие, на котором занято менее 10 работников [112, с. 593; 116, с. 2]. По официальным данным, в 1963 г. в 83 городах Ирана насчитывалось 282,8 тыс. предприятий (во всех отраслях экономики) и на них было занято 847 тыс. работников. Из указанного числа предприятий 274,5 тыс., или 97,1%, были мелкими; на них было занято 532,6 тыс. человек, или 62,9% общего числа работников всех предприятий [112, с. 596].

Эти показатели свидетельствуют о той важной роли, которую играли мелкие хозяева в городской экономике. По отраслям экономики мелкие предприятия распределялись следующим образом: 102,4 тыс. мелких промышленных предприятий и ремесленных мастерских; 11,8 тыс. в мелкой торговле; 27,1 тыс. в сфере услуг; 15,9 тыс. в остальных отраслях экономики. Основная часть мелких предприятий сосредоточивается в области торговли и промышленности.

По числу работников мелкие предприятия распределялись следующим образом: на 143 тыс. предприятий с одним работником было занято 146 тыс. человек, на 113,7 тыс. предприятий с числом занятых от 2 до 5 — 270 тыс. и на 17,7 тыс. с числом рабочих от 5 до 9 — 12 тыс. человек. Из общего числа работавших в 1963 г. на мелких предприятиях почти 229 тыс. получали заработную плату, а остальные 303,6 тыс. были хозяевами или семейными рабочими. Из 229 тыс. человек, получавших заработную плату, 90,5 тыс., или 39%, непосредственно не участвовали в процессе производства [112, с. 602]. В 1963 г. 95,5% экономических предприятий были юридически самостоятельными, т. е. они никому не подчинялись, и не имели в своем подчинении других предприятий; 4% предприятий считались несамостоятельными, т. е. были подчиненными; 0,5% имели в своем подчинении другие предприятия [112, с. 597].

В послевоенные годы в стране, особенно в городах, расширилась сфера мелкого бизнеса. Этому способствовал рост городского населения, увеличение числа крупных по иранским масштабам городов, спроса на товары и услуги — традиционные и современные. За 1956—1966 гг. городское население увеличилось на

4,2 млн., или на 73%, в то время как сельское население — только на 2,5 млн., или на 18,9%. Доля населения 14 наиболее крупных городов (с числом жителей более 100 тыс.) во всем городском населении увеличилась до 57% [117, с. 10].

Кроме роста населения, вызвавшего увеличение потребления товаров и услуг, на расширение внутреннего рынка и развитие товарно-денежных отношений оказали воздействие и такие поощрительные меры государства, как кредитование мелких промышленных предприятий, запрет или ограничение импорта некоторых контингентов товаров (в определенные периоды). Особую роль в расширении или появлении спроса на новые товары и виды услуг сыграли современные средства связи и усиление непосредственных контактов населения с европейскими странами.

По официальным данным, трудно проследить динамику роста мелких производителей, ибо принципы статистики Ирана в течение последних 30 лет неоднократно менялись. В 1967 г. число всех торгово-промышленных предприятий в стране определялось в 451,6 тыс. с общим числом работников в 1,5 млн. [110, с. 3]. Из 191,4 тыс. городских торговых предприятий (с 319,3 тыс. занятых) в оптовой торговле функционировало 15,3 тыс. (с 47,7 тыс. работников), а в мелкой торговле — 176 тыс. (91,8% всех торговых предприятий) с 271,6 тыс. работников (85% всех занятых в торговле) [110, с. 3]. Мелкие городские торговые предприятия производили 47,5% всех операций по продаже товаров в городах [111, с. 10].

160,5 тыс. городских предприятий с 625,3 тыс. работников занимались промышленным производством, из них только 4,5 тыс. (3% всех промышленных предприятий), на которых было занято 222,4 тыс. работающих (17% всех работников промышленных предприятий), считались крупными. Остальные 156,2 тыс. предприятий (97% общей численности промышленных предприятий) с общим числом занятых на них 458,8 тыс. (73%) считались мелкими.

Из общей стоимости валовой продукции промышленных предприятий 184 млрд. риалов доля мелких городских предприятий составляла 60,4 млрд. риалов, около 30% (11% общей суммы валового национально-

го продукта Ирана в 1967 г.) [110, с. 1]⁴. Стоимость условно-чистой продукции мелких городских промышленных предприятий Ирана в 1967 г. исчислялась в 25,5 млрд. риалов, что составляло 36% общей суммы условно-чистой продукции всей городской промышленности [110, стр. 1].

В начале 70-х годов капитал мелких городских предприятий мелкотоварного характера составлял мизерные суммы. По официальной статистике, максимальный размер капитала для предприятия этого типа — до 1 млн. риалов [180, № 951, 26.VIII.1972, с. 10]. Капиталом от 1 млн. до 3 млн. риалов владеют предприятия мелкокапиталистического характера [там же]. Предприятия с капиталом более 3 млн. риалов считаются средними.

В 1968 г. в заявлении министерства экономики Ирана отмечалось, что «ныне параллельно с образованием крупных промышленных объектов, капитал каждого из которых нередко превышает 100 млн. риалов, ежедневно в различных районах страны создаются всё новые единицы с мелким капиталом, которые иногда дополняют крупные промышленные предприятия, а иногда предназначаются для удовлетворения специфических нужд данного района. Число этих единиц постоянно увеличивается» [180, 14.XII.1968, с. 24]. (табл. 1).

Таблица 1

*Рост крупных и мелких городских промышленных предприятий Ирана в 1967—1972 гг.**

Год	Крупные предприятия		Мелкие предприятия	
	число предприятий	число работающих, тыс.	число предприятий	число работающих, тыс.
1967	4386	317	155 879	359
1968	4558	245	169 162	440
1969	5066	257	172 588	500
1970	5197	264	183 973	538
1971	5384	274	192 908	581
1972	5850	303	203 296	633

* Источник: [109, с. 48].

⁴ Общая сумма валового национального продукта Ирана в 1967 г. составляла 549,4 млрд риалов.

Как показывают данные табл. 1, за 1967—1972 гг. число мелких предприятий увеличилось на 48 417, а число работающих на них — на 274 тыс., т. е. в среднем каждый год в городах создавались 8,9 тыс. мелких предприятий с числом занятых 55 тыс. [109, с. 48].

Ускорение темпов развития промышленности наряду с проведением аграрной реформы создало специфические условия для привлечения мелких сбережений в промышленность, торговлю и другие сферы экономики. Особенно быстро увеличивалось число мелких предприятий в сфере услуг. Характерная черта образования мелких ремесленных и торговых предприятий в городах состоит ныне в том, что они появляются на окраинах, где относительно велико число крестьян, мигрирующих в города. Статистические данные, относящиеся к 1971 г., свидетельствуют о том, что из 7,5 млн. занятых в городах 1,7 млн. (почти 21%) приходится на область услуг; из них около 500 тыс. являются мелкими торговцами. По этим же данным, только в одном Тегеране насчитывается более 112,2 тыс. крупных и мелких торговых лавок [180, I.IX.1972, с. 4]. Иранская печать в последнее время обеспокоена тем, что рост численности этих по существу посредников в торговле является большим бременем для городской экономики, социальной причиной дороговизны и в то же время скрытой формой безработицы [180, I.IX.1972, с. 4].

Многочисленные сельские мигранты, заполняющие города Ирана, и в том числе Тегеран, пишет журнал «Техран экономист», на небольшие средства, которые они приносят с собой из деревни, приобретают в расрочку маленькие лавки [180, I.IX.1972].

В иранских городах до настоящего времени сохраняется домашнее ручное ремесло. В 1966 г. в стране насчитывалось 429,6 тыс. предприятий, в каждом из которых работало от 1 до 10 человек [155, с. 80—83]. По отраслям они распределялись следующим образом: ковроткаческих — 248,2 тыс., по изготовлению различных тканей — 36,6 тыс., прядилен — 50,2 тыс., по приготовлению пищевых продуктов — 30,8 тыс., мельниц — 9,9 тыс., по обработке металлов, камней, кожи и пр. — 17,7 тыс. Из общего числа таких предприятий 86,6 тыс. (более 20%) размещаются в городах [155, с. 80—83] и входят в общее число мелких промышленных предприя-

тий городов, о чем было сказано выше. Ковроткачи, и особенно те из них, кто готовят товары для экспорта, почти без исключения находятся под финансовым и административным контролем крупного торгового капитала. За последние 50 лет государство несколько раз пыталось установить свой контроль над домашним ковроткачеством, однако до сих пор не добилось успеха.

Анализ материалов переписей 1956 и 1966 гг. дает более детальное представление о развитии активности и численности различных групп предпринимательской части городских средних слоев, являющихся социальной базой мелкотоварного и мелкокапиталистического экономического укладов.

«Самостоятельными работниками», по иранской статистике, считаются люди, которые «работают в частном секторе, не эксплуатируют чужого труда, и их труд также не эксплуатируется другими» [117, с. 11]. Таким образом, «самостоятельные работники» — это представители мелкотоварного уклада. Личное участие владельца средств производства в процессе труда представляется необходимым условием функционирования мелкого предприятия. Социальная характеристика слоя самостоятельных работников соответствует понятию «мелкий хозяин» [11, с. 506]. Экономическое положение основной части этого слоя крайне трудное и неустойчивое. Мелкие хозяева находятся на грани пролетаризации, но они владеют ремеслом и являются собственниками мастерских, лавок и т. д. Ниже их находятся полупролетарии, а выше — мелкие работодатели — «богатые хозяева» [11, с. 506].

Сравнение данных переписей 1966 и 1956 гг. (табл. 2) показывает, что в течение 10 лет общая численность «самостоятельных работников» по стране возросла на 223,4 тыс., или на 9,2%. Однако этот рост имеет характерную особенность, а именно, если общая численность «самостоятельных работников» в сельском хозяйстве практически осталась на прежнем уровне, то в других отраслях она возросла на 220,2 тыс., или на 35,2% [подсчитано по: 131, с. 150; 117, с. 53]. Средний годовой рост числа мелких хозяев несельскохозяйственных отраслей составил 3,1%.

К «самостоятельным работникам» (кроме сельского хозяйства) (по данным табл. 3) можно отнести:

Таблица 2

Распределение занятого населения в 1956 и 1966 гг.
по основным отраслям хозяйства *,
тыс. человек

Отрасль хозяйства	Общее число занятых		В том числе			
			самостоятельные работники		семейные рабочие	
	1956 г.	1966 г.	1956 г.	1966 г.	1956 г.	1966 г.
Торговля	355,0	552,0	259,5	348,7	9,6	13,6
Сельское хозяйство, охрана лесов, охота, рыболовство	3325,7	3168,5	1794,6	1795,3	535,6	518,3
Горнодобывающая промышленность	24,6	26,3	0,5	0,8	—	0,1
Обрабатывающая промышленность	815,6	1267,6	240,5	305,3	28,4	112,9
Строительство	335,7	509,7	22,3	39,6	2,9	4,0
Электроэнергетика, водоснабжение, медицинская служба	12,0	52,8	2,5	0,7	—	0,1
Транспорт	268,0	224,0	40,0	51,5	13,2	2,3
Сфера услуг	655,4	929,3	67,9	105,0	2,5	18,9
Прочие	175,6	127,8	7,7	11,6	2,0	6,9
Всего	5907,6	6858,0	2435,3	2658,7	594,2	677,0

* Источники: [131, с. 356; 117, с. 68].

350 тыс. торговцев, из них 249 тыс. живут в городах и 101 тыс. — в деревнях; 65 тыс. работников в сфере услуг, из них 38 тыс. — в городах и 27 тыс. — в деревнях; 418 тыс. «самостоятельных работников» в области промышленности и транспорта, из них 222 тыс. — в городах и 196 тыс. — в деревнях.

Чтобы проследить тенденцию роста «самостоятельных работников» в городах, обратимся к табл. 4 и 5.

Данные этих таблиц свидетельствуют о том, что с 1956 по 1966 г. общее число городских «самостоятельных работников» возросло на 149,9 тыс., причем в основном (на 87,8 тыс.) — на транспорте, в промышленности и строительстве; в торговле — на 63,5 тыс., в сфере услуг — на 15,2 тыс. Но рост, хотя и небольшой (на

Таблица 3

Социальный состав занятого населения, по данным на 1966 г. *

Отрасль	Место	Число всех занятых	Работодатели	«Самостоятельные работники»	Наемные работники		Семейные работники
					на государственных предприятиях	на частных предприятиях	
Всего	В стране	6 858 396	152 623	2 658 851	662 664	2 635 607	677 071
	В городе	2 610 294	97 546	623 685	573 515	1 235 658	48 776
	В деревне	4 248 102	55 077	2 035 166	89 149	1 399 949	628 295
Наука и культура	В стране	202 943	3 693	17 965	142 605	37 626	439
	В городе	162 592	3 337	14 291	115 594	28 776	225
	В деревне	40 351	356	3 674	27 011	8 850	214
Административные работники	В стране	11 937	3 029	1 192	5 622	2 044	15
	В городе	11 126	2 816	1 119	5 298	1 852	12
	В деревне	811	213	73	324	192	3
Служащие частных и государственных учреждений	В стране	201 148	3 850	4 550	140 459	50 988	617
	В городе	186 322	3 294	3 997	131 888	46 333	449
	В деревне	14 826	556	553	8 571	4 655	168

Отрасль	Место	Число всех занятых
Торговля	В стране	504 878
	В городе	374 146
	В деревне	130 732
Сфера услуг	В стране	510 781
	В городе	340 935
	В деревне	169 846
Работники сельскохозяйственных отраслей	В стране	3 137 876
	В городе	697 729
	В деревне	2 910 147
Промышленность и транспорт	В стране	2 031 581
	В городе	1 143 687
	В деревне	887 894
Прочие	В стране	857 251
	В городе	193 756
	В деревне	63 495

* Источник: [117, с. 60—69].

Продолжение табл. 3

Работодатели	«Самостоятельные работники»	Наемные работники		Семейные работники
		на государственных предприятиях	на частных предприятиях	
36 761	350 416	4 222	99 469	13 140
31 976	249 343	3 894	80 527	7 760
4 785	101 073	328	18 932	5 380
11 638	65 658	106 849	304 051	19 690
9 789	38 207	82 239	204 114	4 450
1 849	27 461	24 610	99 937	15 240
45 254	1 991 321	9 073	765 912	516 990
7 467	90 176	5 703	81 644	12 013
37 787	1 701 145	3 370	684 268	504 577
46 457	418 207	97 579	1 332 099	119 827
37 457	221 752	79 305	773 329	22 449
9 000	196 445	18 274	559 470	97 379
1 941	9 532	156 255	43 318	6 752
1 410	4 800	149 594	18 673	1 418
531	4 732	6 661	23 645	5 334

Таблица 4

Профессиональный состав городских «самостоятельных работников» в 1956 и 1966 гг. *

Профессия	1956 г.	1966 г.	Динамика
Научно-технические работники	13 738	14 291	+ 563
Канцелярские служащие	5 989	5 116	- 873
Работники торговли	185 842	249 343	+ 63 501
Работники сферы услуг	22 989	28 207	+ 15 218
Работники сельского хозяйства	110 447	90 176	- 20 271
Работники промышленности, строительства, транспорта	134 003	221 752	+ 87 749
Прочие	689	4 800	+ 4 111
Всего	473 697	623 685	+ 149 988
Без работников сельского хозяйства	363 250	533 509	+ 170 359

* Источники: [131, с. 276; 117, с. 69].

Таблица 5

Динамика численности городских «самостоятельных работников» по отраслям экономики в 1956 и 1966 гг. *

Отрасль	1956 г.	1966 г.	Динамика
Сельское хозяйство	99 372	90 825	- 8 547
Добывающая промышленность	208	250	+ 42
Обрабатывающая промышленность	108 365	146 736	+ 38 371
Строительство	14 893	21 863	+ 9 970
Медицинская служба, водоснабжение, электроэнергетика	1 525	573	- 952
Торговля	182 691	247 993	+ 65 302
Транспорт	22 621	37 874	+ 15 253
Услуги	38 610	68 404	+ 29 794
Прочие	5 412	6 167	+ 755
Всего	473 697	623 885	+ 149 988
Без работников сельского хозяйства	374 325	532 860	156 535

* Источники: [131, с. 276; 117, с. 69].

553 человека), наблюдался также и в области науки и культуры (частные врачи, художники, учителя, адвокаты и т. д.). Число «самостоятельных работников» в области сельского хозяйства в городских районах уменьшилось на 20,3 тыс., что свидетельствует о росте урбанизации и вытеснении сельского хозяйства из мелких городов.

Мелкокапиталистический уклад в экономике городов представлен относительно мелкими «зажиточными» хозяевами, которых статистика включает в категорию работодателей. Работодатель — это тот, кто с помощью своего капитала занимается экономической деятельностью и в то же время эксплуатирует одного или нескольких наемных работников [117, с. 3]. Естественно, что тот предприниматель, который нанимает, например, одного рабочего, в редком случае может лично не участвовать в процессе труда на своем предприятии.

Мелкокапиталистические предприятия производят в основном новые виды продукции или представляют новые для Ирана виды услуг. Таковы, например, предприятия по ремонту автомашин, мелкие предприятия по обработке металла и т. д. Эта часть экономики городов обнаруживает тенденцию к быстрому развитию.

В 1966 г. в городах работало 97,5 тыс. работодателей, из них около 32 тыс. — в торговле, 9,8 тыс. — в сфере услуг, 37,5 тыс. — в промышленности и на транспорте (см. табл. 3). По нашим подсчетам, около 80 тыс. этих работодателей можно считать зажиточными мелкими хозяевами; они представляют мелкокапиталистический уклад в городской экономике. Остальная часть, т. е. 17,5 тыс., — это примерная численность средней и крупной буржуазии Ирана в 1966 г.

Таким образом, если считать, что численность городских «самостоятельных работников» составляет 533,5 тыс., а мелких работодателей — 80 тыс., можно сделать вывод, что общая численность предпринимательской части городских средних слоев составляет примерно 613 тыс.; из них 95 тыс. относятся к категории зажиточных и 518 тыс. — к категории бедных мелких хозяев (мы включаем около 15 тыс. научно-технических, «самостоятельных работников» в число зажиточных мелких хозяев).

По численности мелкотоварный уклад имеет явное

преимущество перед мелкокапиталистическим. Однако мелкокапиталистический уклад развивается быстрее. Главную причину этого явления следует искать в истории развития капитализма и в особенностях его развития в современном Иране.

Экономическое положение предпринимательской части городских средних слоев

Относительное ухудшение экономического положения мелких хозяев в современном Иране — очевидный факт. Это подтверждают следующие показатели.

В 1966 г. выработка продукции на одного занятого составляла в сельском ремесле 85 427 риалов; в городском мелком производстве — 131 928; в городском крупном производстве — 466 038 риалов [165, с. 58]. Таким образом, выработка продукции на одного занятого в крупной промышленности была в 3,5 раза больше, чем на городских мелких предприятиях, и в 5,5 раза больше, чем на сельских ремесленных предприятиях. Один занятый в крупной промышленности в 1966 г. производил в 19,6 раза больше условно-чистой продукции, чем один занятый в сельском ремесле, и в 4,1 раза больше, чем в городском мелком производстве (табл. 6).

Таблица 6

*Соотношение суммы условно-чистой продукции на одного занятого в крупной и мелкой промышленности в 1963—1966 гг. **
риалы

Год	Условно-чистая продукция		Соотношение выработки условно-чистого продукта в крупной и мелкой промышленности
	на одного занятого в крупной промышленности	на одного занятого в мелкой промышленности	
1963	159 418	62 128	38,7
1964	226 582	59 714	26,4
1965	184 732	46 250	25,0
1966	201 982	49 221	24,3

* Источник: [165, с. 72].

Статистические данные позволяют также установить, что стоимость условно-чистой продукции на одного занятого на мелких предприятиях в течение четырех лет уменьшилась по сравнению со стоимостью продукции крупных фабрик и заводов с 38,7 до 24,3%, а это означает, в свою очередь, дальнейшее усугубление поляризации мелких и крупных хозяйств ремесленников и капиталистов. Именно поэтому многие иранские авторы, в частности З. Хедая, отмечают, что «положение мелких предприятий по сравнению с крупными не вызывает удовлетворения» [165, с. 79].

Этот вывод подтверждается и другими факторами и цифрами, например размерами капиталовложений в крупные и мелкие предприятия и размером капиталовложений на одного занятого (табл. 7 и 8).

Таблица 7

*Соотношение суммы капиталовложений в крупные и мелкие промышленные предприятия за 1963—1966 гг. *, тыс. риалов*

Год	Капиталовложения		Соотношение капиталовложений в крупные и мелкие промышленные предприятия, %
	в крупные промышленные предприятия	в мелкие промышленные предприятия	
1963	2 766,4	540,2	16,6
1964	36 159	1261,6	34,9
1965	31 093	1244,9	36,3
1966	57 710	1317,5	25,4

* Источник: [165, с. 72].

Несмотря на то что абсолютная сумма капиталовложений и сумма капиталовложений на одного занятого на мелких предприятиях растут, их соотношение в крупной и мелкой промышленности составляет не более 1:15. При этом следует иметь в виду, что новые мелкие предприятия составляют более 90% всех вновь созданных предприятий.

Об экономическом положении мелких хозяев в городах можно судить по социальному составу работников принадлежащих им предприятий. Так, в 1967 г. из 272,9 тыс. человек, занятых в городской мелкой торгов-

Таблица 8

Соотношение капиталовложений на одного занятого в крупной и мелкой промышленности за 1963—1966 гг. *,
риалы

Год	Капиталовложения на одного занятого		Соотношение капиталовложений на одного занятого в крупной и мелкой промышленности, %
	в крупной промышленности	в мелкой промышленности	
1963	18 995	1777	9,3
1964	29 644	3814	13,0
1965	25 891	3816	14,7
1966	26 929	4017	14,9

* Источник: [165, с. 72].

ле, 64% составляли хозяева предприятий, 6% — семейные рабочие, 30% — рабочие, получающие заработную плату [111, с. 190]. Работники мелких промышленных предприятий в 1963—1966 гг. были представлены следующими социальными группами: хозяева — 37,2%, семейные рабочие — 8,1%, рабочие, получающие заработную плату, — 53,8%, прочие — 0,9% [165, с. 69]. Статистические данные показывают, что мелкие промышленные предприятия, производящие более современную продукцию, шире используют наемную рабочую силу, чем те, на которых производятся традиционные товары. Например, на мелких промышленных предприятиях по производству обуви и одежды заработную плату получали в эти годы 50,1% занятых, на текстильных — 51,7%, по производству химических товаров — 62,3%, по производству неметаллических товаров — 82,8% занятых и т. д. [165, с. 69].

Изменение потребностей вызывает необходимость в производстве новых видов продукции и модернизации предприятий, а этот процесс влечет за собой социальные изменения в рамках самого предприятия: уменьшение числа семейных рабочих и увеличение числа рабочих, получающих заработную плату. Следует учитывать, однако, что само потребление наемной рабочей силы также претерпевает изменения: одни работают в традиционных социальных условиях и связаны с ними,

другие оказываются в новой социальной среде современных модернизированных предприятий. Поэтому показателем современности предприятия является не только количество занятых рабочих, но и общие условия работы, производительность труда и т. п. «В домашних мастерских, — пишет З. Хедан, — условия труда с точки зрения гигиены и здравоохранения плохие, рабочий день очень продолжительный, используется крайне дешевый детский труд. Контроль над производством невозможен. Успехи этих мастерских на рынках очень слабы. Большая часть результата их труда достается посредникам. Поскольку дети считаются главной рабочей силой в ручной промышленности, хозяева домашних промыслов стремятся иметь больше детей. Но для этого нужно, чтобы женщины не участвовали в производстве и в общественной жизни и занимались только воспитанием детей. Таким образом, традиции сохраняются, а прогресс отсутствует» [165, с. 80]. В 1964 г. в среднем работники крупных производственных предприятий работали по 56,2 часа в неделю, работники крупных непромышленных предприятий — по 52,5 часа, работники мелких производственных предприятий — по 64,5 часа, а работники мелких непромышленных предприятий — 73,3 часа в неделю [165, с. 70]. Зарплата рабочего мелких городских промышленных предприятий в 1962 г. составляла 66% заработка рабочего крупного завода; в 1963 и в 1964 гг. — 53%, в 1965 г. — 48%.

Отношения между мелким хозяином и его рабочим не только чисто экономические. Надо учитывать, что квалифицированный рабочий мелкого предприятия живет в тех же условиях, что и хозяин, и имеет с ним равные, хотя и юридически не зарегистрированные права. Хозяин выгоняет его только в том случае, если предприятие обанкротится; рабочий как бы ограничивает свои потребности уровнем потребностей членов семьи хозяина. Это полупролетарии, поставленные в мелкобуржуазные условия.

Ниже приведены данные о среднемесячной заработной плате различных категорий городских рабочих в 1967 г.: у рабочих крупных промышленных предприятий — 4,3 тыс. риалов; у рабочих мелких промышленных предприятий — 2 тыс.; у рабочих крупных торго-

вых предприятий — 3 тыс.; у рабочих мелких торговых предприятий — 2,7 тыс. риалов [111, с. 10; 110, с. 71]. Среднечасовая заработная плата рабочего мелких и крупных частных, а также крупных государственных предприятий составляла соответственно 5, 9, 10 и 19,6 риала [165, с. 71]. При этом следует отметить, что положение занятых в мелком производстве продолжает относительно ухудшаться.

Период полуколониальной зависимости Ирана наложил свою печать на эволюцию мелкотоварного уклада в стране. Слабость или вообще отсутствие нормального процесса развития экономики — снизу вверх — длительное время тормозили развитие связей между мелкотоварным и крупнокапиталистическим укладами через мелкокапиталистический этап развития. В результате мелкотоварный уклад развивался вширь. Слабость связующего звена в цепи развития капиталистических отношений вызвала появление диспропорции между мелкотоварным и мелкокапиталистическим укладами. Поэтому мелкотоварный уклад приобретал видимость определенной самостоятельности, испытывая в то же время сильное влияние докапиталистических институтов (торгово-ростовщического капитала и т. д.).

«Самостоятельность» мелких производителей подтверждается еще и тем, что для большинства их характерно совмещение деятельности купца и производителя, что присуще мелкотоварному укладу. Иранский экономист отмечает: «Хотя ремесленник — это традиционный рабочий, он отличается от рабочего тем, что имеет свою мастерскую и управляет ею. Он покупает сырье и продает продукцию, которую произвел. Он должен сам рассчитывать с налоговым аппаратом страны, т. е. обладает той же самой ответственностью, что и хозяин крупного экономического предприятия». По мнению этого автора, ремесленники Ирана с точки зрения их экономических функций очень близки к торговцам, их можно назвать «специальной группой торговцев» [181, 1970, № 6, с. 253].

П. В. Инглиш, пробывший несколько лет (в начале 60-х годов) в Иране и специально изучавший г. Керман, описывает положение мелких хозяев в этом городе. Он пишет, в частности, о мелких предпринимателях базара: «Они... составляют самый низший из средних

городских слоев, и их можно считать сердцем экономической и общественной жизни города. Каждый день за прилавком на базаре в течение нескольких часов они общаются с представителями всех классов общества. Ремесленники и мелкие торговцы готовят товары „люкс“ для элиты города, а худшие товары продают горожанам и крестьянам, приезжающим в город за покупками» [83, с. 76].

Каждый торговец или ремесленник принадлежит к определенному синфу, членство в котором является практически необходимым условием деятельности во всех отраслях торговли и ремесла базара. Синфы установили что-то вроде монополии на экономическую деятельность базара, которая осуществляется через различные формы общественного давления, укоренившегося вследствие традиции. В некоторых синфах имеются даже свои суды, которые разрешают внутренние разногласия и выделяют представителей синфа для переговоров с другими синфами и с властями. Существуют советы синфов, которые состоят из старейшин и действуют под руководством главы синфа.

«В некоторых случаях, — пишет П. В. Инглиш, — религиозные обычаи не соблюдаются. Например, синф продавцов текстиля в Кермане объединяет не только мусульман, но и зороастрийцев и иудеев, однако мусульманские члены гильдии продают свои товары на особых базарах. Поэтому в г. Кермане существуют три базара для продажи текстиля... Однако процесс модернизации уже нейтрализовал многие общественные и экономические потенции синфов. Синф уже не является корпоративной единицей для уплаты налогов (в прошлом члены синфа платили налоги через синф). Контроль синфа и его монополия в экономической деятельности также ежедневно ослабевают в результате появления новой техники и новых отраслей промышленности. Большое значение имеет то обстоятельство, что государственные органы успешно контролируют всю экономическую деятельность базара... Законы, регулирующие условия труда, стандарты, уровень заработной платы и т. д. ныне переходят из рук синфов в руки бюрократов» [83, с. 77]. В современных условиях «самостоятельность» мелкотоварного производителя по отношению к другим капиталистическим укладам в неко-

тором смысле еще продолжает существовать, потому что государство направляет свою помощь главным образом крупному частному сектору. Госкапиталистические мероприятия правительства лишь в редких случаях, при возникновении сложных политических ситуаций или с общенациональными целями, могут распространяться на мельчайших производителей и торговцев.

Ремесленники-ковроткачи — самый крупный отряд лиц, занятых в мелком промышленном производстве. По переписи населения 1966 г., в этих мастерских работало 428 тыс. человек. Рабочий день в ковроткацких мастерских превышает 12 часов. Во второй половине 60-х годов экспорт ковров резко снизился. Этот факт заставил правящие круги искать причины создавшегося положения. Правительственные эксперты пришли к выводу, что это происходило из-за децентрализации коврового производства. Между производителями и экспортерами ковров стоит группа посредников, живущих за счет эксплуатации ткачей и хищения материалов, которые они получают от заказчика-купца. Децентрализация коврового производства, по мнению экспертов, объясняется тем, что купцы, поддерживающие мелких ремесленников-ковроткачей, не желают их кооперировать и таким образом обходят закон о труде, который распространяется на промышленные предприятия с числом рабочих свыше 20. Сохранение старых, традиционных форм коврового ремесла дало крупным предпринимателям возможность делить предприятия на мелкие мастерские и оставлять в каждой из них менее 20 рабочих. Крупные заказчики превратили многих мастеров и рабочих в надомников, связь с которыми поддерживается через посредников.

Для нормализации положения в ковроткацкой промышленности был принят специальный закон. По этому закону государственному акционерному обществу по производству ковров «Фарше Иран» было предоставлено право контроля над всеми ковровыми предприятиями страны. Это общество обязано было заключать договоры с сельскими кооперативами и отдельными кустарями в городе и в деревне с целью обеспечения их необходимыми средствами и оборудованием. По новому закону рабочие-ковроткачи имеют право участвовать в прибылях мастерских, где они работают; запрещается

принимать на работу детей в возрасте до 12 лет. Однако закон не касается таких важных вопросов, как уровень сдельной и дневной заработной платы, продолжительность рабочего дня, условия труда и быта, система социального обеспечения. Правительство не считает нужным проведение подобных мероприятий; так как это удорожит стоимость рабочей силы и в конечном счете повлечет за собой повышение цен на ковры. К 1970 г. капитал акционерного общества «Фарше Иран» составлял 124 млн. риалов, оно владело 9,8 тыс. ковровых станков и заключило договор с 21 тыс. мастеров-ткачей на производство 55 тыс. кв. м ковров [155, с. 88; 51, с. 60].

Со второй половины 60-х годов правительство обратило внимание на развитие ручного прикладного искусства как на источник инвалюты. Был создан Центр ручной промышленности Ирана. Его финансируют несколько организаций и банков, в том числе Организация привлечения туристов, Банк промышленных кредитов и др. [180, 15.V.1971, с. 27]. В целях организации новых кустарных мастерских и поддержки старых Центр ручной промышленности Ирана в течение шести лет, до 1971 г., осуществил следующие мероприятия: были основаны кооперативы с целью ликвидации посреднических элементов; созданы центры по закупке сырья, продаже продукции через соответствующие организации; приняты меры по изысканию внешних и внутренних рынков сбыта кустарной продукции — организация выставок, крупных магазинов и т. д. В результате, как отмечается в докладе Центра ручной промышленности, в 1970 г. по сравнению с 1969 г. доход от продажи продукции ручной промышленности только через Центр увеличился более чем на 80% [180, 15.V.1971, с. 28]. В течение нескольких лет специальная правительственно-парламентская комиссия занималась составлением Устава синфов («Незам-е сенфи»), который ныне утвержден [180, 15.V.1971, с. 5]. По этому уставу Центральному управлению синфов предоставлены полномочия решать внутренние проблемы синфов.

Однако это не значит, что правительство проявляет особую заинтересованность в развитии мелкого предпринимательства. Его усилия направлены прежде всего на укрепление крупного частного сектора, но прави-

тельство не может не обращать внимания на мелких городских предпринимателей, потому что их недовольство отражается на общих настроениях городского населения. Они снабжают товарами внутренний рынок, а некоторые из мелких предпринимателей производят или скупают у производителей продукцию, идущую на экспорт. Эти обстоятельства заставляют правительство оказывать им определенную помощь. Мелкое производство — трудоемкая область, и в условиях наличия в стране десятков тысяч безработных правительство, чтобы не допустить увеличения безработицы, будет вынуждено поощрять его расширение.

Крупный капитал также очень неохотно и лишь в тех случаях, когда это сулит ему выгоду, идет на оказание помощи мелким производителям. Банк «Омран» (созданный на основе капитала, приобретенного путем продажи шахских земель) после долгих обещаний объявил, что в целях поддержки мелких производителей Касса промышленного обеспечения в 1971—1972 гг. выделила кредит 17 мелким производителям в сумме 85,2 млн. риалов. Средняя сумма кредита (примерно по 5 млн. риалов) показывает, что эти займы были предоставлены не мелким производителям, а средним [180, 15.V.1971, с. 8].

Таблица 9

*Займы, предоставленные специализированными промышленными банками страны * крупным, средним и мелким промышленным предприятиям за 1962—1967 гг. ***

	Сумма займов, млн. риалов	Число предприятий, получивших займы	Средняя сумма одного займа, млн. риалов
Крупные промышленные предприятия	29 948	398	57,6
Средние промышленные предприятия	4 471	800	5,5
Мелкие промышленные предприятия	1 770	5838	0,3

* Займы крупным предприятиям предоставляются Банком промышленного развития; средним — Банком «Этебарат-е санати»; мелким — Банком «Омран».

** Источник: [115, с. 22].

Данные табл. 9 показывают, что общая сумма займов, предоставленных крупным предприятиям, в 16,8 раза больше общей суммы, предоставленной мелким предприятиям, в то время как последние составляли абсолютное большинство. Займы предоставлены 20% крупных и средних предприятий и только 0,8% мелких.

Общие интересы крупного капитала и мелких хозяев являются одним из элементов, содействующих воспроизводству низших укладов. Противоречия же, существующие между ними, не приводят к полному свертыванию деятельности низших укладов, поскольку для последней характерна определенная самостоятельность. К тому же в условиях многоукладности крупный капитал обычно не видит необходимости в свертывании той или иной отрасли деятельности мелкой буржуазии, а старается подчинить ее своим интересам.

Процесс закабаления мелких хозяев крупным капиталом в Иране — процесс многосторонний, длительный и мучительный. В большой степени он зависит от вмешательства государства и кооперативов. Крупный частный капитал использует и докапиталистические пережитки в интересах усиления эксплуатации мелкого хозяина.

Процесс свертывания низших укладов тормозится социальной психологией мелкого производителя, его привычкой к традиционным связям и боязнью установления новых отношений.

«Мелкие торговцы и ремесленники, — пишет П. В. Инглиш, — воспитывают молодежь керманского базара как свое поколение по определенной системе, похожей на синф. Молодой человек сначала как подмастерье, а потом как рабочий-специалист почти полностью повторяет путь, пройденный его мастером. Он воспитывается в духе лояльности к синфу, в духе религиозности, ежедневно посещает мечеть. Срок пребывания в подмастерьях зависит от способностей молодого человека, упорства мастера и степени трудности изучаемого ремесла и т. д. Однако контроль синфа над воспитанием молодежи ослабевает в результате осуществления правительством законов об обязательном начальном образовании и обязательной военной службе» [83, с. 75]. и по другим причинам, в том числе из-за

переоценки престижа специальностей и методов обучения и т. д.

Непоследовательность государственной политики по отношению к мелкому предпринимателю заставляет последних настороженно относиться к этой политике. Однако, несмотря на сотрудничество мелких хозяев с различными другими частными институтами, они принципиально готовы объединить свои усилия с усилиями правительства в интересах борьбы с крупным частным капиталом, ограничивая его давление на мелких хозяев. Ныне при условии роста урбанизации, усиления потребности новых групп городского населения в различных товарах и услугах мелкотоварный уклад может расширить свои границы в городах даже при нынешних темпах развития крупной промышленности. Хотя мелкотоварный уклад растет абсолютно, его относительный рост в своей нынешней форме, по-видимому, не сможет продолжаться долго, и по темпам роста он постепенно уступит место мелкокапиталистическому укладу. По мере развития капитализма крупное производство все в большей степени подчиняет себе мелкое хозяйство, все сильнее уменьшается «самостоятельность» последнего перед лицом более высоких капиталистических укладов.

В Иране в воспроизводстве мелкотоварного и мелкокапиталистического укладов участвуют не только сами носители этих отношений, но и все другие уклады, в том числе государственный капитализм, крупный частный капитал и т. д., причем каждая из этих групп влияет на воспроизводство мелкотоварных отношений своими методами, в своих интересах, порою даже противоположных друг другу.

Мелкое производство является одной из тех областей, в которую относительно богатая часть интеллигенции, как и крупные торговцы, вкладывает свои сбережения и капитал, способствуя этим воспроизводству мелкого и среднего производства.

В нынешних условиях, когда базар перестал быть центром городской экономической деятельности, правительство, как и прежде, продолжает поддерживать жизнедеятельность синфов. Видимо, социальное устройство синфов, основанное на сотрудничестве трех классов: рабочих (производителей), мелкой буржуазии (органи-

зателей производства) и буржуазии (кредиторов), — во многом устраивает правящие круги. Были предприняты шаги к укреплению организации синфонов, их централизации. Так, синфоны каждой отрасли рынка и торговли объединяются в синдикаты, которые объединяются в палату синфонов каждого города, а городские палаты синфонов подчиняются Центральной палате синфонов.

По официальным данным, в 1973 г. в Тегеране существовало 130 синдикатов торговцев и ремесленников с 200 тыс. членов. Вместе с семьями они составляли 27,5% населения столицы. В 1973 г. в Иране насчитывалось около 650 тыс. членов синфонов [87, 1974, с. 447].

Характеризуя экономическое положение предпринимательской части городских средних слоев, следует отметить тяжелые бытовые условия, особенно их беднейшей части. Материалы обследования районов Тегерана, где живут бедняки, и аналогичные материалы по Абдану, Куму, Мешхеду и другим городам раскрывают особенности капиталистического развития городов и связанные с ним противоречия.

В опубликованных в 1965 г. материалах семинара по изучению социальных проблем Тегерана особый интерес представляет сообщение г-жи Фагих, долгое время служившей в качестве административного работника в южных районах Тегерана, населенных рабочими, ремесленниками, бедными торговцами и более бедными слоями, вплоть до низших — пауперов и люмпенов [118, с. 337]. Фагих делит все население этих районов на три группы. Первая группа включает людей, получающих относительно большие доходы, — мелких торговцев, рабочих-специалистов, мастеров, ремесленников и т. д., которые живут в многонаселенных домах. Семья занимает одну комнату, арендная плата за жилье — от 400 до 750 риалов в месяц. Средний ежедневный доход каждой из этих семей колебался в пределах 70—150 риалов. Иногда среди них встречались семьи с ежедневным доходом от 200 до 250 риалов. Эти люди, как правило, приехали из провинции на заработки и уже долгое время жили в столице. После многих лет изнурительного труда они смогли обзавестись мелким хозяйством и сколотить маленькое состояние. Фагих отмечает, что в этой группе женщины (за некоторым исключением) обычно не работают и живут за счет до-

хода своих мужей. В семьях встречается и многоженство.

Здесь нет канализации, население пользуется водой из открытых каналов, и этим объясняется распространение различных болезней, особенно детских.

Вторая группа жителей южных районов столицы объединяет тех, кто живет в котлованах, таких, как «Гоуд-е арабха», «Гоуд-е Масуми» и др.⁵ «Обычно котлованы имеют размеры от 2 тыс. до 4 тыс. кв. м. Они находятся на несколько метров ниже мостовых и образовались в результате снятия верхних пластов земли для нужд близлежащих кирпичных заводов. Владельцы этих земель распределили их на мелкие участки и продали. Когда сверху, т. е. с улицы, смотришь вниз, то видны глубокие котлованы, заполненные четырехугольными глиняными одноэтажными строениями. Спустившись на 20 или 30 ступеней, мы попадаем в котлован. Продолжение дороги от ступеней — главная „улица“. От нее влево и вправо идут узкие проходы — пыльные и грязные, особенно летом. Площадь каждого двора — 40—50 кв. м. На каждом дворе расположено по несколько маленьких темных комнат (размером 3×4 м). В каждом дворе живет от 6 до 10 семей. Месячная арендная плата за комнату — от 300 до 400 риалов. Питьевую воду жители покупают на улице и приносят домой. Мужчины днем уходят на заработки, но многие из них не имеют работы. Днем в котловане остаются только женщины, дети, старики и больные. Вечером, когда все возвращаются домой, кажется странным и удивительным, сколько людей живет в этих маленьких дворах» [118, с. 341].

Только единицы детей посещают школу. Среди них, отмечает Фагих, нет девочек. Дети зачастую вынуждены днем работать, а вечером посещать школу для взрослых. Многие дети работают на фабриках по производству стекла; они заняты на самых тяжелых работах — около печей, получая мизерную плату — от 15 до 30 риалов в день. Дети занимаются также продажей лотерейных билетов, жвачки и т. д. Женщины в основном не работают.

⁵ Гоуд — углубление, впадина, яма; «Гоуд-е арабха» — «Впадина арабов»; «Гоуд-е Масуми» — «Впадина Масуми».

Третья группа населения этих районов — обитатели караван-сараяев. По мнению Фагих, зона караван-сараяев состоит из нескольких дворов. Одноэтажные комнаты из глины построены по внутренней стороне стен двора, они не имеют никаких других отверстий, кроме входной двери. Арендная плата — от 200 до 300 риалов в месяц. Обычно в каждой комнате площадью от 6 до 12 кв. м живут две семьи. По словам владельца одного караван-сарая Хадж Болури, в нем живут 70 семей-арендаторов, а как утверждают жители этого караван-сарая — гораздо больше. Здесь нет воды, на расстоянии 500 м от караван-сарая находится один кран, работающий два часа в сутки. Фагих обратила внимание на ежедневные скандалы, возникающие у этого крана. Все жители пользуются открытым, очень грязным туалетом.

Часто, замечает Фагих, люди живут в одной комнате с животными. Обычно это владельцы ослов. Поскольку у них нет средств для того, чтобы арендовать место для содержания животных, которые являются их единственным богатством и надеждой всей семьи, владельцы держат их вместе со своими детьми.

Обитатели караван-сараяев живут очень бедно, многие не имеют постоянной работы. Это деревенские мигранты, доведенные до крайней степени нищеты, живущие надеждой найти работу. Здесь трудно встретить детей, посещающих школу. Все — и дети, и взрослые — озабочены только одним: не остаться голодными. Женщины иногда работают вне дома. Если в первой и во второй группах имеются рабочие-специалисты, то третья группа в основном состоит из неквалифицированных рабочих и продавцов-разносчиков, поэтому безработица ощущается особенно остро.

О старых центральных районах Тегерана, где в 20-х годах жила аристократия (район базара), а во второй половине 60-х годов жили в основном мелкие ремесленники и мелкие торговцы, работавшие в этом районе, рассказал участник семинара М. Мотамени. Сначала аристократия начала переселяться в северные районы столицы, затем из этого района уехали крупные купцы, а спустя некоторое время — средние купцы. «Этот процесс, — отмечал М. Мотамени, — продолжается и ныне» [118, с. 383]. Покидая дома, владельцы сда-

вали их в аренду, а арендаторы — в субаренду. В начале 60-х годов в доме, который раньше занимала одна семья, жили 42 семьи, всего 207 человек. В другом доме — 30 семей (162 человека), в третьем — 63 семьи (164 человека). В этом районе нередко несколько семей (близкие родственники) живут в одной комнате. Такой образ жизни порождает многие бытовые проблемы и противоречия, которые заканчиваются обычно совершением различных преступлений.

Подытоживая социально-экономическое положение предпринимательской части городских средних слоев, скажем, что положение ремесленников и мелких торговцев, занятых в мелкотоварном и мелкокапиталистическом укладе, в результате перемен в иранском обществе претерпевает изменения. Хотя эти слои по-прежнему играют значительную роль в сфере товарного производства, они всё больше покидают некоторые традиционные сферы производства. В сфере торговли и услуг число представителей этих слоев увеличивается. Господство крупного капитала в производстве и торговле и жестокая конкуренция местных и иностранных промышленных товаров приводят к тому, что сфера мелкотоварного производства для определенных слоев традиционных ремесленников сужается. Это приводит их к банкротству или вынуждает в целях самосохранения приспособлять свое ремесло к новым условиям. Ремесленники подвергаются постоянному нажиму со стороны крупного местного и иностранного капитала. Хотя число мелких торговцев растет, они также всё в большей степени попадают под власть крупных торговцев и утрачивают свою независимость. Часть из них вынуждена продавать свою рабочую силу, т. е. вливаться в армию пролетариата. Такое положение способствует вовлечению большинства ремесленников и мелких торговцев в демократическую борьбу.

Глава II

СЛУЖИЛАЯ ЧАСТЬ ГОРОДСКИХ СРЕДНИХ СЛОЕВ

Некоторые вопросы формирования

Замедленное развитие Ирана и особенно его полуколониальное положение задерживали процесс роста интеллигенции. Проникновение иностранного капитала в Иран, кроме того, деформировало этот процесс, объективно подчиняя его интересам полуколониального развития страны. Поскольку в Иране не было новой техники и крупных национальных промышленных объектов, долгое время не появлялась и национальная техническая интеллигенция. Вместе с тем постепенная модернизация государственного управления вызвала необходимость в подготовке квалифицированных кадров для среднего звена административного аппарата. Другими словами, служилая интеллигенция в своей массе с самого начала являлась слугой государства и империалистических держав, а это означало, что она независимо от своей воли объективно должна была обслуживать их интересы.

Еще в XIX в. в Иране господствовала традиционная средневековая система образования: дети аристократических семей обучались читать и писать на персидском и арабском языках, изучали Коран, некоторые произведения классиков персидской литературы. Полностью отсутствовала система технического европейского образования.

К началу XX в. основная масса интеллигенции имела общегуманитарное начальное и среднее религиозно-традиционное образование. Как правило, это были выходцы из родовитых семей. Эта интеллигенция, естест-

венно, не была похожа на интеллигенцию развитых капиталистических стран XVIII—XIX вв.

Об истории развития иранской интеллигенции говорит в своем исследовании иранский историк Адамийят: «Знакомство иранцев с западной цивилизацией началось в XVI в. Однако это короткое знакомство не оставило отпечатка на иранском общественном сознании» [135, с. 22]. В начале XIX в. страна была втянута в сферу международной политики и стала объектом конкуренции между европейскими государствами. В это время перед Ираном встала важнейшая проблема защиты своей политической независимости. Это определяло направление внешней политики страны. Правящие круги искали путей преодоления отсталости вооруженных сил и экономики в целом.

В 1811 г. впервые в истории Ирана на учебу в Англию были посланы два человека. Один из них, Мирза Хаджи Баба, вернулся на родину через шесть лет, овладев профессией врача [135, с. 42]. В 1815 г. в Англию уехала вторая группа иранской молодежи [193, с. 2, 4]. Они вернулись в Иран в 1819 г. Все они заняли в дальнейшем видные государственные посты. Мирза Салех Ширази, например, стал официальным переводчиком правительства, Мирза Джавад Мошир од-Доуле возглавил Государственный совет Ирана. В 1849 г. иранский посол во Франции заключил соглашение о технической подготовке 20 иранских учащихся во Франции [135, с. 41].

Тяга к европейской культуре, соображения карьеры побуждали многих богатых людей посылать своих сыновей для обучения в Европу. После возвращения в Иран они становились крупными чиновниками. В иранских источниках упоминаются, в частности, следующие лица, получившие образование в Европе: Яхья-хан (Мошир од-Доуле) и Хосейн-хан (Сепаксалар) — сыновья Наби-хана, а также Мирза Мальком-хан (Низам од-Доуле) — сын Якуба Исфакхани (армянского происхождения).

Многие иранские прогрессивные интеллигенты, ставшие чиновниками, не заканчивали европейских школ, но, побывав в странах Европы, почерпнули много полезных знаний. В числе таких лиц можно назвать Хосроу-мирзу, Мустафа-хана Афшара, Мирзу Таги-ха-

на Фарахани и др. Мирза Таги-хан (Амир Кабир)¹ стал впоследствии премьер-министром Ирана и крупным реформатором XIX в.

В 1837 г. в Иране появилась первая газета [184, с. 22]. Ее редактор Мирза Салех Ширази был одним из первых представителей интеллигенции нового типа. Вторая газета начала выходить в 1850 г. под названием «Вагайе-е эттефагий» («События»). Инициатором издания был Амир Кабир. В 1860 г. эта газета стала выходить под названием «Иран-е солтани» («Султанский Иран»), а затем — «Рузнаме-е доулат-е Иран» («Газета иранского правительства»). В ней публиковалось множество материалов, впервые сообщавших иранцам о прогрессе техники и культуры в Европе [189, с. 135].

В провинции первая газета вышла лишь в 1872 г. в г. Ширазе. Показательно, что во второй половине XIX в. единственная в стране газета имела всего 811 подписчиков, из них в Тегеране — 270, Азербайджане — 166, Фарсе — 66, Гиляне — 35, Мазендеране — 30, Исфахане — 30, Кермане — 8, Семнани и Дамгане — 3, Саве — 2, Махаллате — 1 и т. д. Многие подписчики получали газету в принудительном порядке, а если они отказывались вносить подписную плату, то по приказу шаха эти деньги вычитались из их жалованья [184, с. 23].

В середине XIX в. начало функционировать первое в стране светское училище — «Дорольфонун». Обычно это училище называют высшей школой, но в действительности оно было организовано на уровне европейской средней школы с технической, медицинской и даже военной специализацией. Выпускники училища, как правило, завершали профессиональное образование в Европе. В училище преподавали иностранцы, в основном французы. В 1887 г. в Тебризе по инициативе известного общественного деятеля Рошдийе была создана

¹ Относительно социального происхождения Амира Кабира Ф. Адамят пишет следующее: «Амир Кабир произошел не из богатой и знатной семьи... Отец Амира Кабира был поваром министра и секретаря шаха — Гаем Магама (Мирзы Исы), а перед этим он был мясником в городе Араке. Близость отца к знатым семьям дала возможность Амиру Кабиру учиться и в молодости поступить на службу в правительственные учреждения. Он был способным человеком и скоро дошел до поста премьера» [134, с. 1—6].

еще одна общеобразовательная средняя школа, но вскоре под давлением реакционного духовенства она была закрыта. В конце XIX в. в стране существовало несколько миссионерских светских школ. И только в годы иранской революции (1905—1911) был принят закон об обязательном бесплатном начальном образовании, который гласил: «Начальное образование обязательно для всех иранцев, а связанные с этим расходы берет на себя государство» [120, с. 171].

В 1911 г. в Тегеране действовали уже 123 светские начальные школы, в которых обучался 10 531 учащийся. Примерно 10 тыс. учеников обучалось в других городах страны [152, с. 348]. В 1909 г. под Тегераном была создана сельскохозяйственная школа, подготовившая первые в стране кадры агрономов. В 1911 г. в Тегеране открылась дипломатическая школа. В 1919 г. был создан Высший педагогический институт [87, 1974, с. 419].

В годы революции бурно развивалась пресса. Иранская конституция, принятая в 1906 г., предусматривала свободу образования, необходимость создания государственных бесплатных светских школ, обязательное начальное образование, создание министерства науки и культуры, свободу печати (ст. 18—20) [119, с. 21]. Всего в те годы в стране выходило около 350 газет и журналов, из них только в столице — около 150 и в Тебризе — около 50 [59, с. 17].

Можно предполагать, что до 20-х годов XX в. 80% иранской интеллигенции служило в государственном секторе, 10% — в иностранном секторе, 5% — в частном секторе и 5% были людьми свободных профессий.

К началу 20-х годов в стране сложилась небольшая группа служащих и научно-технической интеллигенции нового типа, группа писателей, журналистов, частично получивших европейское образование.

Особенно увеличился слой интеллигенции на государственной службе в период правления Реза-шаха. Если в 1925 г. число служащих государственного сектора составляло 5665, то в 1940 г. оно уже достигло 150 тыс. Этому способствовало принятие меджлисом в 1927 г. повторно закона о всеобщем обязательном бесплатном начальном образовании, в 1928 г. — закона о ежегодном направлении в зарубежные учебные заведе-

ния иранских студентов. Кроме того, правительство обязано было зачислять на государственную службу всех иранцев, закончивших высшие учебные заведения в Иране и за границей [123, с. 120]. По специальному закону 1930 г. правительство обязано было 20% студентов, направляемых для обучения за границу, выбирать из среды бедных иранских семей, проживающих в Европе [124, с. 31]. Реза-шах, решив удалить из государственного аппарата потомков кадджарских шахов, создавал новые кадры государственного аппарата под предлогом помощи бедным.

До 1940 г. в Иране было создано более 20 педагогических училищ. В 1940 г. в стране насчитывалось уже 13,5 тыс. учителей. В 1934 г. были основаны Тегеранский университет и Институт сельского хозяйства в Керендже, а в 1939 г. — Институт нефти. Если в 1927 г. в Иране было подготовлено 77 специалистов с высшим образованием, то в 1940 г. только в Тегеранском университете училось 1894 человека. К 1940 г. все иранские технические училища выпустили 2486 специалистов [49, с. 50, 56].

Служащие в Иране (по сравнению с развитыми странами) составляли относительно узкую и привилегированную прослойку общества. Она пополнялась главным образом за счет буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения. Мелкие собственники и хозяева предпочитали работу служащего потому, что она, как им казалось, сулила более устойчивое и обеспеченное существование, или потому, что ее считали чистой.

Увеличение численности мелких служащих из мелкобуржуазных слоев приобрело большой размах уже в 30-е годы, когда в стране началась реорганизация государственного аппарата, формирование чиновничьей элиты на новой, европейской основе. Именно поэтому с 30-х годов средние городские слои стремятся обеспечить своим детям возможно лучшее образование, чтобы дать им возможность занять более высокое общественное положение. Если до нынешнего века в народе было популярно изречение «предприниматель — любимец бога», то ныне распространено убеждение, что служба в государственном аппарате обеспечивает более солидное положение в обществе.

По мнению иранского автора Гасеми, среди мелко-

буржуазных слоев бытует мнение, что поскольку для достижения высоких государственных постов необходим один из двух факторов: финансовая база или высшее образование, а мелкие хозяева лишены первого, то их дети должны овладеть вторым [181, 1970, № 6, с. 253].

Примечательно, что служащие — выходцы из средних городских слоев — стремятся к службе в государственном аппарате, чем в частном секторе, ибо административная работа в частном секторе обычно связана с экономикой (промышленность, торговля и т. д.), а не с политикой, в сфере которой можно приобщиться, хоть и в ничтожно малой степени, к политической власти.

Необходимо учитывать, что фактор грамотности, или, вернее, образованности, является важнейшим элементом, отличающим служилую часть средних слоев от их предпринимательской части. Важность этого фактора заключается не только в самом образовании, но и в изменении социальной психологии городского человека под влиянием образования.

Быть служащим может только тот, кто имеет начальное, среднее или высшее образование; следовательно, образование является неотъемлемым качеством служащего. Повышая его, служащий может высоко подняться по иерархической лестнице. Самостоятельный ремесленник или мелкий торговец находится в ином положении.

При равном классово-экономическом положении образованные люди в Иране объективно обладают значительно более высокой сознательностью и общественной активностью. Поэтому анализ проблемы грамотности в городах, и особенно средних слоев, может помочь составить более ясное представление об отличительных чертах различных групп городских жителей, в частности средних слоев (табл. 10).

По данным табл. 10, в 1966 г. в стране было 3,3 млн. грамотных, из них 2,7 млн. (75%) имели начальное образование (менее шестиклассного) и только 825 тыс. (менее 25%) — образование выше шестиклассного. Из 2,6 млн. занятого населения городов почти 50% были неграмотными, 851 тыс. (32,4%) имела образование ниже шести классов, а примерно 380 тыс. — неполное или полное среднее образование, из них 139,7 тыс. закончили среднюю школу и только 60 тыс.

Уровень грамотности среди некоторых групп занятых в городах на 1966 г. *,
тыс. человек

	Общее число занятых	Процент от общего числа занятых	Число неграмот- ных	Процент от общего числа занятых в отрасли	Число грамот- ных	Процент от общего числа занятых в отрасли	Число получив- ших дипломы средней школы	Процент от общего числа
Во всех отраслях	2610,3	100	1359,1	52	1251,2	48	139,8	33,4
Научно-технические кадры	162,5	6,2	6,6	3	155,9	97,0	59,4	37,1
Канцелярские служащие	186,3	7,1	9,2	4,2	177,1	99,8	46,0	24,3
Работники торговли	374,1	14,3	180,2	44,6	193,9	55,4	6,9	1,8
Работники сферы услуг	340,9	13,1	221,7	62,4	119,2	37,6	2,3	0,9
Работники промышленности и транспорта	1143,7	44,7	723,6	60,6	420,1	39,4	5,6	0,03
Работники сельского хозяй- ства	—	—	—	—	—	—	—	—
Работники рыболовства	198	7,3	152,7	71,7	45,3	28,3	1,1	0,8
Прочие	204,8	7,3	65,1	37,9	139,7	62,1	18,5	13,1

имели образование в объеме выше средней школы [117, с. 48]. Из приведенных данных видно, что больше всего неграмотных среди занятых физическим трудом. Следует отметить, что если доля закончивших среднюю школу среди научно-технических кадров и канцелярских служащих соответственно достигает 37,1 и 24,3%, то среди работников торговли — 1,8%, работников сферы услуг — 0,9%, а среди работников промышленности и транспорта — 0,03%.

Ниже приведены данные о численности лиц со средним и высшим образованием по различным сферам общественной деятельности (табл. 11).

Таблица 11

*Распределение лиц со средним и высшим образованием по сферам общественной деятельности в городах на 1966 г. **
тыс. человек

	Общее число	Со средним образованием	С высшим образованием
Научно-технические работники	162,5	85,5	39,5
Директора и крупные чиновники	11,1	4,9	3,8
Канцелярские служащие	186,5	95,4	11,4
Работники торговли	374,1	28,9	1,1
Работники сферы услуг	340,9	13	1,2
Работники сельского хозяйства	197,7	4	0,3
Работники промышленности и транспорта	1143	50,1	0,3

* Источник: [117, с. 48].

Из данных табл. 11 видно, что подавляющую часть лиц со средним и высшим образованием составляют служащие. Отсюда — важный вывод: служивая часть средних слоев — это относительно грамотная развивающаяся общественная прослойка. Будучи представителями средних городских слоев, интеллигенты-трудящиеся в то же время в основном связаны с более развитыми укладами, нежели мелкотоварный и мелкокапиталистический. Неся в себе признаки и черты социального слоя мелких собственников, из которого они вышли, основ-

ная их часть меняет свои психологию и мировоззрение в связи с теми отношениями, которые устанавливают с новыми укладами.

Правящие круги включают в состав элиты некоторых лояльных по отношению к властям представителей интеллигенции из средних слоев, особенно технократов. Власти привлекают их на свою сторону, назначая на крупные административные посты, предоставляя беспроцентные долгосрочные займы, организуя браки с членами богатых семей и т. п. Эти люди постепенно отказываются от мелкобуржуазных позиций и переходят в прослойку бюрократической буржуазии, защищая ее интересы.

Вышеуказанные мероприятия порождают определенные иллюзии в мышлении средней интеллигенции, мечтающей «выйти в люди».

Ниже приводятся данные, характеризующие представительство различных слоев населения страны в меджлисе [151]. С учетом того, что выборы в меджлис почти все время находились под контролем правительства, эти данные наглядно иллюстрируют степень nepотизма интеллигентов и привлечение их на службу элите:

	Меджлис XIX созыва	Меджлис XX созыва	Меджлис XXI созыва
Помещики и купцы . .	70	66	45
Государственные служащие	52	48	69
Лица свободных профессий	19	22	20

Из 250 представителей политической элиты Ирана, опрошенных М. Зонис, 2,8% были выходцами из семей офицеров армии и полиции, а 25,6% — из семей служащих [86].

Значительная слабость социально-политических позиций мелкой буржуазии по сравнению с реальным экономическим значением в Иране объясняется, на наш взгляд, тем, что нередко интеллигенты при наличии дипломов могут изменить и свою классовую принадлежность. В Иране, как в развивающейся стране, такие изменения наблюдаются гораздо чаще, чем в раз-

витых странах, где принадлежность к классу определяется степенью обеспеченности, особенно наследственной, а профессия лишь в редких случаях может изменить классовое положение человека.

Ввиду отсталости деревни из иранского крестьянства сравнительно мало кто может получить высшее образование, хотя в последние годы в результате аграрных реформ и обогащения части крестьянства участились случаи ухода сыновей кулаков из деревни в город или выезд их в Европу для получения образования.

Что касается офицерства как современного общественного городского слоя, то он начал формироваться в Иране после соглашения между царской Россией и Ираном в 1879 г. По этому соглашению в Иране был создан сначала казачий полк, а к 1910 г. — бригада. К 1918 г. в стране существовали следующие регулярные воинские части: жандармерия — 8,5 тыс. солдат, находившихся под командованием шведских офицеров (низшими и средними офицерами были иранцы); казачья бригада — 8 тыс. солдат под командованием 56 русских белых офицеров и 66 унтер-офицеров (низшими и средними офицерами — 202 человека — были иранцы); центральная бригада — 2140 иранских солдат, 1 шведский, 1 польский и 126 иранских офицеров (бригада подчинялась непосредственно военному министру); «южная полиция», или «южноперсидские стрелки», созданная англичанами на юге страны, насчитывавшая 5,5 тыс. солдат (47 английских офицеров, 256 английских унтер-офицеров и более 200 иранских офицеров) [186, 1966, № 2, с. 29]. В Хорасанском корпусе было 580 солдат и 12 иранских офицеров, в Систанском корпусе — 1700 солдат и 58 офицеров.

В годы правления Реза-шаха численность офицерства резко возросла. В 30-е годы были созданы два офицерских двухгодичных высших учебных заведения, несколько училищ и Военная академия, где совершенствовал свои знания командный состав. Офицерский состав комплектовался в основном из богатых семей и семей «новых» средних городских слоев, а унтер-офицерский — из мелких торговцев, ремесленников, кулачества и т. п. Во всех крупных городах были созданы средние военные школы, которые подготавливали кадры для обучения в высших военных учебных заведениях.

ях. К 1940 г. было подготовлено более 20 тыс. офицеров и унтер-офицеров. В средних и высших военных учебных заведениях курсанты обучались бесплатно и получали бесплатно одежду и питание.

Не существовало никаких запретов на поступление в эти учебные заведения для представителей неимущих классов. Поэтому в военных школах в годы правления Реза-шаха училось много молодежи из среды предпринимательских и служивых городских слоев; она-то в 40—50-е годы и составляла в основном офицерство иранской армии. После государственного переворота, совершенного в августе 1953 г., прием в армейские учебные заведения был несколько ограничен и установлены определенные преграды для поступления в них представителей трудящихся.

В конце XIX — начале XX в. низший слой мусульманского духовенства в Иране играл большую роль в жизни городских средних слоев. В будни эти люди занимались ремеслом, торговлей и сельским хозяйством, а в праздничные дни отправляли религиозные обряды. Во время политических кризисов в стране эта прослойка духовенства играла большую роль, пропагандируя в религиозных проповедях революционные идеи. В то же время высшее духовенство с экономической точки зрения находилось в общем ряду с крупными помещиками и землевладельцами, а в политическом смысле чаще всего отстаивало реакционные идеи [см. 55, с. 5—6].

Реза-шах ограничивал сферу влияния духовенства в общественно-политической жизни городов. Однако духовенство сохраняло свои позиции в деревнях.

Изменение социального положения духовенства в Иране и его роли в общественно-политической жизни в 30-е годы зависело не только от политики государства по отношению к религии, но и от реформы самой религии. С развитием науки и техники высшее духовенство Ирана стало приспосабливаться к новому уровню культурного развития общества и вносить изменения в догматику ислама. Некоторые представители реформаторского крыла духовенства — Сангеладжи, Шариат-Мадари и др. — в своих проповедях стали говорить о законах физики, химии, механики и т. п. Однако культурный уровень низших и средних слоев духовенства был низок, и они не смогли приспособиться к совре-

менному уровню развития науки. По своему материальному положению и психологическому складу низшие и средние слои духовенства были ближе к традиционным слоям мелкой буржуазии Ирана 30-х годов, и им была присуща общая консервативность.

Мусульманская религия в большой степени тормозила процесс феминизации административного персонала. Однако в последние годы под воздействием модернизации этот процесс немного ускорился.

Процесс эмансипации иранских женщин начался в 30-е годы нашего века. Подавляя сопротивление духовенства, противостоявшего планам европеизации Ирана, Реза-шах поощрял и даже принуждал женщин принимать участие в общественно-политической жизни страны. Главным достижением этого периода в области женского вопроса было признание не только государством, но и общественностью права женщин на труд. Впервые женщины могли снять чадру и трудиться наравне с мужчинами. Однако исламские традиции и мусульманский фанатизм противостояли этому процессу. Осуществить намеченные планы было трудно. Реформы в области женского вопроса имели поверхностный характер.

После второй мировой войны начался обратный, реакционный процесс — женщины вновь стали надевать чадру и т. д. Духовенство выступало против пункта референдума 1960 г. «об освобождении женщин», хотя это обещание шаха Ирана также не было выполнено полностью. Женщины получили сильно урезанные права по сравнению с мужчинами в вопросах бракосочетания, сохранялось многоженство, ношение чадры не только не было запрещено, но даже поощрялось официально, усиливалось распространение религии. Однако, несмотря на это, в силу развития капитализма женщины активно втягивались в общественно-хозяйственную жизнь. Об этом свидетельствуют следующие данные общих переписей 1956 и 1966 гг. В 1956 г. среди занятого населения Ирана было 573 тыс. женщин (9,6%), в 1966 г. — 910 тыс. (13,3%). В 1956 г. женщины составляли 13,6% всех наемных работников частного сектора (305,4 тыс.), в 1966 г. — 16,2% (429,2 тыс.). В 1956 г. среди самостоятельных хозяев насчитывалось 5,3% женщин (130,8 тыс.), в 1966 г. — 7,5% (197,7 тыс.).

В 1956 г. женщины составляли 6,7% всех государственных наемных работников (30,6 тыс.), в 1966 г. — 8,5% (58,8 тыс.) [117, с. 40—47; 131, с. 25].

Социально-экономические преобразования, проводимые в Иране в 60-х годах, оказали и оказывают непосредственное влияние на дальнейший численный рост служилой части городских средних слоев и интеллигенции вообще. Новая экономическая политика иранского правительства, направленная на усиление индустриализации с привлечением крупного национального и иностранного капитала, вызвала рост потребности в научно-технических кадрах. При этом основная часть новой научно-технической интеллигенции используется не только в государственном секторе (как было раньше), но и в частном и смешанном секторах.

В 60-х годах правительство активизировало меры по увеличению числа школ и высших учебных заведений (табл. 12).

Таблица 12

*Динамика роста числа школ, высших учебных заведений, учителей и учащихся в 1945—1971 гг.**

	1945 г.	1954 г.	1971 г.
Начальные школы	2 825	5 400	15 000
число учителей	13 200	24 000	86 000
число учащихся	336 800	650 000	3 000 000
Средние школы	311	411	2 500
число учителей	1 504	18 921	22 000
число учащихся	322 620	—	1 000 000
Высшие учебные заведения	2	2	62
число студентов	6 000	8 000	115 000
число преподавателей	—	—	4 125

* Источники: [178, 20.III.1947; 173, 2.X.1947; 87, 1974, с. 419].

Государственные мероприятия в области развития культуры дали значительный эффект [108, с. 67—68]. В 1966 г. в столице было построено 11 библиотек, в основном построенных после 1962 г. В 1957 г. здесь было 67 кинотеатров на 34 тыс. мест, а в 1967 г. — 98 кинотеатров на 79 тыс. мест [108, с. 67—73].

В 1952 г. было создано «Общество национальной музыки» («Энджумен-е мусиги-йе мелли»), в 1954 г. — Национальная школа музыки (Мадресе-йе мелли-йе мусиги), в 1956 г. — музыкальная школа в Тебризе.

В 1967 г. киностудия Ирана создала 90 фильмов (первый иранский фильм был снят в 1948 г. студией «Митрафильм» [108, с. 75]). В 1968 г. в Тегеране работали один музей и более 10 театров [108, с. 77]. Все театры, кроме театра «Барбод», открылись в годы второй мировой войны и после нее: театр «Парс» — в 1944 г., «Хафез-е ноу» — в 1954 г., «Ясе ноу» — в 1960 г., «25 Шахривар» — в 1965 г., «Дехган» — в 1966 г., «Рудаки» — в 1968 г., «Митра», «Пасаргад», «Касра» — в конце 60-х годов.

К середине 70-х годов значительно возросла численность художественной интеллигенции.

Формирование «новых» средних городских слоев в Иране идет в сложных условиях развития капитализма, внедрения новой техники и науки, проникновения прогрессивных идей и борьбы демократических сил Ирана с империализмом.

Численность

Конкретные формы и содержание труда той или другой группы служащих связаны с техническим уровнем производства, системой его организации, характером распределения. В связи с развитием производства меняется соотношение между количеством представителей различных форм труда, а также между характером труда различных групп. Это развитие всегда происходит в рамках производственных отношений.

По классической схеме служащие делятся на три категории: работники умственного труда, занятые в производстве материальных благ (производители); работники умственного и механического труда коммунальных и торговых предприятий, которые трудятся в сфере торговли (полупроизводители); работники умственного и механического труда в непроемительных сферах.

Неразвитость производительных сил и производственных отношений способствовала появлению в стране

огромной массы людей, не занятых в сфере производства. Промежуточное положение между производительной и непроизводительной частями занимает отрасль услуг, развивающаяся и обновляющаяся в результате модернизации и «вестернизации».

Следует отметить также характерные черты, определяющиеся многоукладной экономикой страны и спецификой ее политического положения. Во-первых, это гораздо большее, чем в развитых странах, различие места в обществе, роли и положения служащих и «низших слоев» (рабочих, крестьян и др.), особенно заметное при сравнении заработной платы и условий труда (хотя существует тенденция к постепенному сглаживанию этого различия). Во-вторых, по сравнению с развитыми странами численность первой категории служащих, т. е. работников умственного труда, занятых в производстве материальных благ, неизмеримо меньше, чем двух других категорий. Более низким является также уровень их действительного участия в процессе производства прибавочной стоимости. Эта категория является как бы связующим звеном между промышленным пролетариатом, с одной стороны, и массами средних городских слоев — с другой. В-третьих, наряду с ростом числа служащих в крупных торговых, страховых фирмах и в сети кооперативов не только существует, но и развивается сеть мелкой и мельчайшей торговли и услуг, а также мелких самостоятельных промышленных мастерских. В-четвертых, наблюдается интенсивный рост численности служащих во всех звеньях государственного аппарата. Этот аппарат привлекает самые широкие круги образованной молодежи, поскольку обеспечивает относительно состоятельную жизнь и социальный «авторитет». Особое место среди административных работников занимают военно-полицейские служащие, которые в материальном отношении обеспечены гораздо лучше, чем другие чиновники. И последнее — многие инженерно-технические кадры страны работают в собственных конторах по договорам, как подрядчики.

В Иране имеются современные большие города (Тегеран, Абадан и др.), но в списки городов включены и такие населенные пункты с числом жителей не меньше 5 тыс., которые не отличаются по существу от деревни.

В каждом таком «городе» живет и работает небольшая группа служащих, фактически стоящих далеко от общественно-политической жизни страны: они резко отличаются от интеллигенции и служащих крупных городов по своей психологии и интересам. В деревнях, где общий материальный и культурный уровень чрезвычайно низок, всякий грамотный, а тем более образованный человек, владеющий профессией врача, учителя и т. д., кажется городским человеком. И в действительности такие люди часто живут в деревнях временно. Они теснее связаны с городом и городскими проблемами, чем сельские жители. Формально мы не включаем научно-технические кадры и служащих, живущих в сельской местности, в состав городских средних слоев, однако следует учитывать рост численности этих городских элементов в деревне и вопросы, касающиеся их развития.

В проводимых в Иране переписях не отражаются данные о численности научно-технических работников в городе в целом и по отдельным отраслям производства. Мы располагаем данными по профессиям, позволяющими определить численность двух категорий: научно-технических кадров и канцелярских служащих. Это до некоторой степени позволяет отделить непроектируемые элементы от производительных и полупроизводительных.

В число научно-технических кадров иранская статистика включает: ученых различных областей науки, экономистов, бухгалтеров, юристов, врачей, учителей, журналистов, писателей, художников, фотографов, композиторов, артистов, тренерские кадры спортивных учреждений, работников музеев, библиотекарей и т. д., т. е. всю интеллигенцию, работающую в сфере механического или умственного труда. В число служащих включаются те представители интеллигенции, которые работают по найму в государственных и частных предприятиях. В число средних и мелких служащих административных учреждений статистика включает всех чиновников и канцелярских работников — машинисток, секретарей и др. (табл. 13).

Данные табл. 13 показывают, что общая численность научно-технических работников (в том числе и творческой интеллигенции, работающей по найму) в

Таблица 13

Рост численности служащих государственного и частного секторов в городах и деревнях за 1956—1966 гг. *

	1956 г., тыс. человек			1966 г., тыс. человек			1966 к 1956 г., %		
	в стране	в городах	в деревнях	в стране	в городах	в деревнях	в стране	в городах	в деревнях
Научно-технические, литературно-художественные кадры в государственном секторе	70,4	52,9	17,5	179	143,5	35,5	211,6	252,2	202,85
в частном секторе	54,8	44,5	10,3	142	115,5	26,5	259,1	159,6	261,2
Канцелярские служащие низших и средних рангов в государственном секторе	15,6	8,4	7,2	37	28	9	188,8	333,3	125
в частном секторе	158,7**	125,8	32,9	191,3	178,1	13,2	120,5	141,6	40,1
Общее число служащих, входящих в состав средних слоев в государственном секторе	146,4	118,2	28,2	140,4	131,8	8,6	95,8	11,5	30,5
в частном секторе	12,3	7,6	4,7	50,9	46,3	4,6	413,8	609,2	97,8
Общее число служащих, входящих в состав средних слоев в государственном секторе	229,1	178,7	50,4	370,3***	321,6	48,7	113,6	179,9	96,6
в частном секторе	201,2	162,7	28,5	282,4	247,3	35,1	140,6	151,9	91,2
в частном секторе	27,9	16,0	11,9	87,9	74,3	13,6	315,1	464,3	114,3

* Источники: [117, с. 53—56; 131, с. 276].

** В том числе примерно 19 тыс. директоров и крупных чиновников государственного аппарата.

*** В том числе 49 тыс. работников полиции.

стране в 1956—1966 гг. увеличилась в 2,1 раза и составила 179 тыс., причем больше всего по абсолютной величине она возросла в городах (в 2,5 раза) и в городском государственном секторе (в 2,5 раза). Численность канцелярских служащих низших и средних рангов возросла на 120,5% (причем в городах — на 141,6%) и достигла 191,3 тыс. Общая численность указанных двух групп служилой части городских средних слоев увеличилась с 1956 по 1966 г. до 321,6 тыс.² Из них 247,3 тыс. человек заняты в государственном секторе и 74,3 тыс. — в частном секторе. Примечательно, что число научно-технических кадров и работников литературы и искусства, а также канцелярских служащих относительно больше увеличилось в частном секторе: на 333,3 и на 609,2% соответственно. В государственном секторе этот рост равнялся 159,6 и 111% соответственно.

Группа инженерно-технических кадров и работников литературы и искусства более близка к творческому труду. Среди них находятся и все производительные и полупроизводительные работники. Вторая группа состоит из различных категорий непроизводительных работников, в том числе канцелярских служащих.

Особый, весьма многочисленный и политически важный отряд непроизводительных городских средних слоев — это постоянные кадры армии и полиции. В 1966 г. в Иране 143,3 тыс. человек числилось в постоянных кадрах армии и 49,4 тыс. — в постоянных кадрах полиции. Эта почти 200-тысячная армия людей делится на офицеров и массу унтер-офицеров и других низших чинов. Высшие чины армии и полиции составляют примерно 10 тыс. человек, остальные 90 тыс. — офицерство средних и низших рангов. По уровню заработной платы массу офицерства можно приравнять к «зажиточным мелким хозяевам» (зажиточная часть городских средних слоев), остальных — к «бедным мелким хозяевам» (бедная часть городских средних слоев).

Следующая группа городских средних слоев — это учащиеся и студенты. По данным переписи населения 1966 г., больше 1,5 млн. человек старше 15-летнего воз-

² В 1972 г. в государственных гражданских учреждениях работало 327,8 тыс. человек [87, 1974, с. 445].

раста составляли учащиеся, из них 34,5 тыс. занимались в университетах, аспирантуре и докторантуре и 158,7 тыс. — в трех старших классах средних школ [117, с. 25]. Таким образом, в 1966 г. 193,2 тыс. человек входило в состав непродуцирующей части городских средних слоев.

В целом структуру и общую численность городских средних слоев Ирана на 1966 г. можно представить в следующем виде.

1. Предпринимательская часть средних слоев: самостоятельные работники экономических отраслей, представляющие мелкотоварный уклад городов, — 533 тыс.; мелкие предприниматели, представляющие мелкокапиталистический уклад городов, — 80 тыс. Всего — 613 тыс. человек.

2. Служилая часть: научно-технические работники, проживающие в городах, — 143,5 тыс.; канцелярские городские служащие низших и средних рангов — 178,1 тыс.; средние и низшие постоянные кадры армии — 141 тыс.³; учащиеся старших классов средней школы и студенты — 193,2 тыс.; духовные лица низшего ранга — 10 тыс. Всего — 665,8 тыс. человек.

В 1966 г. численность обеих частей средних слоев городов составляла 1,26 млн. человек, т. е. 5% всего населения страны, причем по численности обе части средних слоев городов почти равны, хотя вторая часть увеличивалась в последние годы гораздо быстрее первой (табл. 14).

Заканчивая исследование численности городских средних слоев, следует отметить, что последняя перепись населения Ирана проведена в 1966 г. и поэтому дать численность городских средних слоев Ирана середины 70-х годов невозможно. В то же время косвенные данные свидетельствуют о быстром росте инженерно-технических и литературно-художественных слоев.

Экономическое положение

При исследовании экономического положения служилой части городских средних слоев из-за отсутствия

³ Постоянные кадры полиции включены в состав общего числа служащих (см. прим. к табл. 13).

Таблица 14

Численность инженерно-технической
и художественной интеллигенции в 1966 г. *

Название	Число
Специалисты в области физики и химии	386
Биологи и естествоиспытатели	545
Инженеры и техники:	
инженеры (строители, электрики, электроники, механики, металлурги) и другие специалисты с высшим образованием	6 690
техники	6 601
Всего	13 291
Летчики, штурманы, инженеры и другие техниче- ские работники воздушного и морского флота . . .	545
Работники здравоохранения:	
терапевты, хирурги	6 981
стоматологи	860
ветеринары	361
окулисты	54
диетврачи	19
фармацевты	2 020
рентгенологи	419
физиотерапевты	34
фельдшера	1 393
медсестры	10 880
медицинские помощники	9 786
работники медицинских учреждений	1 483
Всего	34 290
Статистики, математики и прочие работники этих отраслей	231
экономисты	102
бухгалтеры	7 815
Юристы	4 953
Профессорско-преподавательский состав, учителя:	
преподаватели вузов	2 293
преподаватели средних школ	18 521
преподаватели специальных курсов	505
учителя начальных школ	85 659
прочие	5 949
Всего	112 927
Литераторы:	
публицисты, критики	180
писатели и журналисты	714
Всего	894
Работники искусства:	
художники и скульпторы	1 317
профессиональные художники, работающие для торговли	1 730
фотографы	2 757

Название	Число
Всего	5 804
Артисты и музыканты:	
композиторы, певцы, музыканты-исполнители . .	3 412
учителя пения, танцев, хореографии	56
артисты театров и режиссеры	259
драматурги	97
артисты цирка	44
другие артисты	262
Всего	4 130
Спортсмены, работники в области спорта	800
Работники гуманитарных специальностей:	
библиотекари, работники архивов и музеев . . .	314
социологи и этнографы	37
общественные деятели	49
специалисты по кадрам	59
лингвисты и переводчики	1 059
другие работники гуманитарных и общественных дисциплин	2 125
Всего	3 643
Служители культа:	
духовные лица	5 025
работники религиозных учреждений	7 430
Всего	12 455

* Источник: [117, с. 74—78].

в Иране специальной статистики приходится пользоваться косвенными данными, такими, как классификация городских семей по уровню годового дохода.

В 1966 г. средняя годовая сумма дохода одной городской семьи равнялась 109,8 тыс. риалов (1438 долл.) [113, с. 10—11]. В эту сумму включены все денежные (75% общей суммы бюджета) и неденежные (25% общей суммы бюджета) доходы [113, с. 10—11].

Городские семьи можно разделить на три категории: малоимущие (до 75 тыс. риалов дохода в год), среднеимущие (от 75 тыс. до 150 тыс. риалов), высокоимущие (от 150 тыс. риалов и больше) (табл. 15).

Профсоюзные органы Ирана в 1968 г. признали, что минимальные расходы одной городской семьи составляют 72 тыс. риалов в год [186, 1969, № 1, с. 21]. Данные, которыми мы располагаем, показывают, что 59,1% семей имеют доход меньше этого минимума, и говорят

Таблица 15

*Классификация городских семей
по размеру денежного годового дохода
в 1967/68 г. **

Размер годового дохода, тыс. риалов	Процент к общему числу городских семей	Процент к общей сумме дохода городского населения
До 30	19,9	4,1
30—40	10,7	3,9
40—50	9,3	4,4
50—75	19,3	12,5
75—100	13,8	12,7
100—150	12,5	16,0
150 и выше	14,6	46,4

* Источник: [113, с. 10—11].

о резкой градации городских семей: с одной стороны, больше 30% городских семей пользуются всего 8% общей суммы доходов городского населения, имеют самые мизерные доходы, составляющие половину прожиточного минимума, а с другой — на 14,6% семей приходится 46,4% общей суммы доходов городских семей.

Что касается состава ежегодных расходов трех основных групп городского населения, то необходимо отметить следующее: во-первых, около 50% средств городских семей со средним доходом расходуется на продовольствие; во-вторых, на такие статьи расходов, как домашняя утварь, в богатых семьях расходуется гораздо больше средств, чем в семьях со средним размером дохода; в-третьих, у последних остается гораздо меньший процент дохода на «другие» расходы (6,7% против 9,4% у богатых семей) (табл. 16).

Градация расходов становится еще более ясной при обращении к абсолютным цифрам. В богатых семьях расходы на продовольствие составляют 27 346 риалов, а в семьях со средним размером дохода эти расходы в 6 раз меньше [113, с. 120].

Естественно, что не все те, кто относится к числу бедных или средних групп (по размеру годового дохода), являются в то же время членами бедных или зажиточных городских средних слоев. Так, в бедной груп-

Т а б л и ц а 16

Расходная часть годового бюджета
у трех основных групп (по уровню дохода)
городского населения в 1967 г.,
процент от общей суммы расходов

Расходы	Семьи с малым годовым доходом	Семьи со средним годовым доходом	Семьи с высоким годовым доходом
Продовольствие	59,3	49,4	37,6
Жилище	8,4	13,8	13,9*
Одежда	7,9	9,4	10,0
Домашние услуги	7,7**	5,8	5,6
Домашняя утварь	1,9	3,9	5,8
Транспортные расходы	1,7	3,0	8,7
Личные расходы	4,4	3,8	2,6
Лечение	2,6	2,7	2,8
Образование	0,9	1,5	2,6
Прочие расходы	5,2	6,7	10,4

* Надо учесть, что если для семьи с малым доходом эта статья включает расходы на аренду жилплощади, то для богатых семей это в основном расходы на покупку и содержание жилища [113, с. 1].

** Основная часть — расходы на топливо.

не можно встретить множество представителей пролетарских слоев, в то время как в средней группе представлены также квалифицированные рабочие, и т. д. Таким образом, приведенные выше данные дают лишь общее представление об экономическом состоянии бедных и зажиточных семей из средних городских слоев. Для того чтобы дать более конкретное представление об этом, мы приводим некоторые данные о доходах различных групп служилой части средних городских слоев. В отличие от рабочих, которым обычно выплачивается повременная заработная плата, служащие промышленных предприятий или учреждений получают, как правило, месячный оклад (жалованье).

Во второй половине 60-х годов минимум месячных расходов одной рабочей семьи в городе официально был определен в 6 тыс. риалов⁴. Доходы и жалованье низ-

⁴ В 1968 г. средний уровень заработной платы рабочих был равен 3,6 тыс. риалов в месяц, т. е. составлял немногим более половины прожиточного минимума, определенного для рабочих.

ших групп служащих близки к этой цифре, хотя наблюдалось много исключений: по данным журнала «Ханданиха», в 1966 г. каждый из 600 служащих (низшего ранга) Главного управления статистики и регистрации получал всего по 3,7 тыс. риалов в месяц [187, 1966, № 18, с. 4]. В том же году служащие низшего ранга одного из министерств получали по 1080 риалов [187, 1966, № 74, с. 6]. Работники тегеранских больниц до забастовки 15 сентября 1969 г. получали по 2,5 тыс. риалов в месяц, а после забастовки их заработная плата увеличилась до 6 тыс. риалов, т. е. до прожиточного минимума [179, 1970, № 9, с. 9].

Наиболее низко оплачиваемым слоем служащих до 1971 г. были учителя начальных и средних школ. В начале службы их заработная плата едва ли достигала 3—4 тыс. риалов в месяц. В Тегеране учитель начальной школы после 5 лет службы получал около 5 тыс. риалов и только преподаватель средней школы с 20-летним стажем — 12 тыс. риалов в месяц.

Зажиточная часть служащих (преподаватели высших школ и др.) получала почти вдвое больше прожиточного минимума, т. е. их жалование составляло 150 тыс. риалов в год, или 12,5 тыс. риалов в месяц.

В феврале 1972 г. месячный прожиточный минимум составлял уже 9,65 тыс. риалов [180, 19.II.1972, с. 7]. В это же время, по данным журнала «Техран экономист», учитель средней школы после прибавки жалования получал в месяц 9,4 тыс. риалов, т. е. на 250 риалов меньше официального минимума [180, 19.II.1972, с. 3]. Актеры одного из театров Тегерана получали в 1972 г. по 150—200 риалов в день, т. е. по 4,5—6 тыс. риалов в месяц [178, 9.IV.1972].

Данные табл. 17 дают некоторое представление об уровне жалования служащих ценовых промышленных предприятий в 1967/68 г. В ценовых предприятиях, имеющих больше 10 работников каждое, служащие в среднем получали чуть выше прожиточного минимума, а так как это осредненный показатель, становится ясным, что многие служащие получали еще меньше. Очевидно также, что заработная плата производственных и непроизводственных работников мелких и мельчайших предприятий несравненно меньше; в среднем они

Т а б л и ц а 17

*Размер жалованья служащих и заработной платы рабочих промышленных предприятий в 1967/68 г. **
тыс. риалов

Группа предприятий по числу работающих	Среднемесячная сумма жалованья служащих, производственных работников	Среднемесячная сумма заработной платы производственных рабочих
Более 10 работников . . .	10,2	4,2
50 работников и более . .	11,1	4,6
Предприятия, имеющие каждое менее 10 рабочих	3,5	2,05

* Источник: [110, с. 3].

получали от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{5}$ официального минимума. На крупных предприятиях служащие получали в 2,5 раза больше, чем производственные рабочие, что свидетельствует об относительно привилегированном положении служащих в обществе. Чем крупнее предприятие, тем заметнее разница между заработной платой производственных рабочих и служащих.

Сравнение динамики жалованья служащих и заработной платы рабочих за период с 1936 по 1960 г. свидетельствует о постепенной утрате большинством служащих сравнительно привилегированного экономического положения (табл. 18, 19).

Данные табл. 17—19 показывают, что между уровнями заработной платы рабочих и служащих существовал большой разрыв. Это различие в оплате являлось характерной чертой традиционного привилегированного положения служащих. Однако в последние годы эти привилегии частично исчезают, несмотря на то что правительство вынуждено идти на увеличение жалованья служащих в связи с повышением цен на товары и увеличением стоимости жизни. Тенденция же к понижению жалованья служащих по отношению к уровню заработной платы рабочих обусловлена многими факторами: усилением борьбы рабочего класса за повышение уровня заработной платы, увеличением численности служащих, усилением безработицы среди служащих, т. е. ухудшением положения служащих на рынке рабочей силы.

Таблица 18

Сравнение динамики дневной заработной платы рабочих и служащих Главной государственной типографии Ирана в 1936—1960 гг. *, риалы

Цех	Вакантная должность	1936/37 г.	1946/47 г.	1951/52 г.	1959/60 г.
Граверный	начальник цеха	—	89	100	126
	неквалифицированный рабочий	—	8,7	34,2	45,1
Электро-моторный	начальник цеха	30	124,7	133	167,5
	неквалифицированный рабочий	6,4	38	32,2	40,5
Печатный	начальник цеха	36	168	175	205
	неквалифицированный рабочий	8	38,4	41,4	52,1
Наборный	начальник цеха	21,5	90,4	83,3	104,9
	неквалифицированный рабочий	7,5	33,6	31,8	38,9
Цинкография	начальник цеха	19	80,4	98,3	173,8
	неквалифицированный рабочий	5,5	36	31,6	39,8

* Источники: [127, с. 199; 128, с. 265; 130, с. 87; 174, 18.VI.1959].

Таблица 19

Динамика дневной заработной платы служащих низшего ранга, состоящих в штате государственной типографии меджлиса в 1936—1960 гг. *, риалы

Специальность	1936/37 г.	1946/47 г.	1951/52 г.	1959/60 г.
Главный механик	17,5	49	—	80,5
Механик	12	38,5	56,5	68
Телефонист	17	23,6	42,5	45
Курьер-камердинер	8,5	15,3	22,5	23,5
Главный садовод	8	29	52,6	61,7
Щофер	—	83,3**	96,8	56,6

* Источники: [127, с. 199; 128, с. 265; 130, с. 87; 174, 18.VI.1959].

** По контракту.

Относительно низкий уровень жалования мелкого служащего нередко был причиной многих трагедий. Журнал «Раушанфекр» писал (в статье под характерным заголовком «Безработица, нищета и тяжелая жизнь стали причинами постоянного роста случаев самоубийства»), что в списке «тех, кто в 1963—1964 гг. покончил жизнь самоубийством, обращает на себя внимание большое число служащих государственного аппарата» [184, 14.I.1965]. Следует иметь в виду, что потребности служащих отличаются от потребностей пролетариата. Служащему надо тратить часть своего дохода на «украшение своего внешнего вида» — он должен быть прилично одетым и т. д. Распространенное в Иране в последние полвека выражение: «Поз-е али, джиб-е хали» («Прекрасный вид, но пустые карманы») — применимо прежде всего к служащим.

После утверждения первого закона о служащих в 1923 и до 1958 г. различие в уровне жалования служащих государственного аппарата низшего и высшего рангов постоянно увеличивалось. По словам «Кейхан», с 1941 по 1958 г. среднее месячное жалование мелких служащих увеличилось на 4 тыс. риалов, крупных чиновников — от 15 тыс. до 20 тыс. риалов, т. е. в 4—5 раз больше [178, 9.III.1965].

Уровень жалования различных групп служащих зависит от отрасли, места расположения предприятия, профессии, квалификации, пола, возраста и т. д. Кроме того, законы ставят многие группы служащих по той или иной причине вне общих правил. Этим особым группам, например офицерству армии и полиции, платят в 2—3 раза больше среднего уровня жалования обычных служащих. Зачастую прибавка к жалованию имеет временный характер; если данный труд со временем утрачивает свое значение, то это влечет за собой уменьшение суммы прибавок.

В 1970—1972 гг. особенно усилились жалобы мелких и средних служащих на то, что получаемое ими жалование не обеспечивает прожиточного минимума [178, 19.XI.1970; 2.V.1972]. Служащие тех специальностей, на которые имеется спрос, берут дополнительную работу [178, 2.V, 19.XI.1972].

По мере роста числа крупных предприятий усиливается концентрация служащих. При этом увеличивает-

ся как процент служащих, занятых на крупнейших предприятиях, в целом, так и среднее число служащих на одном предприятии или в конторе.

Особенно высока степень концентрации работников государственного аппарата. По официальным данным, среди крупных учреждений и предприятий 67,3% приходится на государственные административные учреждения и муниципалитеты. Затем идут банки, страховые общества, учреждения связи, учреждения по водо- и электроснабжению; крупные промышленные предприятия занимают последнее место [178, 19.III.1972]. В учреждениях транспорта абсолютное большинство наемных работников сосредоточено на крупных предприятиях, таких, как государственное Управление железных дорог. Однако централизация государственных административных учреждений в Иране имеет специфическую особенность, заключающуюся в том, что чем крупнее город, тем крупнее учреждение. В небольших городах уровень концентрации служащих учреждений низок.

Руководящая роль в определении условий труда служащих принадлежит государству. Служащая интеллигенция в стране появилась намного раньше, чем была создана крупная современная промышленность, и поэтому основную часть этой категории городских средних слоев составляли служащие государственного аппарата. С 20-х годов XX в. в стране распространялись европейские формы труда служащих при сохранении местного традиционного бюрократического стиля работы. Это усложняет условия труда служащих. Желание высшего начальства было и остается главным стержнем административной деятельности. Уставы учреждений часто меняются по усмотрению вышестоящих инстанций. От их воли зависят прием и увольнение с работы, наказание, повышение и т. д. Произвол в отношении к широким слоям служащих, чрезвычайно разбухший государственный аппарат, численность которого намного превышала действительные потребности страны, назначение на высшие посты представителей богатых слоев общества, бюрократизм, антидемократичность и отсутствие чувства ответственности у высших чиновников, коррупция в 60-х годах были характерны для Ирана.

Газеты постоянно сообщали о фактах бюрократиз-

ма и волокиты во всех без исключения правительственных учреждениях. Нет таких государственных управлений, за дверями которых не стояли бы в ожидании решения своих дел десятки людей. Естественно, что довольными остаются те просители, которые имеют деньги или знакомства: как говорится, «без дрожжей тесто не подойдет». На эти недостатки указывали в 60-х годах почти во всех своих выступлениях представители правящих кругов, требуя их исправления. Шах заявил в связи с этим: «Долг правительства привести и государственный аппарат в соответствие с последними изменениями» [186, 1965, № 1, с. 35; № 2, с. 45].

Журнал «Техран экономист» в начале 1972 г. следующим образом характеризовал условия труда служащих: «При приеме на работу у нас еще господствует принцип кумовства, родства. Встречается множество случаев, когда тому или иному кандидату отдается предпочтение исключительно по личным мотивам, а это становится еще более опасным, когда сопровождается взяткой... Надо признать, что в настоящее время мы редко встречаемся с хорошими и добрыми делами в нашем государственном аппарате, но главное то, что хорошие и плохие работники получают одинаковое вознаграждение» [180, 1.IV.1972, с. 7]. Однако при этом журнал старался возложить ответственность за все недостатки на мелких служащих, которые будто бы «начинают сравнивать себя с крупными купцами и промышленниками и другими лицами, получающими высокие доходы, и стремятся за служебным столом достичь своей цели — обогащения». Журнал вынужден был одновременно признать, что «есть очень много служащих, которые живут честно и умирают, не имея сбережений, что вызывает сожаление» [180, 1.IV.1972, с. 7—9].

Одним из насущных требований служащих в послевоенные годы является установление равного жалования за равный труд. Однако и проект Закона о служащих, вынесенный на обсуждение общественности в 1963 г., не решал эту проблему, поскольку его действие не должно было распространяться, например, на Иранскую национальную нефтяную компанию, министерство двора, муниципалитеты, канцелярию премьер-министра, университеты, армию. Газета «Эттелаат» отмечала в связи с этим, что «число тех учреждений, ко-

торые не попали под действие закона, превышает число тех, на которые он распространяется» [168, 7.XII.1963]. Видимо, причина такого положения, как заявил генеральный секретарь Верховного административного совета Ирана Гударзи, заключается в том, что «эти учреждения связаны необходимостью предоставлять большие оклады своим служащим» [168, 25.XI.1964]. По утверждению газеты, «каждое из этих учреждений было исключено из общего правила по особым экономическим или политическим причинам» [168, 2.XII.1963]. Пожалуй, эти утверждения не нуждаются в особых комментариях, если иметь в виду общие антидемократические тенденции правительства, особенно за последние два десятилетия.

Закон, утвержденный в 1966 г., не затрагивает десятков тысяч служащих частного сектора (служащих банков, заводов, больниц, торгово-конторских, транспортных, школ и т. д.). До сих пор нет закона, регулирующего отношения служащих частного сектора с хозяевами. Между тем служащие частного сектора являются одной из крупных групп налогоплательщиков. Например, в бюджете на 1964/65 г. около 900 млн. риалов составляли прямые налоги, выплачиваемые этими служащими [186, 1965, № 2, с. 79]. Газета «Бамшад» писала, что служащие частного сектора живут в вечном страхе, ибо безработица угрожает им каждую минуту [171, 12.XI.1963]. Полуофициоз «Кейхан» опубликовал в 1972 г. на своих страницах многочисленные жалобы служащих частных фирм и учреждений. Один из них следующим образом описывал свое положение: «Я служащий частного предприятия. Ежемесячно государство получает от меня в качестве подоходного налога 10% моего жалованья, однако я не застрахован, не имею никаких гарантий на завтрашний день. В государственных учреждениях работают 7 часов. Мы же должны работать полный день. Нашего жалованья не хватает на жизнь» [178, 2.IV.1972, с. 17].

Подбору кадров для государственного аппарата в последние 20—25 лет придается весьма большое значение в политике правительства. Первый раз служащие государственного аппарата подверглись чистке после покушения на шаха в 1949 г. После 1953 г. была создана постоянно действующая система оценки и учета ра-

боты каждого государственного учреждения и каждого служащего. Главным критерием оценки деятельности служащего является степень его лояльности монарху, правящему режиму.

При капитализме рабочая сила является товаром. В этом отношении масса служащих не отличается от основных лиц наемного труда. Рабочая сила служащего зависит от конкретного содержания его труда, а труд служащих по своему характеру таков, что при найме служащего капитал в лице государственного или частного учреждения притязает не только на его физический или умственный труд, но и на индивидуальные качества работника [54, с. 204].

Отражающий взгляды правящих кругов журнал «Техран экономист» пишет, что «государственный аппарат должен поставить под наблюдение не только уровень научно-технической подготовленности служащего, но и моральные качества его близких родственников» [180, 1.IV.1972, с. 9]. По мнению журнала, «служащие должны быть далеки от всяких радикальных убеждений и мыслей... чтобы молча выполнять должным образом свои задачи» [там же]. Эта черта капиталистического найма служащих принимает специфическую окраску при политически реакционных режимах. Служащие должны не только поставить на службу государству свою рабочую силу, но и отказаться от своих индивидуальных вкусов, желаний и прежде всего от собственных политических убеждений. Поэтому вполне справедливо применение такого суждения, высказанного относительно развитых стран, что «отчуждающие условия наемного труда... оказывают на... служащих не менее глубокое воздействие, чем на рабочих», что в этих условиях для массы служащих «самоотчуждение означает... подавление собственной личности» [54, с. 204]. Особое внимание уделяется воспитанию в высших учебных заведениях страны кадров будущих чиновников. До 1975 г. высокая плата за обучение препятствовала поступлению в высшие учебные заведения молодежи из низших слоев. Тем самым затруднено и проникновение их в государственный аппарат.

Положение служащих на рынке труда очень печально. Особенно угрожает безработица служащим низших рангов. Почти все оканчивающие средние школы по

традиции надеются поступить в высшие учебные заведения, а после их окончания большинство намерено устроиться на государственную службу. Но в вузы попадает лишь незначительный процент. В 1972 г. из 81 тыс. лиц, участвовавших в конкурсах при поступлении в высшие учебные заведения страны, было принято 11 тыс., еще 10—15 тыс. предполагали устроиться в военно-полицейские школы, а также в новые школы в качестве учителей. Остальные более 50 тыс. молодых людей оставались без работы.

Хроническим явлением была безработица среди образованных слоев общества. По переписи 1966 г., 23,1% общего числа (726 тыс.) безработных, т. е. 167 тыс., были грамотными, причем 25,9% из них имели среднее и высшее образование [117, с. «ж»].

В послевоенный период разбухание государственного аппарата превратилось в большой вопрос для общества. С одной стороны, нужно было приостановить дальнейшее увеличение численности служащих, тем более что даже занятые служащие работали не полностью. С другой стороны, молодежь, приходившая на рынок труда, требовала работы, но в стране не развивалась промышленность и не открывались вакансии для новых специалистов. Правительство предприняло некоторые меры решить проблему подготовки и использования государственных служащих, но попытки остались безуспешными. Эти мероприятия не могли быть осуществлены еще и потому, что, во-первых, государственная пенсионная касса не имела достаточных средств для того, чтобы обеспечить хотя бы часть служащих в случае принудительного отправления их на пенсию, а во-вторых, любые мероприятия в этой области могли бы затронуть интересы многих богатых и влиятельных лиц, сыновья и дочери которых хотели бы обеспечить карьеру и богатство через государственный аппарат.

Государственный аппарат продолжал разбухать. По данным журнала «Бурс», в 1965 г. административные расходы в среднем составляли 60% расходов государственного бюджета [187, 14.III.1965]. «Эттелаат» писала, что значительная часть активных сил страны сконцентрирована в государственном аппарате и занята непродуктивным трудом [168, 11.XI.1963]. В течение 40 лет, прошедших после создания нового государствен-

ного аппарата, он постоянно увеличивался и достиг таких размеров, что стал тяжким бременем для бюджета страны.

Особое развитие получил в последнее десятилетие процесс «утечки мозгов». Только в 1968 г. в США уехали 435 иранских инженеров, врачей и ученых. Иран истратил на их обучение 22 млн. долл. [180, 16.VIII.1975, с. 17]. Этот процесс продолжается и сейчас.

Марвдашти, один из иранских ученых, живущих за границей, называет следующие причины, порождающие это явление: «Трудности, связанные с получением работы по специальности, несправедливость законов, ограниченная возможность публикации правдивых мнений, существование монополий и привилегий для отдельных групп людей... Вы настаиваете на том, что интеллигенты должны оставаться работать в стране. Но это несерьезно: во-первых, где работать? В Иране для многих из них вообще нет работы. Во-вторых, вы знаете, что у нас не любят правдивых людей, и поэтому жизнь для мыслящего человека в условиях лишения элементарных прав невыносима. Именно поэтому образованному человеку в нашей стране остается выбирать между героинном и эмиграцией» [187, 1966, № 50, с. 3].

По мнению Марвдашти, «есть и третий путь», а именно путь подхалимажа и подлости, но настоящий ученый не может этого себе позволить. «В нашей стране, — заканчивает автор, — не существует справедливости, нет безопасности, нет свободы. Дайте их нам, и тогда вернутся не только ученые, но и все другие» [там же, с. 4].

Под давлением общественного мнения в начале 60-х годов предпринимались кое-какие попытки «разрешить» проблему «лишних» людей в государственном аппарате. Например, правительства Амини и Игбалья в целях сокращения расходов государственного бюджета и высвобождения служащих для «полезной» работы в течение трех-четырех лет уволили из государственного аппарата почти 10 тыс. служащих. В 1965 г. увольнения были прекращены и правительство решило урегулировать эту проблему путем изменения Закона о служащих, проект которого давно лежал в меджлисе.

В соответствии с прим. 37 к государственному бюджету 1965/66 г. был разрешен набор новых служащих в государственный аппарат, и тем самым были отменены предыдущие решения об увольнении служащих. Правящие круги пришли к выводу о необходимости использовать предоставление административных постов в качестве стимулов для укрепления позиций правящей партии. В начале 1965 г. Адл, лидер «Мардом» — второй правительственной партии, играющей роль «оппозиции», — заявил: «Быть членом правящей партии означает иметь возможность подниматься вверх по ступеням государственного аппарата, даже не обладая необходимыми для этого достоинствами». Он утверждал, что «служащие, отказавшиеся вступить в правящую партию, исключаются из государственного аппарата» [168, 25.11.1965].

Таким образом, недостаток вакансий и другие трудности, которые испытывала интеллигенция в начале 60-х годов, были использованы правящими кругами для привлечения массы служащих в правительственные партии.

Первый в истории Ирана Закон о служащих был принят меджлисом в 1923 г. Текст закона был составлен на основе французского трудового законодательства и отражал классовый дух законов развитого капиталистического общества. Его применение в условиях Ирана могло лишь усилить бюрократизм и облегчить превращение служащих в послушное орудие господствующей элиты. По закону 1923 г. служащие государственного аппарата распределялись на девять рангов. Размер месячного жалования для низшего ранга был определен в 320 риалов, для высшего — в 3120 риалов. До 1963 г., когда в меджлис был внесен новый Закон о государственных гражданских служащих, в закон 1923 г. несколько раз вносились поправки; сначала появились новые категории в системе министерства юстиции (для судей), потом в системе министерства просвещения, а затем была введена система временного найма (по приказу, по договору, поденная и др.). Американский советник Мильспо в качестве руководителя финансов издал в 40-е годы постановление о найме служащих в государственном аппарате и о создании новых государственных учреждений. В 1945 г. премьер-министр

Кавам ос-Салтане издал распоряжение о переводе всех неофициальных (гейр-е расми) чиновников, на которых не распространялось действие Закона о служащих, в официальные. Были приняты и другие постановления о служащих.

Опубликованный в 1963 г. проект нового Закона о служащих обсуждался в течение трех лет и был утвержден общей комиссией обеих палат меджлиса только 21 июня 1966 г. Однако это утверждение считалось формальным и «экспериментальным». Даже в тексте закона говорилось, что «закон должен быть подвергнут испытанию временем и в него должны вноситься изменения». До марта 1972 г. меджлис утвердил пять поправок к основному закону. Многие статьи закона даже шесть лет спустя после его утверждения не выполнялись из-за того, что у правительства якобы отсутствовали необходимые для этого средства.

По закону 1966 г. отменялись существовавшие ранее формы найма государственных служащих и устанавливались два вида найма: официальный и договорный [178, 22.VI.1966, с. 11]. Первый вид найма использовался при принятии служащего на постоянную работу по официальному приказу ведомства; второй — при найме для выполнения определенных временных работ по договору. Прием на работу каждого служащего должен сопровождаться проведением соответствующего обязательного конкурса. Для зачисления в штат служащим, желающим поступить на работу, необходимо пройти стажировку от шести месяцев до двух лет [178, 23.IV.1966, с. 10]. Конкурс и стажировка проводятся с целью выяснения лояльности служащих по отношению к высшим инстанциям.

Все служащие, подпадающие под действие закона, распределяются на 12 групп на основе «степени образования и опыта»; каждый может находиться в той или иной группе не более 15 лет, а затем уже получать повышение [там же]. Жалованье служащего (постоянная сумма) определяется в зависимости от принадлежности к той или иной группе и рабочего стажа, а дополнительные суммы выплачиваются с учетом уровня стоимости жизни в стране (переменная сумма). Например, в 1966 г. для служащих, которые находились в 1-й группе, в первый год службы был установлен постоян-

ный коэффициент 100, а переменный коэффициент для всех служащих в 1966 г. составлял 40. Таким образом, жалование данного служащего составляло (100×40) 4 тыс. риалов. Постоянный коэффициент для служащего 12-й группы (первый год службы) был равен 443, на основе чего определялось месячное жалование этого служащего в сумме 17 720 риалов (443×40) и т. д. [178, 22.VII.1966, с. 11]. По закону правительство обязано в соответствии с финансовыми возможностями при повышении уровня стоимости жизни и труда вносить в меджлис проект закона о новом переменном коэффициенте жалования служащих (ст. 33).

По ст. 35 каждому министерству и ведомству предоставляется право в том случае, если служащий работает хорошо, повышать его в чине каждые 2 года, а не через допускаемые законом 15 лет [178, 22.VI.1966, с. 11].

В случае болезни служащие получают половину жалования в течение не более четырех месяцев в году (прим. 4 к ст. 38). Ст. 42 запрещает служащим работать по совместительству в другом государственном учреждении. Это, конечно, не мешает крупным чиновникам занимать наиболее доходные вакансии в частном секторе.

Размер пенсии по старости у служащих государственного аппарата равняется $\frac{1}{30}$ среднемесячного жалования их группы ко времени ухода на пенсию, умноженной на количество лет службы, при условии, что общая сумма не превысит размера жалования служащего. Даже если служащий не проработал 15 лет, при уходе на пенсию стаж его службы исчисляется в 15 лет. В таком случае, например, служащий, находившийся в 4-й группе с 6 тыс. риалов жалования в месяц, получает пенсию меньше 3 тыс. риалов. Служащие в течение всего периода нахождения на службе должны платить 8% своего жалования в качестве пенсионного страхового взноса.

Закон разрешает применение различных административных взысканий (понижение в чине, уменьшение жалования и т. д.) вплоть до увольнения с работы без предупреждения. Если же служащий хочет уволиться по собственному желанию, то, во-первых, он должен подать соответствующее заявление за месяц до уxo-

да; во-вторых, может уволиться лишь с согласия начальников, и только при этом условии ему вернут те суммы, которые он платил во время службы в виде пенсионного страхового взноса [178, 23.VI.1966, с. 10]. Фактически система пенсионной оплаты служит залогом лояльности служащих.

Чрезвычайное разбухание государственного аппарата и наличие большого числа молодежи, претендующей на государственную службу, заставили правительство снизить пенсионный возраст и увеличить пенсионный фонд за счет роста доходов от нефти и этим стимулировать уход государственных служащих на пенсию.

Официальные служащие государственного аппарата имеют право на получение пенсии по старости при достижении 60-летнего возраста. После 65 лет никто не имеет права работать, и служащий автоматически переходит на пенсию. Служащий может и в 55-летнем возрасте уйти на пенсию, если его трудовой стаж превышает 30 лет (для женщин установлен пенсионный возраст в 50 лет при 25-летнем стаже работы). Если же служащий работал 25 лет непрерывно, то он имеет право уйти на пенсию в возрасте 45 лет [178, 23.VI.1966, с. 10].

Эти меры — частично и временно — помогли ослабить проблему безработицы среди интеллигенции. С марта 1971 г. по март 1972 г. различные государственные учреждения приняли 22 484 новых служащих [178, 14.III.1972]. Однако вряд ли эта проблема может быть окончательно решена таким способом. Шах в 1972 г. был вынужден признать, что в Иране «государственная служба превратилась в средство борьбы с безработицей» [180, № 930, 1.IV.1972, с. 7—9].

По закону, если служащий остается без работы, он считается «готовым для службы» и в таком состоянии может пребывать в течение года, имея при этом право получать половину своего последнего жалования. По истечении года служащий лишается права на пособие и остается вне государственного аппарата.

Правительство обязано начислять пенсии по старости в соответствии с основной частью жалования; поэтому при повышении жалования правительство увеличивает «прибавки», а не «основную часть» жалования, что дает ему возможность не увеличивать разме-

ры пенсии; при удобном случае подобные прибавки отменяются. Примером может служить отмена прибавок за «специальность», которые получали служащие министерства просвещения (по договору 1969 г.) [178, 4.III.1972].

Закон о служащих должен был проводиться в жизнь по этапам. На первом этапе предусматривался пересмотр должностей во всех государственных учреждениях, подпавших под действие статей закона. На втором этапе — рассмотрение конкретной работы каждого служащего и назначение для него жалованья. В законе говорится: «После утверждения закона и передачи его министерствам и ведомствам для выполнения каждое учреждение в течение 9 месяцев обязано выполнить все свои обязательства по пересмотру должностей». Однако лишь немногие учреждения (министерство здравоохранения и др.) смогли закончить переаттестацию к 1972 г. [178, 27.III.1972]. Д-р Махаззев, ответственный за осуществление закона, в 1966 г. заявил: «Пересмотр должностей будет осуществлен с учетом положения на рынке рабочей силы и явится регулирующим механизмом при найме служащих» [178, 23.VI.1966].

По поводу осуществления второго этапа выполнения закона газета «Кейхан» в марте 1972 г. писала, что только с января 1972 г. постепенно на основе нового закона начинается выплата жалованья некоторым группам служащих (например, учителям) [178, 14.III.1972]. Причем, по свидетельству газеты, новый закон еще не распространялся, например, на служащих Университета Пехлеви. В 1972 г. было опубликовано много жалоб различных групп служащих по этому поводу.

Данные, полученные в результате реализации первого этапа пересмотра должностей и переаттестации служащих в некоторых министерствах, свидетельствуют о том, что в основу пересмотра вакансий и переаттестации был положен только уровень образования [178, 4.VI.1966]. В соответствии с образовательным цензом служащие могут быть разбиты на следующие группы: 1-я группа — от 2 до 5 лет начального образования, 2-я — с полным начальным (шестилетним) образованием, 3-я — от 7 до 12 лет неполного среднего образования, 4-я — с полным средним образованием, 5-я — с незаконченным высшим образованием, 6-я — с высшим

образованием, 7-я и следующие группы включают лиц, имеющих ученые звания (степени).

Таким образом 1—3-я группы служащих комплектуются из малообразованных лиц, что является серьезным фактором при оценке социально-политической деятельности служащих.

Система страхования для служащих впервые была введена в 1953 г. правительством. По решению правительства служащие должны быть застрахованы от болезней и несчастных случаев путем заключения договора между правительственными учреждениями и государственным страховым обществом. Однако после переворота 1953 г. и до 1961 г. это постановление не осуществлялось. В 1961 г. правительство вновь начало рассмотрение проблемы страхования служащих. Было решено, что в первую очередь будут застрахованы 120 тыс. служащих наиболее важных правительственных ведомств. Однако, как заявил представитель страховой организации государственных служащих 29 марта 1972 г., «правила страхования только начинают осуществляться, и в виде пробы решено начать со страхования 50 тыс. служащих учебных заведений западных и северо-западных районов страны» [178, 29.III.1972].

Таким образом, страхование служащих государственных учреждений фактически началось только в 1972 г., и, судя по жалобам, часть которых была опубликована в газетах, существует еще много нерешенных проблем, в том числе вопрос о страховании семей служащих. Решение этой проблемы (хотя юридически необходимость ее не подлежит сомнению) практически постоянно откладывается под предлогом отсутствия ресурсов.

Более сложным является вопрос о пенсиях и страховании служащих в частном секторе. По словам представителя правительства в 1972 г., «служащие частных предприятий могут быть подчинены закону социального страхования рабочих, утвержденному в 1960 г.». Однако он добавил, что в «кассах государственной страховой компании рабочих нет достаточных средств и возможностей для обеспечения даже тех, кто является ныне членами этой компании». Он сказал, что «вместо 10 млрд. риалов, необходимых для выплаты пенсий и оплаты прочих расходов, в кассах имеется только

500 млн. риалов сбережений. Отсюда и постоянное недовольство почти всех служащих частных учреждений и их жалобы» [178, 29.III, 23.V.1972].

Плата по страхованию частных служащих (по закону социального страхования рабочих) составляет 18% их месячного жалования. Из этой суммы 5% платит сам служащий, а 13% — хозяин предприятия. Минимальный возраст для получения пенсии по старости: 60 лет для мужчин и 55 лет для женщин. Пенсия по старости для служащего частного сектора установлена в размере $\frac{1}{40}$ среднемесячного жалования за последние два года службы, умноженной на число лет, в течение которых он платил взносы за страхование. Естественно, что эта сумма меньше, чем размер пенсии государственных служащих.

Законы о труде и пенсиях для служащих частных учреждений и государственных имеют очень мало общего. То же относится к законам и уставам, которые утверждаются по вышеуказанным вопросам для различных государственных учреждений. Так, многие государственные учреждения по разным причинам исключены из списка учреждений, на которые распространяется закон 1966 г. о государственных гражданских служащих. Для каждого из исключенных из списка учреждений применяются совершенно различные правила. Например, согласно закону о пенсионной оплате служащих муниципалитетов, утвержденному в январе 1972 г., страховой взнос на пенсию для этих служащих составляет 7% их месячного жалования [178, 16.III.1972]. Кроме того, в счет этого муниципалитет должен переводить пенсионной кассе ежемесячно сумму в размере 14% месячного жалования служащих. Служащий может получить пенсию из расчета $\frac{1}{40}$ среднемесячного жалования за последние 3 года службы, умноженной на число лет, в течение которых он платил взносы за пенсию (но не меньше 15 лет). Общая сумма пенсии не должна быть больше $\frac{4}{5}$ основной суммы жалования. В случае, если к моменту ухода на пенсию служащий не выплатил нужной суммы, он должен уплатить треть остатка в рассрочку в течение шести месяцев. Выплату остальных частей берет на себя муниципалитет [178, 16.III.1972]. Естественно, во-первых, этот закон можно считать исключением, а

во-вторых, отсутствие единой системы пенсий и страхования не может не препятствовать общему улучшению положения служащих.

Служащие не только требуют выполнения закона 1966 г., но и выдвигают в печати различные предложения об исправлении недостатков закона. Большинство служащих жаловались на малые размеры пенсии по старости, пенсии по смерти кормильца [178, 27.III.1972]. В результате правительство в 1972 г. было вынуждено увеличить размеры пенсий. Согласно государственному бюджету 1972/73 г. сумма пенсий по старости и пенсий наследникам шести первых групп служащих была увеличена на 10% (при условии, если пенсия по старости не превышала 13 790 риалов, а пенсия наследникам — 6895 риалов). Для некоторых других групп служащих потолок пенсии по старости установлен в 11 550 риалов (медсестрам) и 11 260 риалов (телефонистам и др.) [178, 9.IV.1972, с. 16]. После длительной борьбы служащим удалось добиться у правительства права на обучение в течение 5 лет в высших учебных заведениях за счет государства. Удалось получить пенсию для детей тех бывших неофициальных служащих, которые умерли в 1947—1966 гг. (по пятой поправке к закону 1966 г.) [178, 9.IV.1972, с. 16].

Приведенные данные свидетельствуют о непрекращающейся борьбе служащих за улучшение своего материального положения.

Процесс развития интеллигенции в Иране отражает происходящие в стране основные экономические, политические и идеологические сдвиги. В настоящее время облик интеллигенции в результате капиталистического курса развития страны все больше приближается к европейскому типу, хотя все еще сохраняются некоторые традиционные черты.

Значительная часть интеллигенции занята в административном аппарате. Служащие (будь то государственные или занятые на частных предприятиях, военные или гражданские) представляют собой смешанный слой, различные элементы которого по-разному подходят к актуальным проблемам общества. Однако значительная часть служащих (в особенности средние и мелкие служащие) тяготеет к национально-демократическим убеждениям. В Программе НПИ отмечается,

что в этом слое произошли определенные изменения: во-первых, появилась прослойка технократов, которые возглавляют государственные промышленные и экономические предприятия и с каждым днем приобретают все большее влияние, превращаясь в одну из опор режима; во-вторых, наблюдается все возрастающий переизбыток служащих административного аппарата; в-третьих, правительство стремится превратить военно-служащих (офицерские кадры) и часть гражданских служащих в привилегированный слой, с тем чтобы использовать их в качестве послушного орудия проведения правительственной политики. Однако усиленное внедрение иностранных советников из империалистических стран в иранскую армию, антинациональная политика, проводником которой правящие круги хотят сделать армию, вызывает у патриотически настроенных офицеров и младшего командного состава, являющихся сторонниками подлинной независимости страны и блага народа, оппозиционность и недоверие к режиму.

Правительственная политика в области так называемой административной революции, по признанию самих представителей режима, потерпела неудачу. Бюрократизм, хищение государственного имущества, взяточничество по-прежнему являются характерными чертами административного аппарата [98, ч. II, п. 35].

Раздел II

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА ГОРОДСКИХ СРЕДНИХ СЛОЕВ

Глава III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА ГОРОДСКИХ СРЕДНИХ СЛОЕВ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И УСТАНОВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ¹

Преобразование Ирана в первой половине XIX в. в объект активной колониальной политики европейских держав, в результате чего в страну широким потоком хлынули иностранные товары, прежде всего отразилось на положении городских мелких кустарей и мелких торговцев.

Бабидское восстание в конце первой половины XIX в. было последним массовым выступлением народных низов под религиозной оболочкой и в то же время — первым организованным политическим и социальным выступлением городских средних слоев под буржуазными лозунгами (хотя и в скрытом виде) против иностранного вмешательства, феодальных правопорядков и абсолютизма.

Убийство по приказу шаха в 1852 г. Амир Кабира, премьер-министра и крупного реформатора, развеяло иллюзии прогрессивных кругов на возможность проведения «сверху» реформ феодальной государственной администрации. Поэтому первые буржуазные идеологи, выходящие из феодально-аристократических и помещичьих семей, начавшие действовать на арене поли-

¹ Периодизация новой и новейшей истории Ирана, данная в работе, несколько отличается от схемы, которой придерживаются обычно советские иранисты. В ее основу положены основные этапы развития и специфика борьбы городских средних слоев.

тической борьбы во второй половине XIX в., под влиянием различных европейских идеологических течений стали выдвигать просветительные идеи, направленные на установление буржуазных правопорядков. Эти первые шаги были еще очень робкими. Например, Мальком-хан в своих первых работах считал для Ирана приемлемыми «российский и австрийский» типы абсолютной монархии [161, с. 15]. Отношение его к народу было двойственным: с одной стороны, он подчеркивал свое уважение к народу, а с другой — не считал его созревшим для участия в управлении государством и законодательной деятельности.

Программа первой в Иране политической нелегальной организации европейского типа — «Фарамуш-хане» [52, с. 125] или «Джаме-йе адами́ят» [148, с. 40], созданной Мальком-ханом в 1857—1858 гг., предусматривала проведение некоторых реформ государственного управления, права и др. Устав этой организации был заимствован у масонских организаций Англии и Франции. По данным Т. А. Ибрагимова, в первый период деятельности этой организации (1858—1861) в ней участвовали студенты незадолго перед этим открытого учебного заведения «Дар оль-фонун», молодые аристократы, получившие образование в Европе, и некоторые служащие государственного аппарата. В 1861 г. «Джаме-йе адами́ят» была запрещена.

В распространении передовых буржуазных идей в 60-х годах XIX в. особое место принадлежало Юсиф-хану Мосташар од-Доуле, известному реформатору, выходцу из знатной помещичьей семьи. В своей книге «Йек каламе» («Одно слово»), вышедшей в 1870 г., он выступил как один из первых в Иране сторонников парламентского правления, как идеолог, считавший народ главным источником силы страны [57, с. 29—30].

В 1871 г., когда у власти находился другой реформатор, Мирза Хосейн-хан Мошир од-Доуле, «Джаме-йе адами́ят» снова возобновила свою деятельность. В этот период организация усиленно распространяла различную просветительскую литературу. Оживлению деятельности «Джаме-йе адами́ят» способствовало и то обстоятельство, что Мальком-хан стал министром.

В 1873 г. Мальком-хан был направлен в Лондон в качестве иранского посла, что фактически означало его

высылку из Ирана. На этом завершился второй период деятельности «Джаме-йе адамиyat». Н. К. Белова и В. Б. Никитина обоснованно характеризуют программу организации на данном этапе как революционно-демократическую [52, с. 128].

В своих печатных трудах просветители подчеркивали необходимость реформы государственного строя, установления равноправия всех граждан перед законом, открытия светских школ и т. д. Они выступали против невежества, религиозных предрассудков и т. д. [160]. Глубокое прогрессивное воздействие на иранскую общественность оказали философские и антирелигиозные идеи Мирзы Фатхали Ахундова, получившие широкое распространение в стране благодаря переводам Мирзы Джафара Гараджедаги.

В третьей четверти XIX в. за пределами Ирана были изданы такие работы, как «Путешествие Ибрагимбека» («Сафарнаме-йе Ибрахим-бек») Зейнол-Абедина Марагеи, «Пути благородных людей» («Масалек оломхсенин») Абдуррахима Талехова, сочинения Мирзы Ага-хана Кермани и др., содержавшие острую критику иранского самодержавия и религиозных предрассудков. Однако, как отмечают многие исследователи, число людей, выступавших с критикой религии, было очень незначительно. К ним можно отнести, в частности, М. Ахундова и Мирзу Ага-хана Кермани.

Просветители считали необходимым вводить в Иране некоторые европейские порядки, но учитывать при этом требования ислама. Например, А. Талехов, который справедливо считается одним из первых идеологов революционной демократии Ирана [52, с. 128], писал о целесообразности строительства железных дорог, но предлагал в каждом вагоне выделить специальное купе для совершения религиозных обрядов [150, с. 10].

С 1875 г. в Стамбуле иранские просветители начали издавать прогрессивную буржуазную газету «Ахтар».

В начале 80-х годов было установлено сотрудничество между Мальком-ханом и группой иранских прогрессивных духовных лиц во главе с Сейидом Джамалод-Дином Асадабади, который в это время создал в Стамбуле общество «Эттеhad-е ислам» («Единство ислама»). Асадабади, как пишет иранский исследователь Зарринкуб, «стремился использовать религию, освобож-

денную от предрассудков, в качестве орудия борьбы и сопротивления против колониализма» [150, с. 16].

После возвращения Мальком-хана в Иран в 1886 г. «Джаме-йе адами́ят» в третий раз активизировала свою деятельность. В этот период она установила контакт с прогрессивными духовными лицами, такими, как Хади Надждабади, Мехди Доулатабади. Широко распространялись так называемые религиозные листовки, разоблачавшие злоупотребления иностранцев, шаха и феодальной верхушки. Нередко эти листовки были направлены против компании «Тальбот», получившей в Иране концессию на монопольную закупку и продажу табака и табачных изделий, а также против реакционного главного министра. В распространении листовок принимали участие многие представители интеллигенции и даже министры — Вазир Хомаюн, Моваггар ос-Салтане и др. [48, с. 38].

Известны случаи совместного выступления духовенства и буржуазной интеллигенции, например во время «табачного бунта» 1891 г., в котором активное участие приняли городские средние слои, особенно мелкие ремесленники и мелкие торговцы, под руководством национальной буржуазии, части духовенства и обуржуазившихся помещиков. «Табачный бунт» продемонстрировал слабость позиций самодержавного режима и явился поворотным пунктом в движении против феодализма и империализма. Он способствовал усилению революционной активности городских народных масс.

После «табачного бунта» Мальком-хан снова уехал в Лондон, где стал издавать газету «Ганун» (1891—1894). В эти годы просветители уже не выдвигали требование «нормальной абсолютной монархии», а выступали за «конституционный монархизм» [57, с. 35]. Например, Мальком-хан уже писал о народе как о «настоящем хозяине страны». Основными принципами его философских и общественно-политических взглядов стали в этот период «патриотизм, просветительство и демократизм» [52, с. 129].

Изменились взгляды руководителей «Эттехад-е ислам». Выдающийся просветитель Мирза Ага-хан Кермани, один из членов этой организации, находясь в течение 10 лет в Стамбуле и познакомившись с социал-демократическими идеями, в письме, адресованном

Мальком-хану (1893), писал о необходимости поднять на борьбу «массы чистокровного среднего люда — крестьянство» [139, 2]. В 1893 г. в Калькутте стала выходить прогрессивная буржуазная газета «Хабл ол-ма-тин».

В 1891—1896 гг. в стране повсеместно стали возникать политические организации — «энджумены» (общества). Главная их особенность заключалась в том, что в них участвовали представители различных классов, борющихся за достижение общей цели — освобождение от тирании. Энджумены создавались не только лицами, ставившими прогрессивные политические цели, но и различными социальными группами, борющимися за узкоэкономические, юридические и прочие права. Газета «Ганун» в 1891—1894 гг. сообщала об образовании многочисленных энджуменов в Тегеране, Казвине, Исфахане, Ширазе и других городах.

Однако массовых выступлений в этот период в стране не было, энджумены действовали разрозненно и в основном методами индивидуального террора, а не средствами массовой борьбы, например Сейид Джамал эд-Дин Асадабади и другие руководители «Эттехад-е ислам», особенно члены организации «Хоузе-йе бидаран» («Ячейка бодрствующих»).

В 1896 г. Насер эд-Дин-шах был убит Мирза Резой Кермани, принадлежавшим к среднему городскому сословию, членом «Эттехад-е ислам». Правящие круги Ирана и Турции использовали это как предлог для ликвидации «Эттехад-е ислам» и «Джаме-йе адамиyat». Руководители «Эттехад-е ислам» — Хабир ол-Молк, шейх Ахмед Рухи, Мирза Ага-хан Кермани были казнены в Иране, а Асадабади был умерщвлен в Турции. Тем не менее убийство шаха вынудило правящие круги Ирана временно пойти на некоторые уступки прогрессивным силам. Так, в 1897—1898 гг. правительство возглавлял еще один реформатор — Амин од-Доуле. За короткое время его пребывания у власти были приняты определенные шаги по осуществлению «сверху» некоторых буржуазных реформ. В этот период «с помощью патриотически настроенных представителей интеллигенции в Иране начало выходить несколько газет» [57, с. 39]. Это имело важное значение для распространения демократических идей.

В 1897 г. было создано политическое общество в Исфахане, в которое входили «государственные служащие, офицеры, учителя, близкие к народу представители духовенства» [57, с. 40]. Видимо, это была одна из первых в стране политических организаций, в которой были представлены мелкобуржуазные интеллигенты, выходцы из средних городских слоев. Этим энджуменом руководил известный демократ, духовный деятель Малек ол-Мотакаллемин. Тот факт, что силами энджумена в Исфахане было создано несколько акционерных обществ (промышленного типа), свидетельствует о буржуазном характере его руководства.

После убийства шаха в Тебризе также образовалось несколько нелегальных энджуменов. Один из них был создан Мирзой Гусейн-ханом Адалятом, интеллигентом, выходцем из помещицкой семьи, знакомым с российским прогрессивным движением. В 1896—1898 гг. идеи этого энджумена пропагандировали газеты «Алхадид», «Эхтиадж» (1897) и «Эгбал» (1898) [57, с. 40]. В 1897 г. Али Мосью, представитель революционной демократии, с помощью «революционной интеллигенции» организовал в Тебризе другой энджумен. Али Мосью также поддерживал тесные связи с российскими революционерами [156, с. 151]. Еще один энджумен был создан в Тебризе в конце 90-х годов из «мелких и средних духовных лиц» [57, с. 39], выступавших против импорта иностранных товаров, за самостоятельную таможенную и экономическую политику.

Приход к власти реакционного представителя феодальной верхушки Амин ос-Солтане Атабека (1898—1903) и его шаги по усилению подчинения экономики Ирана империалистическим монополиям Англии и России повлекли за собой активизацию борьбы революционных слоев.

В 1897—1903 гг. на арену активной борьбы против абсолютизма и империализма вышла интеллигенция из средних городских слоев.

В 1899—1903 гг. в Тегеране нелегально действовала политическая организация «Энджумен-е гейби» («Тайный энджумен»), состоявшая в основном из представителей буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции и среднего духовенства. Организацией руководили Рошдиде, шейх Йахья Кашани, Мохаммед Али-хан и др.

В прокламациях и листовках они разоблачали злодеяния шаха и его окружения.

Репрессии против демократических обществ и лиц в Иране и усиление вмешательства Англии и России во внутреннюю жизнь страны, сопровождавшиеся обострением англо-русских противоречий, привели к образованию более широкого антиправительственного фронта, к возникновению крупных политических организаций, возглавивших вскоре освободительное движение. По инициативе революционной буржуазии 28 мая 1904 г. в Тегеране была создана нелегальная организация «Комите-йе энгелаби» («Революционный комитет»), в которую вошли представители помещиков, купцов, промышленной буржуазии, ремесленников, прогрессивной интеллигенции и духовенства. Организацию возглавляли видные революционеры-демократы Мосават, Сейид Джамал, Малек ол-Мотакаллемин [57, с. 45]. Революционный комитет предпринял некоторые практические шаги по созданию легальных энджуменов среди различных категорий городского населения, особенно ремесленников, интеллигенции и т. д., которые в эти годы активно проявляли недовольство своим положением. Легальные энджумены приняли активное участие в революции, особенно в ее начальный период.

Другой крупной политической организацией, также возникшей накануне конституционного движения, было «Энджумен-е махфи» («Нелегальное общество»). Членами этого энджумена были «ученики религиозных школ, помещики и офицеры» [57, с. 46]. Они требовали создания парламента, неприкосновенности частной собственности на землю, совершенствования налоговой системы и т. д. Эта организация также приняла активное участие в революции 1905—1911 гг. Приведенные выше факты свидетельствуют о том, что в период подготовки революции 1905—1911 гг. в распространении революционно-демократических идей совместно с представителями помещичье-буржуазных кругов участвовали представители городских средних слоев.

Буржуазная революция в Иране началась под воздействием революции 1905 г. в России и распространения в стране идей вооруженного восстания. Забастовка «базарного люда» в ноябре—декабре 1905 г. в Тегеране, которая была совместной забастовкой крупной

буржуазии и различных слоев мелкой буржуазии против абсолютизма, положила начало революции.

В январе 1906 г. шах издал фирман о созыве парламента. Однако он не спешил с изданием указа о конституции. Невыполнение шахом принятых обязательств об открытии меджлиса и введении конституции вызвало новые волнения. Демонстрация слушателей духовных школ, протестовавших против действий шаха, была расстрелена полицией. В июле 1906 г. возобновилась забастовка базара, 23 июля к бастующим присоединились учащиеся «Дар оль-фонуна».

3—4 августа бастующих поддержала группа армейских офицеров [57, с. 48]. Присоединение армии к революционным силам имело решающее значение для судеб революции. 3 августа шах издал указ о введении конституции, и 17 октября 1906 г. после первых выборов открылся меджлис I созыва.

Созыв меджлиса, большинство депутатов которого по уставу должно было быть выбрано из «синфов» [119, с. 15] — гильдий и в который вошли представители городских средних слоев, явился большим успехом буржуазии и революционной демократии. Это, в свою очередь, повлекло за собой размежевание политических сил революции.

Усилилось стремление представителей революционной демократии к углублению революции и защите ее достижений. От революции отошла часть национальной буржуазии и обуржуазившиеся помещики. Революционный комитет и Тайный энджумен самораспустились. Вместо них было возрождено общество «Джаме-йе адамиyat», в котором участвовали в прошлом буржуазные и помещичьи реформаторы вместе с теми реакционерами, которые хотели выдать себя за сторонников конституции. «В конституционном движении, — пишет А. Касрави, — участвовали две группы: одна — министры, приближенные ко двору, состоятельные и известные люди, и другая — люди базара, неизвестные и несостоятельные... конституционному движению принесла успех вторая группа» [136, с. 5].

В 1907 г. левое крыло распущенного Революционного комитета, к которому принадлежали видные революционеры-демократы Малек ол-Мотакаллемин, Дехкод, Мирза Джаханги Суре Эсрафил, организовало (в

частности, под влиянием известия о заключении договора между Англией и Россией о разделе Ирана²) «Комите-йе энгелаб-е мелли» (Комитет национальной революции). Другая группа из числа революционной интеллигенции — Солейман-мирза, Йахья-мирза, Каве и др. — создала Общество права («Энджумен-е хоуг»). Началась организация массовых легальных энджуменов. О том, что революция поднялась на более высокую ступень, свидетельствовало и усиление деятельности социал-демократических организаций. 13 октября 1906 г. из трех прогрессивных энджуменов Тебриза была создана социал-демократическая организация Тебриза под названием Тайный центр («Марказ-е гей-би»). В Тегеране социал-демократическая организация возникла в конце 1907 г. на основе Комитета национальной революции, Общества права и группы бывших членов социал-демократических организаций. Впервые в Тегеране были созданы профсоюзы рабочих и служащих.

Период конституционного движения знаменуется и началом распространения в стране научного социализма. Правда, первые марксистские организации создавались первоначально за пределами Ирана — прежде всего в Закавказье, а также в Египте, во Франции и т. д., и только их группы действовали в Иране. Например, организация «Хеммат», или, как обычно пишут, «Гуммет», возникла в первые годы нашего века в Закавказье, где на нефтяных месторождениях работали десятки тысяч иранцев. Они не только общались с пролетариатом России, но и участвовали в его движении против самодержавия и буржуазии. По возвращении на родину они составили основные кадры социал-демократии в Иране. Одним из крупных представителей социал-демократов этого периода был Хейдар-хан Амуоглы (1880—1921), получивший инженерное образование в Закавказье и прошедший там школу классовой борьбы.

² Ослабление России в результате войны с Японией и после революции 1905 г., усиление влияния Германии и ее сближение с Турцией, усиление национально-освободительного движения в Индии и другие факторы заставили Англию и Россию договориться о разделе Ирана на сферы влияния (договор 1907 г.). Известие о заключении этого договора способствовало активизации антиимпериалистического движения в Иране.

В годы иранской революции (1905—1911) была образована Социал-демократическая партия Ирана («Эджтемайюн-е аммийюн-е Иран»), которой руководил заграничный комитет. Эта партия распространяла идеи научного социализма через свои печатные органы «Гуммет», «Таваккол» и др.

После открытия меджлиса I созыва демократическое движение в стране продолжало расти. Программа и устав организации муджахидов в Хорасане (военная организация при легальных проконституционных энджуменах), принятые на состоявшейся в Мешхеде в 1907 г. конференции, содержали требование проведения демократических выборов³ на основе прямого, всеобщего, тайного и равного голосования. Отмечалось, что «муджахиды должны сохранить свою организацию в целях защиты меджлиса и распространения справедливости» [65, 1941, № 1]. В этом документе выдвигались и другие требования демократических слоев — свобода печати, собраний, слова, личности, экономических и политических стачек, ответственность министров перед меджлисом, безвозмездная конфискация земель шаха и шахского двора, распределение их между крестьянами, введение обязательного бесплатного обучения, пропорционального налога, всеобщей двухлетней воинской повинности, 8-часового рабочего дня [65, 1941, № 1].

Программа и устав организаций муджахидов в Мешхеде, Реште, Тегеране, Тебризе и в других городах составлялись с помощью социал-демократов. Отметим, однако, что в практической деятельности организации муджахидов имелись ошибки, вытекавшие из социальной природы сил, проводивших эту программу в жизнь. Программу осуществляли средние городские слои. Для этих организаций были характерны, как для мелкой буржуазии вообще, «сектантство, заговорщичество и тактика индивидуального террора» [48, с. 52].

Такие террористические акты, как убийство Атабека 31 августа 1907 г., покушение на Мохаммед Али-шаха 15 февраля 1908 г., покушение на Мир Хашима в Тебризе, на Шейх-Фазлоллаха в Тегеране, на Кавам ол-Молька в Ширазе, восхвалялись в прессе прозаи-

³ По конституции 1906 г. крестьяне, рабочие и женщины не имели права участвовать в выборах и быть избранными.

ками и поэтами, принадлежавшими к революционной демократии того периода.

В своей книге А. Агахи приводит перевод стихов пролетарского поэта Азербайджана Сабира, критиковавшего в эти годы террор как средство, негодное для массовой борьбы против самодержавия [48, с. 34]:

Казнили Атабека вы — не отрицаю ничуть!
Но их же тысячи еще — или не так я понял суть!
Так скоро обновилась дверь? О нет, меня не обмануть!
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбьются пока!
Допустим, умер Атабек, а есть ли ружьям счет у вас?
Где ваши пушки, я спрошу? И где военный флот у вас?
Все те же — баня и ушат! А к новым путь ведет у вас?
Молчи, дитя, усни, дитя, надежды не сбьются пока!

После контрреволюционного переворота Мохаммед Али-шаха (23 июня 1908 г.) революционная демократия под воздействием социал-демократических идей развернула массовую вооруженную борьбу против самодержавия.

Одним из ярких представителей революционной демократии был Саттар-хан — выходец из городских средних слоев, национальный герой, возглавивший в годы революции 1905—1911 гг. восстание в Тебризе против шахского самодержавия.

Отец Саттар-хана был мелким торговцем-разносчиком в г. Ахаре. Сам Саттар в юности переехал в Тебриз, участвовал в составе наемных добровольческих войск в походе против восставших ханов тюркских племен Иранского Азербайджана. Некоторое время был государственным служащим — охранником на Марандских дорогах, затем занимался в Тебризе куплей-продажей лошадей [140, с. 2—13, 19]. В молодости за неподчинение властям он несколько раз арестовывался правителями Тебриза и два года провел в тюрьме. Два его племянника — Мохаммед и Керим, сыновья его брата Исмаила, — были казнены шахскими властями по обвинению в нарушении порядка. Саттара в Тебризе, особенно в районе, где он жил, уважали и считались с его мнением, хотя он не был образованным или богатым человеком (вначале он выступал как защитник своего района от нападений грабителей). Его личные качества — демократизм, мужественный характер, честность и даже религиозность подняли его авторитет в глазах

народа. Во время иранской революции он был избран главнокомандующим восставшего Тебриза. Все выдвигавшиеся им требования — «освобождение мусульманского народа от ига неверующих», «свержение самодержавия», «установление царства закона», «улучшение жизни простого народа» [140, с. 1—25], «продолжение вооруженной борьбы под исламским флагом до смерти ради народа» и т. д. — характеризуют его как идеолога радикально настроенных средних городских слоев. Народ дал ему почетное название «Сардар-е мелли» («Национальный полководец»), один из высших военных чинов того времени.

Внимательно читая биографию Саттар-хана, можно заметить его почитательность по отношению к крупным бюрократам и чиновникам, его балансирование между народом и буржуазией, что обусловило его постоянные колебания по вопросу о необходимости взятия власти. Хотя Саттар-хан не осознал полностью необходимости захвата власти, однако в конце жизни он, по-видимому, склонялся к этому. В мировоззрении Саттар-хана сознание необходимости борьбы против деспотии и иностранного вмешательства, желание установить демократическое народовластие сочетались с мелкобуржуазной ограниченностью. Конец жизни Саттара был печален: в 1910 г. его отряды были разоружены, и он умер в Тегеране, вдали от родных и друзей, почти в одиночестве. Такая же судьба постигла и друзей Саттара — Багир-хана, Али Мосью — видных военачальников периода революции 1905—1911 гг. Вошедшие в парламент представители буржуазии стремились юридически зафиксировать завоевания революции, ограничить привилегии феодальной знати, отменить средневековые налоги, ввести светское образование и т. п., о чем свидетельствуют законодательные акты, принятые меджлисом I созыва. Однако, поскольку реальная исполнительная власть еще не перешла в руки буржуазии, а тем более в руки мелкой буржуазии, феодальная аристократия всячески препятствовала осуществлению законов — вплоть до закрытия парламента. В результате вспыхнули восстание в Тебризе и народные волнения в других городах на севере страны. Энджумены и муджахидские организации успешно действовали во многих городах.

В Тебризе восстание началось в двух пунктах: в районе Амирхиз (его возглавлял Саттар-хан) и в районе городской цитадели (Арка), где им руководила социал-демократическая организация. Руководящим центром был тебризский энджумен. 12 октября 1908 г., после разгрома реакционных сил, объединившихся вокруг энджумена «Исламийе», власть в Тебризе захватили повстанцы. Но вооруженная борьба продолжалась.

9 февраля 1909 г., после казни гилянского губернатора Сардара Афхама и разоружения контрреволюционных сил, Гилян также перешел под контроль сторонников конституции. После создания энджумена революционеры назначили губернатором Гиляна крупного помещика Сепадара. Под его руководством специальный комитет начал разрабатывать план похода на Тегеран.

В октябре—ноябре 1909 г. в Исфахане были предприняты нелегальные действия против контрреволюции. Был создан исфаханский энджумен, который возглавили Сейид Хасан Мударрес, д-р Масих и др. 30 декабря 1909 г., после того как члены энджумена договорились с руководителями бахтиарских племен, вооруженные силы последних заняли Исфахан. Глава бахтиарских племен Самсам ос-Салтане возглавил поход на Тегеран.

В марте 1909 г. начал свою деятельность энджумен г. Шираза под руководством Ларрийе, Закарийа, Соулат од-Доуле Кашкаи. Вскоре с помощью ширазского энджумена был освобожден г. Бушир, а затем (с помощью племен Тангистана и Даштестана) и Бендер-Аббас. Восстание в Бушире возглавляли два городских учителя: Абдулкарим и Муртуза Харрази [57, с. 75].

В этот период мелкая буржуазия еще не была достаточно сильна и во многих случаях попадала под влияние крупной буржуазии и помещиков и даже ханов племен — «сторонников конституции».

В самом Тегеране к 1909 г. из остатков бывших революционных энджуменов был создан «Энджумен-е джахангир». Его возглавляли Моттамен оль-Мольк, Ганди, Магазеи, Могтадер-Незам и др. В районе тегеранского базара действовали «Энджумен-е азади» из ремесленников и торговцев базара, «Энджумен-е оховват», «Энджумен-е сиях дастан», в который входили

красильщики [57, с. 77—78]. Эти энджумены сыграли большую роль в освобождении Тегерана из-под власти контрреволюции (12—16 июля 1909 г.).

Революционные силы вступили в Тегеран в июле 1909 г. Мохаммед Али-шах был низложен и бежал в Россию. Победа, одержанная народом, антидеспотическими силами, в состав которых входили городские средние слои, либеральные помещики и революционная буржуазия, открыла возможность участия в управлении государством буржуазных сил. Крупная буржуазия была в то время в основном торговой буржуазией, у нее имелись общие интересы с крупными помещиками, феодалами и кадjarской бюрократией. Она тогда еще не могла единолично взять власть в свои руки.

Особую роль в пробуждении народа в преддверии революции играли демократические писатели и поэты. Новая демократическая поэзия активно выступала с критикой реакции и империалистических происков Англии и царской России, проповедовала любовь к родине, боролась с фанатизмом и неграмотностью, бесправием женщины, воспевала человека-труженика. Десятки передовых поэтов и писателей, в том числе Деххода, Ашраф Гиляни, Ареф, Фаррохи Йезди, Малек ош-Шоара Бахар и другие, своими стихами, статьями, революционными песнями призывали народ к борьбе против тирании и колониализма.

Характеризуя газеты, вышедшие в Иране в эти годы, журнал «Роушенфекр» отмечал: «Поскольку Иран в то время находился в водовороте больших изменений и кровавых событий, содержание этих частных газет в основном было посвящено социально-политическим вопросам, в том числе установлению прав народа, передаче управления страной патриотам и прогрессивным людям, освобождению от колониального и деспотического ига» [184, с. 23].

Во время контрреволюционного переворота Бахар написал свое знаменитое стихотворение, начинающееся словами: «Говорить о свободе с иранским шахом — пустое дело». В этом стихотворении он решительно разоблачает Мохаммед Али-шаха как «человека с нечистой совестью, похожего на летучую мышь, слепую и неспособную видеть солнце» [142, с. 481]. Деххода, крупный общественный деятель и поэт, посвятил свое

стихотворение «Утренняя птица» Мирзе Джахангиру Суре Эсрафилу, который погиб вместе со многими другими интеллигентами во время переворота от рук палачей: «Дети золотого века навеки упрячут в темницу злодея-дьявола», в этот праздничный день люди будут помнить о Мирзе Джахангире — «умерщвленном свете».

Рассмотрение процесса развития иранской общественно-политической мысли в конце XIX — начале XX в. позволяет установить наличие трех основных прогрессивных направлений: либерально-прогрессивного, революционно-демократического и социал-демократического, проникнутых в разной степени идеями борьбы против иностранного капитала и иностранного вмешательства. Эти течения оказывали сильное взаимное влияние и тесно переплетались между собой, что являлось признаком отсутствия классового размежевания в обществе и непонимания классового характера существующих в мире идеологических течений — от буржуазно-националистических до антиимпериалистических и социалистических.

Следует отметить некоторые особенности формирования идеологии городских средних слоев, в частности колебания между идеологией низших и высших слоев общества. Поэтому анализ развития самосознания городских средних слоев означает лишь попытку определить, в какой мере эти слои высвобождаются из-под влияния идей высших слоев и отражают идеологию низших. Известно также, что носителями идеологии нового общественного класса могут быть представители других, более старых классов до того момента, когда представители нового класса смогут выступить в этой роли.

В эпоху первоначального этапа развития капитализма представители революционной демократии Ирана часто говорили о «трудящемся» народе и защите его интересов, имея в виду среднего крестьянина или среднего городского хозяина. Такие идеи впервые были сформулированы во второй половине XIX в. буржуазно-демократическими просветителями — Мосташаром од-Доуле, Мирзой Ага-ханом Кермани, Абдурахимом Талыбовым и др. Различные представители просветительства по-разному понимали проблемы развития

Ирана. Одни выдвигали на первый план установление законности и справедливости, другие — борьбу против религии, третьи считали необходимым использовать религию против иностранного засилья и т. д. Выражая интересы различных прослоек иранского общества, одни полагали целесообразным договориться с монархом, другие считали правильной тактику индивидуального террора, третьи шли по пути организации массовой борьбы и т. д. Однако непосредственно перед революцией почти все классы и сословия, заинтересованные во введении буржуазной конституции, пришли к единой линии действий и нашли для этого соответствующие организационные формы — энджумены, через которые осуществили революцию.

В годы конституционного движения на арене политической жизни Ирана появились первые социал-демократические группы из представителей средних городских слоев. Хотя весь период 1851—1909 гг. был периодом борьбы городских средних слоев под руководством революционной буржуазии и духовенства (и до конституционного движения и во время него), руководители различных буржуазных течений часто применяли мелкобуржуазные методы борьбы (образование мелких и мельчайших ячеек, индивидуальный террор и т. п.), особенно в связи с нежеланием использовать формы массовой борьбы. Все это свидетельствует об огромном влиянии, которое оказывали на революционное движение, на буржуазию и духовенство мелкобуржуазные массы городов вообще и мелкобуржуазные методы борьбы в частности.

В то же время революционно-демократическое течение, в основном отражавшее интересы городских средних слоев, в данный период находилось под влиянием социал-демократических организаций, которые стремились придать общему антифеодальному движению постоянный и радикальный характер⁴. Революционно-демократические организации под влиянием социал-демократов и с их помощью создавали более прочные и постоянные организации различного типа и назначения, до некоторой степени отошли от тактики индивидуального

⁴ Программа иранских социал-демократов, составленная в 1904 г., требовала раздела земель феодальной знати и изгнания всех феодалов из государственных учреждений.

террора и научились воевать в революционной армии в траншеях Тебриза, писать прокламации, статьи, обосновывающие позиции конституционалистов. Однако революционно-демократические программы еще далеко не были освобождены от буржуазных и добуржуазных идей и традиций. Этот период с точки зрения степени влияния социалистических идей на Иран справедливо оценивается учеными как «период мечты о социализме» [46, с. 4—37]. Буржуазия, обеспечив себе вместе с помещиками участие во власти, постаралась уничтожить влияние руководителей революционной демократии и социал-демократов, чтобы ослабить возможности дальнейшего роста прогрессивного движения.

Глава IV

НАЦИОНАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ СИЛЫ В ПЕРИОД ИНТЕРВЕНЦИИ (1909—1922 гг.)

Первый этап: 1909—1917 гг.

Успешное развитие революции и осуждение договора 1907 г. блоком помещиков и буржуазии, участвовавшим во власти до переворота Мохаммед Али-шаха, противоречили захватническим планам империалистов. В апреле 1909 г. английские войска высадились на юге, а царская армия вступила в Иран с севера. Революционные антидеспотические и антиимпериалистические силы во многих городах севера и юга были подавлены. Однако, несмотря на это, революционные силы в Тегеране одержали победу, и Мохаммед Али-шах был низложен. После победы революции обстановка в стране усложнилась в связи с пребыванием в Иране интервентов. Наметилась тенденция отмежевания от революции крупных помещиков, купцов и высшего духовенства. Тенденция к отмежеванию от революции обнаружилась у этих слоев незадолго до поражения контрреволюции, т. е. в последние месяцы правления Мохаммед Али-шаха (май — июнь 1909 г.). В это время по приказу шаха была создана комиссия в составе 20 «членов Совета страны» и «доброжелательных» лиц из числа буржуазных интеллигентов (таких, как Моттамен оль-Мольк, Мостоуфи оль-Мамалек, Мосташир од-Доуле) и других сторонников соглашения между феодалами (во главе с шахом) и крупной торговой буржуазией и обуржуазившимися помещиками. Перед комиссией была поставлена задача разработать новый устав для выборов в меджлис. Был отменен старый устав, по которому в меджлис могли избираться члены гильдий ремесленников и мелких торговцев. По новому уставу избиратели

должны были владеть недвижимым имуществом на сумму минимум 250 туманов, или иметь годовой доход в размере 50 туманов, либо уплачивать минимум 10 туманов налога в год. В меджлис могли быть избраны люди, умеющие читать, писать и «осведомленные в делах государства» [119, с. 262—266]. Естественно, что не только рабочие, но и мелкие хозяева города и деревни фактически не могли принимать участие в выборах и быть избранными. Этот устав без всяких изменений стал основой для выборов в ноябре 1909 г. в меджлис II созыва после победы над контрреволюцией. В течение первого года своей деятельности этот меджлис принял несколько антинародных законов — установил налоги на соль и на средства транспорта, запретил ношение оружия и т. д. Под давлением интервентов правительство 10 августа 1910 г. разоружило отряды Саттархана [120, с. 1—20].

Объединение внешней контрреволюции с внутренней реакцией создало объективные условия для сплочения всех антиимпериалистических и патриотических сил. Этот фактор начал действовать с конца 1910 г.

Участвовавшие во власти национальная буржуазия и обуржуазившиеся помещики предприняли ряд шагов для привлечения мелкобуржуазных масс: был отменен налог на соль, принят новый, третий по счету, устав для выборов в меджлис. По этому уставу право голоса предоставлялось всем мужчинам — гражданам Ирана в возрасте старше 20 лет, без различия имущественного положения (кроме армии и полиции), а избранными могли быть «достаточно грамотные» [120, с. 146]. Этот устав, естественно, открывал доступ в меджлис для интеллигенции, и в частности мелкобуржуазной, подвергавшей критике прежний закон о выборах. По специальному закону — Основному закону просвещения — начальное образование объявлялось обязательным для всех иранцев. Были изданы указы об открытии школ и т. д. [120, с. 171].

Важным политическим событием явилось создание в 1910 г. «Хезб-е демократ-е Иран» (Иранской демократической партии, ИДП), выступавшей против фракции партии феодалов — «умеренных» («Эттедаллийун»). В ИДП вошли члены бывшей тегеранской социал-демократической организации, представители националь-

ной буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Ее лидерами стали Хейдар Аму-оглы, Мосават, Солейман-мирза Искендери и др. Партия призывала народ к борьбе против превращения страны в колонию иностранных держав, выступала за объединение антимпериалистических сил и за дальнейшие радикальные перемены в иранском обществе [48, с. 62]. Организаторы считали партию всенародной, партией «масс, живущих своим трудом» [57, с. 81].

Среди исследователей существуют разные оценки целей и состава ИДП. По мнению Т. А. Ибрагимова, «программа ИДП получила одобрение средних слоев буржуазии, демократической интеллигенции» [57, с. 82]; по мнению М. С. Иванова, ИДП защищала «интересы национальной буржуазии» [58, с. 403]. Т. А. Ибрагимов полагает, что ИДП была «буржуазной партией» [57, с. 81], а Дж. Пишевари — «ИДП не была партией определенного класса, в ее рядах можно было встретить представителей всех классов» [145, с. 407]. Такое разнообразие в определениях классового характера партии свидетельствует о недостаточной изученности классов, и особенно городских средних слоев, Ирана.

В первые годы борьбы против интервенции идея единства всех прогрессивных сил находилась еще в зачаточном состоянии. Социал-демократы Ирана еще не понимали, что организационная самостоятельность не мешает созданию единого антимпериалистического демократического фронта с революционной демократией и националистическими партиями. Именно такая неопределенность в понимании проблем и поставила перед социал-демократами Ирана в 1908 г., как отмечает М. С. Иванов, вопрос «о ведении чисто социал-демократической работы» или об «отказе пока от данной работы, чтобы войти в ряды демократии, содействовать ее организации, действуя в ней, конечно, как самый радикальный элемент» [74, с. 179]. Видимо, был избран второй вариант.

ИДП в основном отражала взгляды революционной демократии, которая вместе с социал-демократами и национальной буржуазией вела борьбу против империализма и его приспешников. Основная задача агитации и пропаганды социал-демократов в этот период заключалась в том, чтобы убедить революционную демокра-

тию и другие антифеодальные и антиимпериалистические силы в необходимости организации для защиты достижений революции.

ИДП провела огромную работу в различных провинциях страны. Ее печатные органы: «Демократ-е Иран» (центральный орган), «Ноубахар» — в Мешхеде, «Шафаг» и «Тебриз» — в Тебризе, «Фарвардин» — в Урмии, «Дароламан», «Керман», «Дехган» — в Кермане, «Зайандеруд», «Парване» — в Исфахане, «Неда-йе Рашт», «Рах-е хийал», «Хейр ол-калам» — в Реште, «Раад-е Казвин» — в Казвине и др. — распространяли революционно-демократические идеи во всей стране.

В период меджлиса II созыва группа буржуазных интеллигентов образовала партию «Иттифаги тарагги» («Единство и прогресс»). Представители южных районов создали в парламенте «Сазман-е тараггихахан-е Иран» («Организация прогрессистов Ирана»). В 1911 г. Камали, рабочий по происхождению, организовал партию «Хезб-е эджтемайун — эттехадийун» («Социальный союз»). Все они были левыми буржуазными прогрессивными и антиимпериалистическими партиями.

Многие советские востоковеды считают, что причиной слабости, которую проявляли правящие круги Ирана в этот период перед лицом англо-русской интервенции, была их боязнь развития народного движения. Это, разумеется, верно, но, на наш взгляд, основной причиной было то, что государство не располагало достаточными силами для сопротивления. Именно поэтому после предъявления ультиматума со стороны интервентов правительство, отвергнув его, все же опасалось решать проблемы недипломатическим путем. Но англо-русских империалистов, стремившихся превратить Иран в колонию, такое положение не устраивало, тем более что правящие круги Ирана начали искать опору в лице Германии и США. Приглашение американского советника Шустера и активизация экономических связей с Германией усилили агрессивный характер действий английского и русского империализма. В мае—июле 1911 г. Мохаммед Али-шах, не без помощи царизма, предпринял попытку силой вернуть трон, но был изгнан иранскими войсками и добровольцами.

Вместе с тем под давлением империалистических

держав глава иранского правительства Сепакдар осуществил несколько антидемократических акций. После разоружения муджахидских отрядов по его приказу из страны были высланы известные социал-демократы Хейдар Аму-оглы и Ярмухаммад-хан, а представители революционной демократии офицеры Лахути, Эхсанолла-хан, Али-хан Аджудан, Восуг-Незам, Сардар Фатех и др. были взяты под надзор полиции. Губернатор Тебриза арестовал нескольких «левых» членов местного энджумена. Губернатор Йезда приказал зашить рот известному прогрессивному поэту Фаррохи-Йезди и т. д. Все это усилило народный гнев не только против империалистов, но и против Сепакдара. 25 июля 1911 г. он был вынужден уйти в отставку. Уход Сепакдара явился новым поражением империалистических сил в Иране. Новое правительство решило конфисковать имущество ближайших соратников Мохаммед Али-шаха (Шоа ос-Салтане и Салар од-Доуле), поддерживавших политику России.

Царские войска высадились в Энзели и начали продвигаться к Тегерану. Характерно, что 1 декабря 1911 г. иранский парламент, несмотря на трудное положение, отклонил ультиматум царского правительства, требовавшего отставки Шустера. Это косвенно свидетельствовало об усилении антиимпериалистических настроений национальной буржуазии, опиравшейся на мелкую буржуазию.

В то же время усиление давления империалистов привело к оживлению реакционных сил и к контрреволюционному перевороту, совершенному дашнаком Ефремом Давидяном. Парламент был распущен. В декабре 1911 г. правительство Самсам ос-Салтане приняло ультиматум царского правительства. Любопытно, однако, что, подписывая документ о принятии ультиматума, премьер-министр сделал пометку: «Подписано под давлением силы» [158, с. 30].

По всей стране начались расправы над революционерами: в Тебризе были казнены Хаджа Али Дава-Форуш, шейх Салим, Мир Керим Ваэз, шейх Али Асгар и др. В январе 1912 г. были разгромлены все левые организации на севере страны, в том числе интернациональный клуб в Реште. Английские интервенты запретили деятельность всех левых революционных и

прогрессивных организаций в Ширазе, Кермане, Бушире, Бендер-Аббасе и в других городах юга. В июле 1912 г. англичанами были расстреляны Рафат Незам, Хосейн-хан, Исмаил-хан и другие революционные демократы.

После переворота, хотя меджлис II созыва был распущен и договор 1907 г. был принят, национальная буржуазия и буржуазная интеллигенция продолжали сотрудничать с феодалами в органах власти. С этой точки зрения вряд ли правомерно утверждать, что иранская буржуазная революция «была подавлена» [59, с. 22]. Переворот Ефрема Давидяна не означал лишения буржуазии власти, а представлял собой попытку подавления империалистами и феодалами левого крыла освободительного демократического движения. Характерно, что во главе меджлиса III созыва¹ стоял Мо'тамен оль-Мольк — известный буржуазный интеллигент из помещичьей семьи, националист, выступавший за сближение с Германией.

Законы, утвержденные меджлисом III созыва, — об упорядочении министерства финансов, о торговле, о почте и т. д. — свидетельствовали о стремлении буржуазии юридически закрепить существовавшие буржуазные отношения [121, с. 1—50].

В первые годы интервенции поэты и писатели из среды буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции создавали произведения на революционные, антиимпериалистические и главным образом патриотические темы. Слово «родина» звучало почти во всех революционных стихах. А. Кесрави упоминает о патриотических стихах малоизвестного поэта Монира Мазендерани, написанных в годы интервенции:

Если у паука дом, то у человека — родина,
Будь как паук и образуй вокруг своей родины
защитную сеть.

Враг окружил нашу страну.
Где же, народ, твои совесть и подвиг? [156, с. 47]

¹ Меджлис III созыва начал свою работу 5 декабря 1914 г. 96 депутатов по фракциям распределились следующим образом: 32 — ИДП, 23 — Этедаллийун, 15 — духовенство, 21 — беспартийные, 1 — дашнаки.

Ирадж-Мирза предупреждал стоящих у власти: «Если кот и мышь договариваются, склад можно считать ограбленным» [139, с. 87].

Ареф — артист и поэт, рассказывая своим соотечественникам о политических и общественных событиях, пробуждая в них любовь к родине и ненависть к захватчикам, призывал народ к борьбе:

Вставай, народ, если ты любишь Иран!
Что же спокойно сидишь?
Или ждешь еще более худших дней?
Нет! Терпеть больше нельзя! [139, с. 102]

Оккупация иранской территории войсками стран, участвующих в первой мировой войне, заключение договора в марте 1915 г. между Англией и царской Россией о разделе нейтральной зоны Ирана, экономическая разруха в результате военных действий — все это обусловило новый подъем антиимпериалистического движения в стране. Начали действовать новые политические партии, в состав которых вошли в основном представители городских средних слоев, боровшихся за свободу и независимость страны.

Иранская национальная буржуазия и часть интеллигенции, считая Германию противником врагов Ирана, ориентировались на нее и помогали ей, полагая, что поражение стран Антанты приведет к освобождению Ирана. Именно поэтому меджлис III созыва высказался за поддержку германо-турецкого блока, и правительство во главе с Мостоуфи оль-Мамалеком в ноябре 1915 г. отказалось вести переговоры с Англией и Россией о вступлении Ирана в войну на стороне Антанты [59, 24]. Поскольку Англия и Россия не считались с объявленным Ираном нейтралитетом, такая позиция национальной буржуазии, с ее точки зрения, была единственно правильной: поражение Антанты могло в будущем открыть хоть какую-нибудь возможность для борьбы за независимость. Однако давление, оказанное Англией и Россией на шаха, заставило его распустить «националистический» меджлис III созыва.

Позиции социал-демократов Ирана отличались от позиций национальной буржуазии. Социал-демократы выступали за превращение империалистической войны в гражданскую, за борьбу против империалистических

государств и их армий, оккупировавших территорию Ирана. Национальная демократия же шла между этими двумя силами, примыкая иногда к одной, а иногда к другой стороне.

Национально-освободительная борьба против Англии и России разгорелась с 1915 г. (при частичном содействии Германии и Турции) почти во всех крупных городах и провинциях Ирана.

Германия и Турция, воспользовавшись антианглийскими и антицаристскими настроениями народных масс и особенно интеллигенции, не мешали образованию в Иране ряда угодных им политических партий и организаций. В начале 1915 г. не без помощи турок в Тегеране была создана политическая организация сторонников Турции и Германии «Эттехад-е ислам» («Объединение ислама») под руководством Кучек-хана, Мусавата, Хешмата и др. Для организации партизанской войны против царских войск эта партия отправила на север Ирана три группы добровольцев, одной из которых руководил Кучек-хан [см. 57, с. 89].

В феврале 1915 г. в Берлине была создана организация «Комите-йе ираниян» («Комитет иранцев»), состоявшая из буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов, в основном придерживавшихся прогерманской ориентации (Ираншахр, Таги-заде, Джамал-заде, Дарвиш, Пурдавуд, Ноубари, Амирхизи и др.). Организация издавала в Берлине журнал «Каве» (с 1916 г.) и газету «Растахиз» [см. 57, с. 89].

В Керманшахе представители мелкобуржуазной интеллигенции в основном шли за национальной буржуазией — составляли ее политическую опору, пропагандировали ее идеи. Среди них были и такие, которые поддерживали социал-демократов.

В связи с охарактеризованными выше изменениями есть основания рассматривать революционную демократию Ирана с этого периода как национальную демократию, а часть иранской буржуазии — как национально-патриотическую.

После того как в июле 1915 г. английские интервенты заняли Бушир и разгромили существовавшие там демократические организации, отправив многих из их руководителей в ссылку в Индию, в Боразджане был создан комитет для борьбы против английских интер-

вентов, в который вошли представители национальной демократии — капитан армии Ахгар, Фазлолла-хан и др. В комитете были представлены также буржуазные националисты и ханы южных племен, в том числе племен Тангестана и Даштестана. В августе 1915 г. в Ширазе возникла политическая организация прогрессивных жандармских офицеров «Комите-йе хафез-е эстеглял» («Комитет защиты независимости»). В эту организацию вошли майор Песян (брат Мохаммед Таги-хана), капитан Ахгар, лейтенант Давуд-хан. В ноябре 1915 г. эта организация начала выпускать газету «Хафез-е эстеглял». В ноябре 1915 г. начал свою деятельность «Комите-йе осян» («Комитет восстания») — совместная организация ИДП провинции Фарс и Комитета защиты независимости. 5 апреля 1916 г. восставшие захватили г. Шираз. Почти через год английские интервенты с помощью феодала Кавам оль-Молька подавили восстание, многие члены комитета и руководители восстания были казнены [см. 57, с. 89—90].

Захватив Шираз, революционеры снова создали там филиал ИДП. Руководили этой организацией такие видные деятели национальной демократии, как Хаят, Дастегейб и др. [см. 57, с. 91]. В начале 1915 г. начало действовать отделение ИДП в Исфahanе.

В 1915 г. в Тебризе также началось создание буржуазных и мелкобуржуазных энджуменов и партий. Были образованы «Энджумен-е муджахедин» («Муджахидский энджумен») во главе с Хадж Мохаммедом Мирабом, группа «Аксарийун» («Большинство»), «Бичизан» («Обездоленные») и др. [57, с. 91]. В 1916 г. в Тебризе открылось отделение партии «Ферге-йе демократ-е мотарагийун-е Иран» (Иранская демократическая прогрессивная партия), центр которой находился в Тифлисе [см. 57, с. 91].

В самом Тегеране в августе 1916 г. была создана террористическая организация «Комите-йе моджазат» («Комитет возмездия») во главе с представителями мелкобуржуазной интеллигенции Ибрахим-ханом, Монши-заде, Мешкат оль-Мамалеком, Эхсанолла-ханом и др. Целью организации, как отмечает Т. А. Ибрагимов, являлась «защита самостоятельности страны путем очищения государственного аппарата от агентов Англии, феодальных и аристократических элементов.

Эта организация уничтожила многих видных реакционеров из государственного аппарата Ирана» [см. 57, с. 99]. Эта организация была раскрыта полицией в августе 1917 г.

Еще в конце 1915 г. антиантантские группы буржуазии Ирана создали «Комите-йе дефа-йе мелли» («Комитет национальной защиты») в г. Куме, а затем Временное правительство — в Керманшахе. Однако царские войска вскоре разгромили и добровольческие отряды этого правительства. В июле 1916 г., после контратаки турецких войск, Временное правительство возобновило свою деятельность. В Керманшахе была создана Группа социал-демократов, в которую вошли представители национальной демократии Лахути, Эшки, Мохаммед Таги-хан Песян и др. Однако новое падение Временного правительства в начале 1917 г. в результате нажима царских войск стало трагической датой в деятельности многих выступавших против политики стран Антанты групп национальной демократии Ирана. После этого начинается период их массовой эмиграции.

В это время английские империалисты для защиты своих интересов создали на юге Ирана Корпус южноперсидских стрелков во главе с генералом Сайксом, а царские войска заняли всю северную часть страны до Исфахана.

Характерной чертой иранской демократической эмиграции были колебания между двумя мировоззрениями: буржуазным, ориентированным на Германию и Турцию под знаменем панисламизма, и пролетарским, борющимся против империалистической агрессии.

Идеи «поддержки Германии», а также «союза мусульманских народов», истоки которого связывались с Турцией, получили широкое отражение в публицистике и даже в поэзии этого периода. Адиб Пишавари посвятил этой теме поэму «Гейсар-наме» («Книга о кайзере»). Об этом же писали в своих произведениях Адиб оль-Мамалек Фарахани, Ареф, Эшки, Бахар и другие поэты. Хиабани и некоторые другие представители национальной демократии этого периода вместе с социал-демократами отмечали реакционную сущность империалистических держав, писали о необходимости организовать борьбу народа за освобождение.

После Великой Октябрьской социалистической революции английский империализм без промедления приступил к полной оккупации иранской территории и превращению ее в плацдарм борьбы против молодого Советского государства. Войска генерала Денстервиля действовали в Гиляне, Малессона — в Хорасане, «южноперсидские стрелки» — на юге.

В этот период национальная буржуазия Ирана находилась в двойственном положении: с одной стороны, она опасалась распространения большевизма в Иране и, чтобы предотвратить это, готова была сотрудничать со всеми антикоммунистическими силами; с другой стороны, стремилась, как и раньше, к самостоятельности и суверенитету, а также к оттеснению феодалов от власти. Каждая из этих двух тенденций в зависимости от обстоятельств то усиливалась, то ослабевала.

Октябрьская революция оказала двоякое воздействие и на революционную демократию. Правое ее крыло шло за буржуазией, левое крыло, к которому присоединились многие писатели и публицисты — Ареф, Эшки, Хиабани и др., становилось все более радикальным.

После Октябрьской революции в России группа писателей, представлявших правое крыло национальной демократии, по инициативе Бахара организовала «Джарге-йе данешваран» («Группу любителей науки»), имевшую свой печатный орган — журнал «Данешкаде» (февраль 1918 г. — февраль 1919 г.). Бахар так объяснял задачи этой организации: «Мир потрясен революциями... все находится в процессе революционного изменения, и не удивительно, что наша литература, даже выбираемые нами слова и идиомы, формы выражения наших целей также должны измениться» [185, I.IV.1918, с. 1—2]. В дальнейшем Бахар пришел к выводу, что для преобразования литературы сначала следует преобразовать мир, в котором она существует [185, 1918, № 4, с. 177].

Для более глубокого понимания характера общественных событий в период непосредственно после Октября и трактовки их национальной демократией представляют интерес споры, происходившие между Хиабани, тогда членом Иранской демократической партии, редак-

тором газеты «Гаджаддод» в Тебризе, представлявшим левое крыло национальной демократии, и М. Бахаром, редактором «Данешкаде», представлявшим правое крыло. Хиабани, обращаясь к молодежи, сотрудничавшей с «Данешкаде», писал: «Почему вы не стараетесь обогатить себя знаниями и необходимыми качествами современного человека, пока вам это не приказал „владыка развития“?» Бахар ответил ему: «Не скачок означает прогресс, а естественные факторы развития и постепенное усовершенствование являются основными элементами подлинного развития народа. Делая шаг вперед, мы идем в ногу с прогрессом; если мы не делаем шага вперед, прогресс обгоняет нас и мы отстаем. Если мы идем в ногу с прогрессом, мы пользуемся его плодами, а если мы будем шагать впереди прогресса, то рискуем потерять дорогу» [185, 1918, № 3, с. 122].

На призыв Хиабани: «Будьте для своего времени столь же самостоятельными и прогрессивными, каким был для своего времени поэт Саади» — Бахар отвечал: «Саади и другие поэты и писатели того времени ничуть не изменили ни форму, ни содержание своей поэзии, они говорили языком своего времени; самостоятельность и прогресс Саади были подчинены только требованиям его окружения, процессу развития и возможностям, и мы также убеждены в этом принципе, но действуем с большей самостоятельностью» [185, 1918, № 3, с. 122]. Хиабани понимал, что общество, как и литература, нуждаются в коренном преобразовании. Бахар же, соглашаясь с ним, не хотел допустить разрушения старого порядка. Однако, несмотря на разногласия, оба крыла национальной демократии этого периода призывали народные массы — опору демократии — действовать с целью спасения родины.

Основным содержанием народного движения в Иране в конце первой мировой войны стал вопрос об освобождении страны от иностранной зависимости. С 1918 г. в Иране разгорелась ожесточенная борьба против английских интервентов. В этой борьбе особенно активно участвовали городские средние слои.

Историк Рокн-Заде Адамийат сообщает, что в 1918 г. 14 иранских младших офицеров из частей «южноперсидских стрелков», восставшие против английско-го командования и принявшие активное участие в на-

ционально-освободительном движении, возглавляемом Сардаром Ашайером (в южных провинциях Ирана), были казнены оккупантами. В сражениях с интервентами активно участвовал капитан «южноперсидских стрелков» Казем-хан Шамлу вместе с 700 солдатами. В национально-освободительном движении в Южном Иране в годы первой мировой войны участвовали средние и мелкие торговцы г. Шираза (Джавад Харрази, Мохаммед Рахим Аттар и др.), служащие (Мирза Хосейн-хан — служащий Шахиншахского банка и Мирза Мохаммед-хан — начальник телеграфного управления г. Абаде) и многие духовные лица [144, с. 136—155].

Тревога национальной буржуазии, вызванная усилением национально-освободительного движения, подстрекательство английских империалистов и их антикоммунистическая пропаганда, возрастающее давление Англии на иранское правительство, подкуп многих крупных деятелей феодальной аристократии и т. д. — все это способствовало заключению англо-иранского договора 1919 г., который в случае утверждения его межжлисом превратил бы страну фактически в мандатную территорию Англии.

Однако при сложившейся в то время внешней и внутренней обстановке превратить Иран в колонию было не так уж легко. На этом пути стояли в основном три преграды. Главным фактором, заставившим отменить договор 1919 г., явился подъем народного движения при получении известия о заключении договора. О. С. Меликов справедливо отмечает, что вскоре движение против договора «приняло такие размеры, что в защиту соглашения уже почти никто не осмеливался выступить» и что «лишь правительство Восуг од-Доуле настаивало на ратификации и осуществлении» договора [69, с. 14].

Следующим фактором была ленинская внешняя политика: многочисленные заявления и обращения Советского государства к правительствам и народам Востока и особенно к Ирану (в июне, июле и августе 1919 г.), в которых подчеркивалось, что Советское правительство не признает англо-иранский договор 1919 г., уважает территориальную целостность и независимость Ирана, проводит политику невмешательства во внутренние дела других государств, объявляет недействи-

тельными все неравноправные договоры, заключенные между царской Россией и Ираном, передает Ирану все концессии, полученные русскими капиталистами, отзывает русскую армию из Ирана и т. д. Решающую роль сыграли победа советских войск в Азербайджане в апреле 1920 г. и эвакуация английских войск из Гиляна в результате преследования советскими войсками. Позиция Советского государства вселяла национальной буржуазии и особенно руководителям национальной демократии уверенность в возможность достижения Ираном политического суверенитета и изгнания английских империалистов. Это позволило представителям блока помещиков и буржуазии — Мостоуфи оль-Мамалеку, Сепехдару и др. — отложить утверждение англо-иранского договора до созыва меджлиса IV созыва.

Одним из факторов, помешавших английским империалистам установить контроль над Ираном, было усиление межимпериалистических противоречий, прежде всего несогласие США и Франции с планами Англии в Иране. После заключения англо-иранского договора 1919 г. США выразили свое недовольство действиями Англии в Иране. 9 сентября 1919 г. в Тегеране была опубликована телеграмма госдепартамента США американскому послу в Иране. В ней говорилось, что «США с удивлением приняли весть о заключении нового договора между Ираном и Англией». В телеграмме отмечалось, что, очевидно, иранские правящие круги «теперь уже не хотят поддержки и помощи США» [158, с. 21]. Тем не менее английские империалисты и их сторонники в Иране не были намерены отказаться от ратификации и реализации договора. Они предприняли попытки созвать меджлис IV созыва для утверждения договора.

Усиление противоречий между сторонниками и противниками договора повлекло за собой большие изменения в деятельности политических партий Ирана. Как пишет иранский историк Бахар, поскольку большинство членов ИДП были сторонниками договора, «Иранская демократическая партия без всяких церемоний похоронила себя в вырытой ею же могиле» [141, с. 27]. Бахар не прав, ибо только часть руководителей ИДП выступила за заключение договора. Другая часть руководителей, а также основная масса ИДП возражала

против созыва меджлиса для утверждения договора, из-за чего получила прозвище «зедд-е ташкили» («антиорганизаторы»); те же, кто соглашался на созыв меджлиса, называли себя «ташкили» («организаторы») и создали одноименную фракцию в меджлисе IV созыва. В июне 1920 г. выдающийся революционный демократ шейх Мохамед Хиабани создал в Тебризе «национальное правительство». В том же месяце в Гиляне возникла Советская республика во главе с Кучек-ханом. Первый съезд Коммунистической партии Ирана, состоявшийся в июне 1920 г., ознаменовал вступление в антиимпериалистическую борьбу в Иране новой политической силы.

Все эти события потрясли правящие круги, обострили политический кризис в стране. Ушло в отставку правительство Восуг од-Доуле, представителя консервативной части буржуазии и феодалов; на смену ему пришло правительство Мошир од-Доуле — представителя блока национальной буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Программа этого правительства включала три основных пункта: заключение договора о дружбе и добрососедстве с Советским правительством; изгнание английских интервентов, подавление главных очагов национально-демократического движения, угрожавших, как писали буржуазные газеты по поводу восстаний в Тебризе и в Гиляне, «целостности страны».

Между тем резкое изменение политической обстановки в 1920—1921 гг. вызвало изменения в отношении всех классов и слоев, особенно средних городских слоев, к Советскому государству. По словам М. Бахара, в это время даже члены организации «Ташкили», которые под влиянием английской пропаганды боялись «большевизма», были не в состоянии защитить договор. Они объявили о своем намерении «обеспечить независимость страны при соблюдении подлинного нейтралитета и, влияя на шаха и политических деятелей, воспрепятствовать вмешательству любого иностранного государства; создать сильное правительство, которое в дальнейшем сделало бы невозможным никакое вмешательство иностранцев» [141, с. 27].

Правое крыло национальной демократии предпочло идти за левой частью национальной буржуазии, добивавшейся ликвидации договора дипломатическими пу-

тями. Левое крыло решило действовать вооруженным путем и начало восстание в Тебризе, Гиляне и Хорасане. Характерна, например, переписка М. Бахара с Восуг од-Доуле, которые раньше были друзьями и вместе опасались проникновения «большевизма» в Иран. Поскольку англо-персидское соглашение было обречено, то английские агенты в Иране предпринимали «новые» маневры, которые помогли бы осуществить их прежние планы в новых условиях. Восуг од-Доуле сблизился с известным англофилом, редактором газеты «Раад» («Молния») Сейид Зия эд-Дином. Бахар написал по этому поводу следующие строки, свидетельствующие об изменении его взглядов:

О господин Восуг! Придет время твоей гибели...
Придет время, когда угаснет твоя «молния»...
и стихнет твой гром.
Осколки разбитой тобой чаши вонзятся тебе в ногу.
Меч, брошенный тобой, ударит тебя по голове [164, с. 95].

Попытаемся более детально охарактеризовать восстание, которое вспыхнуло в Тебризе 7 апреля 1920 г. под руководством Демократической партии иранского Азербайджана во главе с Хиабани. У советских иранистов нет единого мнения относительно движущих сил этого восстания. Ш. А. Тагиева пишет, например: «В национально-освободительном движении 1917—1920 гг. в иранском Азербайджане принимали участие национальная торговая буржуазия, рабочие, городская беднота, городская мелкая буржуазия, интеллигенция» [78, с. 118—119]. М. Н. Иванова считает, что «наиболее активными участниками движения были пролетарские элементы, мелкая буржуазия» [60, с. 84]. В других местах своей монографии она отмечает: «Освободительное движение развернулось главным образом в городах»; «отряды рабочих, ремесленников, мелкой торговой буржуазии в течение двух дней заняли все правительственные учреждения» [60, с. 75, 78]. М. С. Иванов следующим образом характеризует движущие силы восстания Хиабани: «Основной движущей силой восстания Азербайджана были национальная торговая и мелкая городская буржуазия, городская беднота и зарождавшийся рабочий класс» [59, с. 36]. По нашему мнению, М. Н. Иванова более близка к действительности, чем М. С. Иванов, если не считать того, что среди движу-

щих сил она ставит на первое место «пролетарские элементы» и «отряды рабочих». Неточность в определении, данном Ш. А. Тагиевой и М. С. Ивановым, заключается в том, что они считают одной из движущих сил восстания и «национальную торговую буржуазию», не уточняя, однако, социального и этнического значения термина. На наш взгляд, движущими силами в восстании 1920 г. в Тебризе были городские средние слои и примкнувшие к ним рабочие, связанные с мелкотоварным и мелкокапиталистическим укладами города.

М. Н. Иванова, Г. М. Еганян и Ш. А. Тагиева по-разному характеризуют руководство этого движения. Г. М. Еганян считает, что «во главе революционного движения этого периода (1918—1920 гг.) стояла национальная буржуазия» [56, с. 89—96]. По мнению Ш. А. Тагиевой, в состав правительства вошли представители национальной торговой буржуазии, интеллигенции (буржуазной), средних и мелких помещиков и духовенства. Ведущая роль принадлежала торговой буржуазии [см. 78, с. 119]. М. С. Иванов рассматривает руководство движением как «буржуазное»; оно «отличалось непоследовательностью, не вело решительной борьбы с реакцией» [59, с. 36]. М. Н. Иванова пишет: «В правительство вошли в основном представители торговой буржуазии, духовенства, интеллигенции и средних помещиков»; «Тебризское восстание 1920 г. возглавляла торговая буржуазия, представители которой входили в национальное правительство» [60, с. 77, 84].

Социальные термины «буржуазное руководство» и «торговая буржуазия», как явствует из сопоставления приведенных выше оценок, весьма неопределенны. Хорошо известно, что понятие «буржуазия», в том числе и торговая, включает три основных слоя: крупную, среднюю и мелкую буржуазию. Кроме того, в данном случае следует иметь в виду, что речь идет именно о местной буржуазии (ведь многие представители азербайджанской буржуазии, особенно крупной, жили в других районах страны и были тесно связаны с общеиранской буржуазией). Вот почему приведенные выше определения не дают ясного представления об истинном характере руководства движением. Решению этой задачи может помочь изучение биографии руководителя и инициатора этого движения — Хиабани.

Хиабани, по свидетельству иранского историка А. Азари, был выходцем из семьи среднего городского торговца. В молодости он занимался торговлей в Тебризе. Хиабани был интеллигентным, образованным человеком [136, с. 162]. В годы иранской революции 1905—1911 гг. он выступал с публицистическими статьями в ее поддержку. Во время первой мировой войны Хиабани принадлежал к тем прогрессивно настроенным интеллигентам, которые выступали против агрессивной политики империалистических держав. Его взгляды о необходимости коренных изменений в стране были очень близки к взглядам социал-демократов. Эти взгляды сложились у Хиабани еще задолго до восстания в Тебризе. Он приближался к пониманию необходимости захвата власти народом — городской мелкой буржуазией и беднотой. Однако после взятия власти его действия были весьма непоследовательными.

М. С. Иванов отмечает мелкобуржуазный характер взглядов Хиабани, его непоследовательность в борьбе против «реакции» [59, с. 36], т. е. «буржуазии, стоявшей у власти в Тегеране вместе с феодалами». Он пишет, что для Хиабани было характерно «неверие... в народные массы и нежелание дать народу оружие» [59, с. 36]. Хиабани считал, что «сначала надо дать народу образование, а потом оружие». Он был правоверным мусульманином, антиимпериалистом, намеревался ограничить действия крупного капитала. Высказывания и взгляды Хиабани позволяют охарактеризовать его как представителя левого крыла национальной демократии.

Участие некоторых представителей средней местной торговой буржуазии в правительстве Хиабани и в руководстве партии отнюдь не определяет «буржуазного» характера руководства движением 1920 г. Положения, высказанные Р. М. Еганян, о том, что Хиабани стремился к обновлению «общественного строя сначала в Тебризе, а затем во всем Иране» [56, с. 92—93], и Али Азари о намерении Хиабани установить «демократическую республику» [136, с. 343] помогают уточнить характер руководства восстанием. Следует иметь в виду, что крупная буржуазия Азербайджана в эти годы была не способна к такому обновлению. Она была сосредоточена в основном в Тегеране и вместе со всей иранской крупной буржуазией стремилась к укреплению сво-

ей власти на всей территории страны. Обновление общественного строя и установление демократической республики в иранском Азербайджане могло быть осуществлено только при революционном, национально-демократическом по своему характеру руководстве. Хиабани говорил: «Силу и мощь государства составит народ. Мы хотим создать в Иране подлинно национальное, абсолютно независимое, свободное государство» [68, с. 82]. Изгнание английских интервентов, расторжение договора 1919 г., свержение шахской власти, создание в Иране демократической республики, провозглашение автономии иранского Азербайджана, установление торговых и дипломатических отношений с Советской Россией, создание широкой сети народного образования, здравоохранения и т. п. — все эти требования и задачи составляли основное содержание программы национального правительства иранского Азербайджана [136, с. 342—366]. Вряд ли нужно приводить особые аргументы для доказательства того, что такая программа не могла быть выдвинута в то время никаким правительством крупной буржуазии, не говоря уже о феодалах и помещиках. Если же говорить о классовом характере «провинциальной» средней городской торговой буржуазии, то, по нашему мнению, она ввиду своей экономической слабости составляла совместно с мелкими городскими хозяевами костяк революционной демократии Тебриза и была ближе к мелкой, чем к крупной буржуазии.

Что касается аграрной реформы, вернее, аграрной программы Хиабани, которая часто признается исследователями «недостаточной», свидетельствующей о «буржуазно-помещичьем характере» правительства Хиабани, то, на наш взгляд, в обстановке 1920 г. в иранском Азербайджане выдвигать такие требования, как распределение помещичьих земель, было преждевременно. Следует учитывать, что даже теперь, в середине 70-х годов, многие мелкие города Ирана являются по существу сельскими городами, т. е. городское население живет главным образом за счет обработки своих земель, расположенных вокруг города. В 20-е же годы многие ремесленники, мелкие и средние торговцы, не говоря уже о крупных, имели прямые связи с деревней и частично жили за счет своих земельных «владе-

ний». Городская мелкая и средняя буржуазия не поддерживала идею распределения земель между безземельными крестьянами-издольтчиками, тем более что мелкая буржуазия и мелкобуржуазная интеллигенция находились под сильнейшим влиянием ислама и традиций, поддерживающих частную собственность на землю. Советские иранисты не раз правильно отмечали ошибки иранских левых коммунистов, выразившиеся, в частности, в том, что они именно в 1920—1921 гг. выдвигали лозунги распределения частных земель, в том числе владений средних и мелких помещиков. Сами крестьяне в то время таких лозунгов не выдвигали, считая землевладение «божьим даром», собственностью, не подлежащей насильственному захвату.

Восстание Хиабани имело, таким образом, национально-демократический характер; в нем активно участвовали городские средние слои Тебриза. Оно было как бы и продолжением и дополнением восстания Саттархана, мечтавшего о «власти народа», но находившегося еще под сильным влиянием религиозных традиций.

Мелкобуржуазная непоследовательность, нерешительность основной части руководства Тебризского восстания 1920 г., нашедшая свое выражение главным образом в соглашательских действиях и компромиссах с правящими кругами, с одной стороны, и в недооценке значения разоружения государственных и иных армейских частей и создания боеспособной народной армии — с другой, обусловили поражение восстания (11 сентября 1920 г.).

Лозунг автономии Азербайджана был выдвинут Хиабани вполне обоснованно, на основании ст. 29 Дополнения к иранской конституции, где говорилось о том, что «собственные интересы каждой провинции и области регулируются провинциальными или областными энджуменами в соответствии со специальным законом, который будет издан» [119, с. 23]. Правительство Хиабани требовало выполнения этой статьи конституции, как и других ее положений. Оно требовало замены губернатора, допустившего злоупотребления, а не упразднения этой должности вообще, настаивало на том, чтобы внутренние дела Азербайджана были переданы местному энджумену. Именно поэтому сначала «общественная комиссия» Демократической партии Азербайджана вре-

менно взяла на себя урегулирование внутрив провинциальных проблем.

Однако английские империалисты и правительство Восуг од-Доуле отвергли требования Хиабани. Стремясь настроить общественное мнение против Хиабани, они распространяли ложные слухи о том, что он якобы стремится к созданию самостоятельного государства. Более того, спустя некоторое время, явно желая подстрекнуть националистические элементы буржуазии, Восуг од-Доуле заявил, что «Азербайджан заболел гангреной и его необходимо ампутировать» [158, с. 24]. В действительности же Хиабани не выдвигал «чисто» национальных требований, за исключением требования создания начальных школ для обучения детей на родном азербайджанском языке.

Хиабани изменил даже название провинции на «Азадисетан» или «Азадистан» («Добивающаяся свободы», «Страна свободы»), имея в виду превратить ее в опорную территорию для освобождения всего Ирана [56, с. 93—96; 78, с. 118—119]. Все его выступления свидетельствуют именно об этом. Естественно, что Хиабани по мере нарастания давления со стороны правительства Восуг од-Доуле был вынужден принимать ответные, в том числе организационно-административные, меры, приведшие к созданию «национального правительства».

После образования правительства Мошир од-Доуле Хиабани продолжал требовать соблюдения всех положений конституции. Это дало новому правительству повод обвинить Хиабани в намерении добиться самостоятельности Азербайджана.

Восстание тебризских демократов не было единственным движением городских средних слоев. Несколько годами раньше началось восстание дженгелийцев под руководством Кучек-хана. Первоначально дженгелийцы боролись против российского и английского империализма.

После Великой Октябрьской революции это движение приобрело антианглийский характер. Однако английским представителям в Иране в 1918 г., используя религиозные убеждения Кучек-хана, удалось временно ввести его в заблуждение и заручиться содействием дженгелийцев для переброски английских войск в За-

кавказье. И все же вскоре Кучек-хан (в этом ему помогли коммунисты) узнал о действительных целях интервентов и нанес серьезные удары по английским и правительственным войскам.

Кучек-хан был выходцем из средних слоев, воспитанником традиционных религиозных школ. Он участвовал в походе на Тегеран и был ранен. По своим убеждениям он был антиимпериалистом, религиозно настроенным патриотом. М. С. Иванов следующим образом характеризует социальный состав дженгелийцев: «Они, т. е. партизанские группы, состояли из крестьян, городской бедноты и мелкой буржуазии, пользовались также поддержкой националистически настроенных купцов и помещиков» [59, с. 25].

Движение Кучек-хана особенно активизировалось после подписания англо-иранского договора 1919 г. Когда в мае 1920 г. советские войска изгнали английских интервентов из Закавказья, дженгелийцы во главе с Кучек-ханом вышли из лесов, заняли центральные города Гилянской провинции — Решт и Фумен — и в июне объявили Гилян республикой. Были сформированы Временное революционное правительство и Революционный совет.

Правительство было составлено из представителей групп, участвовавших в партизанском движении, т. е. из групп самого Кучек-хана, сельскохозяйственных батраков «курдов»² во главе с Халу Курбаном и коммунистов, часть которых составляли интеллигенты, придерживавшиеся ультралевых взглядов, во главе с Эхсанолла-ханом.

Однако в июле 1920 г. единый фронт распался. Это произошло в результате интриг английских империалистов и внутренней борьбы между представителями левых интеллигентов и представителями предпринимательской части средних городских слоев. Если в восстании Хиабани нерешительность привела революцию к гибели, то в Гиляне к этому добавилось характерное для мелкобуржуазной интеллигенции «левачество». Эта специфическая черта гилянской революции и дает нам основание рассматривать участие мелкой буржуазии именно под углом зрения ее «левачества», нашедшего в

² На местном диалекте Гиляна «курд» означает «негилянец».

известной степени отражение в программных документах и действиях коммунистов Гиляна в то время.

Октябрьская революция, создание первого в мире социалистического государства были настолько ярким примером подлинно революционного решения вопроса, таким заманчивым образцом для подражания, что некоторые коммунисты Ирана стали считать единственно правильным путем разрешения всех социальных, национальных и государственных проблем механическое повторение опыта большевиков России без учета специфики, конкретных условий своей страны.

В первой Программе Коммунистической партии Ирана, утвержденной на I съезде партии и обнародованной в 1921 г., подчеркивалось: «В результате всеобщей войны, которая была начата для ограбления чужих земель, стало известно, что угнетенные народы Востока не могут жить спокойно при существовании отвратительного режима богатства и капитала... Надеяться на справедливость богатых и капиталистов — это невежество» [101, с. 1—2]. «Поэтому Коммунистическая партия (большевиков) Ирана, — говорилось далее в Программе, — считает своей нынешней задачей не только изгнание иностранных войск из Ирана, но и уничтожение основ монархизма и феодализма... Коммунистическая партия хочет, чтобы трудящиеся поняли, что, кроме уничтожения паразитов и создания Советской власти, для них нет и не будет иного выхода». Первая часть Программы завершалась следующими словами: «Эту окончательную борьбу мы можем вести и добьемся необходимых результатов лишь с помощью всех революционных элементов Ирана» [101, с. 4].

Заслуживает особого внимания то обстоятельство, что составители Программы, правильно оценив две задачи иранской революции в начале 20-х годов: изгнание империалистов и уничтожение самодержавия, к сожалению, не отделили последующую задачу рабочего класса — создание Советской власти (форма диктатуры пролетариата в России) — от его непосредственных предшествующих задач и объединили их в общей формуле. Кроме того, они призвали все революционные элементы Ирана не только изгнать империалистов и уничтожить самодержавие, но и создать Советскую власть. Это свидетельствует о том, что в вопросе о

соотношении классовых сил в разные периоды революции составители Программы допустили серьезные ошибки.

Особенно примечательна аграрная часть Программы. Коммунистическая партия предлагала после уничтожения самодержавия, во-первых, конфисковать земли всех крупных помещиков, объявив их народным имуществом, и, во-вторых, конфисковать земли средних помещиков, оставив им участки в размере среднего крестьянского хозяйства.

В начале 20-х годов, т. е. в разгар антиимпериалистической борьбы иранского народа, в которой участвовали многие богатые помещики, опубликование такого документа могло привести лишь к изоляции самих коммунистов и разобшению сил единого фронта. Кроме того, составители Программы не учли, что, находясь под влиянием религиозного фанатизма, крестьяне считали конфискацию земли большим грехом. Жизнь показала, что необходимо было затратить много времени и усилий для того, чтобы подготовить крестьян к принятию лозунга о насильственной конфискации помещичьих земель.

Эту часть Программы можно было бы рассматривать как программу-максимум при условии, если бы коммунисты, пришедшие к власти в Гиляне (когда английские интервенционистские войска находились в Иране и продолжала существовать власть Каджарской династии), не приступили к ее практической реализации. Дело в том, что после 31 июля 1920 г., когда был образован Национальный комитет освобождения Ирана, т. е. в то время, когда у власти находился Эхсанолла-хан, левые коммунисты в Гиляне не только конфисковали земли крупных и средних помещиков, но и национализировали крупные и даже средние капиталы и средства производства.

Большинство партийных руководителей в Гиляне являлись сторонниками самостоятельных классовых выступлений пролетариата и бедноты. Они шли за Эхсанолла-ханом и не могли и не хотели сотрудничать с Кучек-ханом — руководителем гилянско-национально-освободительного движения. Правительство, осуществлявшее такие левацкие мероприятия, не могло долго находиться у власти. Обстановка потребовала обновле-

ния состава ЦК Коммунистической партии Ирана. Были опубликованы новые тезисы Коммунистической партии, известные как тезисы Хейдар-хана (январь 1921 г.), на основе которых было создано новое коалиционное правительство, в котором были представлены все силы, участвовавшие в движении.

В тезисах Хейдар-хана пересматривались прежние позиции партии по вопросам о национализации средств производства, о совместной работе с Кучек-ханом и другими руководителями национально-освободительного движения Ирана. Однако вопрос о конфискации земель крупных помещиков остался в тезисах обойденным. В дальнейшем, в ходе практической деятельности, сам Хейдар-хан, убедившись в несоответствии лозунга конфискации земель тогдашним условиям страны, снял его, заменив его новым: «Прибавление 6 пудов риса с каждого джериба на долю урожая крестьян-арендаторов за счет доли помещиков». Однако время было уже упущено, и эти изменения в Программе не могли существенно подействовать на ход событий в пользу партии.

Недоверие революционной демократии к действиям Коммунистической партии разобщило основные силы участников движения. 4 августа 1921 г. коммунисты провозгласили Советскую власть в Гиляне. Это повлекло за собой настоящую междоусобную войну среди участников антиимпериалистического фронта, что облегчило подавление гилянской революции и привело в конечном счете к поражению национально-демократического движения в Иране. В результате народ Ирана не сумел использовать те огромные возможности для своего национального освобождения, которые у него появились после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Определенное значение в революционном движении 20-х годов имело и образование отдельных профсоюзов государственных служащих (почты и телеграфа), которые наряду с рабочими профсоюзами начали организованную борьбу за свои права.

В обстановке массовой антиимпериалистической борьбы в Иране произошел февральский переворот 1921 г., осуществленный проанглийски настроенным журналистом Сейид Зия эд-Дином и офицером казачь-

ей бригады Реза-ханом. Укрепление Советской власти в России, широкий размах антиимпериалистических выступлений в Иране побуждали английских империалистов способствовать созданию в стране режима военной диктатуры. Основная функция власти Реза Пехлеви заключалась в укреплении в стране военной диктатуры помещичье-буржуазного типа. К установлению такой «твердой» власти стремились и национальная буржуазия и правое крыло национальной демократии.

Таким образом, переворот 1921 г. можно рассматривать по существу как результат взаимодействия интересов консервативной части иранской буржуазии и обуржуазившихся помещиков и Англии в новых условиях, т. е. в обстановке укрепления советского строя в России и усиления «опасности» проникновения идей коммунизма в Иран. Это был первый тайный сговор блока помещиков и буржуазии Ирана с империализмом.

Взяв бразды правления в свои руки, Реза-хан стремился прежде всего к объединению различных армейских групп в единую армию под своим командованием. До Октябрьской революции иранские офицеры, получавшие военное образование в основном в европейских странах и возвращавшиеся домой, часто выражали недовольство действиями казачьей бригады, выполнявшей волю царизма. Поэтому они, как правило, проходили службу в жандармерии, находившейся под командованием шведских офицеров. Реза-хан, ставший в 1921 г. военным министром, приступил к объединению всех войсковых частей. Это вызвало среди офицеров большое недовольство.

Одним из офицеров жандармских частей, выступившим в июле 1921 г. против действий властей, был полковник Мохаммед Таги-хан Песян. По свидетельству иранского историка Азери, Мохаммед Таги-хан требовал «освобождения Ирана от засилья англичан и от господства прогнившей иранской аристократии, выполнения конституции и образования демократического правительства вместо правительства Кавама» [137, с. 335—337].

Мохаммед Таги-хан родился в Тебризе в семье офицера. Его отец Мохаммед Багер-хан в конце жизни

был майором. В юные годы Мохаммед Таги-хан учился в Тегеране, а затем в Германии, где стал офицером [137, с. 265]. Он всегда вел скромный образ жизни, кроме офицерского жалования не имел других источников дохода [137, с. 187—192]. В 1916 г. в борьбе против английских войск («южноперсидских стрелков») погиб его брат Голам Реза-хан, офицер жандармерии. По своим взглядам Мохаммед Таги-хан был антиимпериалистом, патриотом и демократом. Он был членом Демократической партии Ирана. Известно, что он устроил торжественную встречу советскому посланнику, проезжавшему через Мешхед в Тегеран. Во время восстания в Хорасане Мохаммед Таги-хан установил контроль над всеми действиями английских служащих в Мешхеде. Как пишет орган ЦК НПИ журнал «Донья», он «был выразителем мелкобуржуазных и революционно-буржуазных идей» [186, 1969, № 2, с. 33]. Он был убит осенью 1921 г. в битве с правительственными войсками.

В борьбе против военной диктатуры, установленной в Тегеране, Мохаммед Таги-хан проявлял и непоследовательность. До последних дней жизни он считал, например, что в создавшейся в стране тяжелой обстановке виновен только Кавам ос-Салтане. Если бы он ушел в отставку, никаких трудностей не возникло бы. Поэтому, хотя Мохаммед Таги-хан поднял восстание в Хорасане и был сторонником улучшения положения народа, он постоянно подчеркивал свою верность шаху и центральному правительству.

1 февраля 1922 г. под теми же лозунгами начал восстание в Тебризе офицер жандармерии майор Абулкасим Лахути. Это был образованный офицер, сын зажиточных родителей, участник революции 1906—1911 гг. В 1915 г. за отказ выполнить приказ командующего он был приговорен к смертной казни, но бежал в Турцию. После переворота 1921 г. он снова стал офицером жандармерии.

Во время восстания в Тебризе в 1922 г. части Лахути заняли правительственные учреждения и образовали «Национальный комитет» [59, с. 50]. Главными лозунгами Лахути были изгнание английских интервентов из Ирана и отставка Реза-хана с поста военного министра за отданный им приказ об объединении жандармерии

с казачьей бригадой³. Это восстание было подавлено 7 февраля 1922 г.

Еще одним представителем офицерства, выступившим против Реза-хана, был полковник Махмуд Пуладин. Будучи сначала сторонником Реза-хана и считая его «солдатом-патриотом», он позже осознал свою ошибку. Интересно отметить, что Пуладин был командиром Лахути и другом Мохаммеда Таги-хана, однако не был согласен с начатыми ими выступлениями. К Пуладину присоединились командир специального шахского гарнизона майор Ахмед Хомаюн и несколько других офицеров. Перед началом восстания группу выдал предатель. Пуладин и некоторые члены группы были казнены [186, 1965, № 2, с. 39].

Все указанные выступления офицеров — это по существу восстания одиночек, хотя некоторые из них были членами политических партий. Движимые патриотическими чувствами, они не имели, однако, ни тактики, ни стратегии, ни программы действий.

В 1918—1922 гг. левое крыло революционной демократии, представлявшее широкие круги городских средних слоев, стремилось не только к тому, чтобы взять власть в свои руки в интересах установления справедливости, демократии и достижения политической самостоятельности. Отдельные представители этого крыла в своих произведениях ставили еще более высокие цели. С утопических позиций они восхваляли коммунизм, величие Ленина.

Ареф писал:

О ты, который ничего не требуешь
для себя, подобно большевику.
Пусть будет счастливым каждый, на кого
ты обратишь внимание [147, с. 201].

Эшки в своей поэме «Идеал Эшги» с огромным уважением упоминал имя В. И. Ленина.

Представители правого крыла революционной демократии, чьи колебания и непоследовательность во многом облегчили буржуазно-помещичьему блоку расправу с национально-демократическими движениями и

³ В это время казачья бригада находилась еще под командованием русских белых офицеров.

убийство десятков лучших представителей национальной демократии, хотя и с опозданием, начали признавать допущенные ими ошибки. Вот что, например, писал Бахар в связи с убийством Хиабани: «Защита Ирана находится в руках лиц, стремящихся разрушить страну... Если закипит кровь Хиабани, то весь Иран покроется красным саваном... О стонущий сын убитого отца, не плачь, настанет и другой день» [142, с. 314—315].

Национальная демократия, лучшие представители средних слоев в последние годы интервенции, восполнив пробел, образовавшийся в результате колебаний и отхода национальной буржуазии от радикально-революционных позиций, показали большую активность в национально-освободительном движении и фактически во многих районах возглавили восстания масс народа против империалистов. Вместе с тем эти первые и робкие шаги сопровождались многими ошибками и колебаниями.

ГОРОДСКИЕ СРЕДНИЕ СЛОИ В ПЕРИОД
ПРАВЛЕНИЯ РЕЗА-ШАХА ПЕХЛЕВИ

Для анализа роли и политики мелкой буржуазии в 20-х годах определенное значение имеет личность Реза Пехлеви, ставшего в 1925 г. шахом Ирана.

Реза Пехлеви, офицер казачьей бригады, был выходцем из средней мазендеранской крестьянской семьи. Полуграмотный Реза в течение нескольких лет служил солдатом в казачьей бригаде под командованием русских офицеров и дослужился впоследствии до звания полковника. В период национально-освободительного движения 1918—1922 гг. он зарекомендовал себя как ревностный защитник интересов крупной буржуазии и помещиков. Даже Мосаддык говорил в 1925 г. в меджлисе, что не видит никого, кто мог бы стать преемником Реза-хана в случае, если он, министр обороны и защитник «безопасности» и «спокойствия», уйдет с политической арены¹ [158, с. 36—38]. С. Л. Агаев отмечает, что Реза-хан был единственным деятелем, способным приостановить антиимпериалистическое движение [47, с. 123].

Переворот, совершенный в 1921 г. Сейид Зия эд-Дином и Реза-ханом, застал врасплох правительство Моширод-Доуле — представителя блока обуржуазившихся помещиков и национальной буржуазии. Этот блок даже отверг предложение шаха возглавить правительство после ухода в отставку Сейид Зия эд-Дина. В результате к власти пришел Кавам ос-Салтане, представитель

¹ Мосаддык тогда полагал, что Реза-хан стремится стать шахом и в случае, если ему это удастся, он должен будет отказаться в соответствии с положениями конституции от участия в делах государства.

консервативной части буржуазии и феодалов (июнь 1921 г.)².

Меджлис IV созыва (июнь 1921 г.), депутаты которого были избраны еще при правительстве Восуг од-Доуле, фактически стал орудием консервативной части буржуазии и феодалов.

Господство Каджарской династии, стремление буржуазии к подавлению очагов национально-освободительного движения, присутствие английских войск, усиление противоречий между Англией и США в Иране определили основные черты политического положения страны. В 1922 г. вспыхнули забастовки учителей и служащих Тегерана и других крупных городов; бастовали также отдельные отряды рабочего класса. Забастовки происходили под руководством созданного в начале 20-х годов Центрального бюро профсоюзов Ирана [80, с. 41—42].

В это время на политической арене страны активно выступали Коммунистическая партия Ирана, Иранская демократическая партия (ИДП) и Социал-демократическая партия. Демократическая партия главным образом действовала через свою фракцию в меджлисе.

Социал-демократическая партия во главе с Солейман-мирзой, одним из лидеров левого крыла национальной демократии, образовалась из левых элементов ИДП. Солейман-мирза был участником революции 1905—1911 гг., другом Саттар-хана и Хейдар-хана. Большинство этой партии составляли молодые интеллигенты — писатели, служащие, журналисты. Судя по ее программе, партия выступала за установление дружественных отношений и тесных экономических связей с Советской Россией, проведение демократических реформ, наделение крестьян землей из государственного фонда, за решительную борьбу против господства в стране английского империализма [69, с. 54—57]. Поэтому, на наш взгляд, было бы правильно считать эту партию партией городских средних слоев во главе с левой национальной демократией³.

В это время было создано несколько других партий

² Назначение Кавама на пост премьер-министра стало еще одной из причин восстания Мохаммед Таги-хана в Хорасане.

³ Эту партию некоторые советские ученые считают «самой обыкновенной буржуазной партией» [69, с. 54].

«социалистического толка» — Партия независимых социалистов во главе с Зия оль-Ваэзином, Партия объединенных социалистов под руководством Табатабаи и др. Определить характер этих партий пока не представляется возможным, хотя известно, что они выступали за укрепление буржуазного государства и т. д.

Стремление правящих кругов к подавлению Коммунистической партии и очагов вооруженного национально-демократического движения, борьба за власть между феодальной аристократией, с одной стороны, национальной буржуазией — с другой, и Реза-ханом — с третьей на фоне усиления противоречий между Англией и США определяли политическую ситуацию в стране после заключения советско-иранского договора в 1921 г. и ухода английских войск из Ирана.

Национальная демократия в силу своего мелкобуржуазного характера после подавления национально-демократического движения в Азербайджане, Гиляне и Хорасане и особенно в результате некоторых ошибок, допущенных в ходе развертывания коммунистического движения на севере страны, постепенно сблизилась с левым крылом национальной буржуазии.

В начале 1921 г. в меджлисе IV созыва образовался Национальный блок, в который вошли: социал-демократы во главе с Солейман-мирзой, левое крыло национальной буржуазии во главе с Мостуофи оль-Мамалекком и несколько других мелких группировок, в том числе организация «Зедд-е ташкили». Судя по выступлениям представителей Национального блока, требовавших обеспечения подлинной самостоятельности, прогресса, экономических преобразований и улучшения отношений с РСФСР, можно сделать заключение, что они стояли на национально-демократических позициях. Это подтверждается еще и тем, что социальную базу основных партий и групп, входивших в Национальный блок, составляли городские средние слои, особенно новая интеллигенция.

В меджлисе IV созыва еще действовала фракция ИДП — группа «Ташкили», т. е. правое крыло национальной буржуазии и правое крыло национальной демократии. К 1921 г. эта фракция уже не выступала в защиту договора 1919 г. и постепенно начала сближаться с Национальным блоком.

Против вышеуказанных сил в меджлисе IV созыва выступали феодалы и каджарская аристократия, а также крупные духовные лица во главе с Модарресом. Они действовали через такие организации, как Общество реформаторов, Комитет единства Востока и т. д.

В течение 1921—1922 гг. продолжалась ожесточенная борьба между США и Англией за преобладание в Иране. Англия не желала уступать свои экономические позиции, а США требовали равных возможностей.

К концу 1922 — началу 1923 г. противоречия различных групп, действовавших на политической арене Ирана, дошли до максимума. Естественно, что такое неустойчивое положение не устраивало ни левые группы, ни Реза-хана, ни Ахмед-шаха, ни Англию, ни США. 21 июня 1923 г. меджлис IV созыва по истечении срока его действия был распущен, а выборы нового состава депутатов затянулись до октября 1924 г. Реза-хан использовал это время для укрепления своих позиций путем передачи власти в районах в руки верхушки армии и для того, чтобы провести своих сторонников в меджлис V созыва. Когда же Реза-хан обрел уверенность в прочности своей власти, он начал усиливать давление на коммунистов (заккрытие газет «Хагигат», «Кар» и др.). 27 октября 1923 г. Реза-хан занял пост премьер-министра. С этого же времени он начал привлекать на свою сторону городские средние слои, которые составляли до сих пор политическую армию национальной демократии и левого крыла национальной буржуазии. Для достижения этой цели Реза-хан использовал различные методы. Сначала он заигрывал с лидерами Национального блока, пытаясь привлечь их к участию в своем правительстве, а затем, после открытия меджлиса V созыва, осуществил некоторые экономические меры, облегчавшие положение ремесленников, интеллигентов и т. д. Об этом пишут многие советские иранисты. Реза-хан и его окружение, по мнению О. С. Меликова, своей программой привлекали «купечество, мелкую и среднюю буржуазию», печатные органы Реза-хана высказывались «за объединение национальных сил». Такая политика привела к изоляции шахского двора и феодалов, а кроме того, привлекала к Реза-хану «мелкое и среднее духовенство» [69, с. 70]. В 1924 г. две партии — «республиканцы» и «независи-

мые демократы», созданные Реза-ханом в 1923 г., — объединили вокруг себя значительные массы городской мелкой буржуазии.

Кампания в пользу провозглашения республики, начатая Реза-ханом в 1924 г., свидетельствовала о возможности обмана мелкобуржуазных масс буржуазными партиями в условиях слабости рабочего движения и усиления направленных против него репрессий.

Выдвигая лозунг провозглашения республики, сторонники Реза-хана преследовали двойную цель: с одной стороны, облегчить устранение Ахмед-шаха и Каджарской династии, а с другой — привлечь массы городской мелкой буржуазии на сторону Реза-хана, изолировав левое крыло национальной буржуазии и национальную демократию. Эта цель была достигнута.

Депутаты меджлиса V созыва, открывшегося в январе 1924 г., разделились на сторонников и противников Реза-хана. Соотношение сил между ними до некоторой степени характеризовало соотношение политических сил в стране. В лагерь сторонников Реза-хана входила фракция «Таджаддод» — 40 депутатов. Ее поддерживала фракция социал-демократов — 14 депутатов [69, с. 71] во главе с Солейман-мирзой, занимавшим в то время пост министра просвещения. Против Реза-хана выступала фракция феодалов-консерваторов во главе с Модаррессом.

Однако Реза-хан, который стремился занять шахский престол, не собирался долго заигрывать с левыми партиями, которые настаивали на соблюдении конституции и не желали, чтобы шах возглавлял исполнительную власть в стране. Как правильно замечает О. С. Меликов, «несмотря на то, что значительная часть демократических элементов была обманута, многие разгадали истинные цели Реза-хана»⁴ [69, с. 76]. К концу 1923 г. Национальный блок распался на сторонников и противников будущего диктатора. К этому времени Англия и США пришли к соглашению и при-

⁴ Одним из таких общественных деятелей был известный поэт Эшки, революционный демократ, веривший в народ и его силу и призывавший народ к уничтожению эксплуататоров и угнетателей. Его не обманули ни лозунги республики, ни другие демагогические заявления Реза-хана о «свободе», «национальном единстве» и т. д. Он был убит агентами Реза-хана.

мирились с перспективой развития Ирана под руководством Реза-хана. В марте 1924 г., убедившись в своей неспособности спасти Ахмед-шаха и в надежде на то, что им удастся использовать Реза-хана в своих целях, представители консервативного крыла меджлиса начали сближаться с Реза-ханом. Одновременно Реза-хану удалось заручиться и поддержкой крупного духовенства. Правда, и духовенство и феодалы в меджлисе были согласны пойти на компромисс лишь при условии определенных уступок со стороны Реза-хана. Как показали дальнейшие события, эти уступки были сделаны: Реза-хан снял лозунг установления республики, отказался от коалиции с левыми партиями и усилил давление на Коммунистическую партию и профсоюзы (события марта—мая 1924 г.).

Осенью 1924 г. Коммунистическая партия вынуждена была уйти в подполье, а над профсоюзами был установлен полицейский контроль.

31 августа 1924 г. из состава правительства были выведены министры — представители национальной демократии и левого крыла национальной буржуазии. Реза-хан включил в свой кабинет некоторых представителей обуржуазившихся помещиков, таких, как Сардар Ас'ад и др. Таким образом, завершилась борьба между правым крылом национальной буржуазии и обуржуазившимися помещиками, с одной стороны, и феодальной аристократией — с другой.

Спустя год Реза-хан стал шахом. Приведем два примера выступлений городских средних слоев в начале правления Реза-шаха. В 1926 г. армейский гарнизон г. Салмаса (ныне — г. Шахпур) в Иранском Азербайджане, а вскоре и гарнизон г. Боджнурда в Хорасане (под руководством Лахак-Бованда) восстали против центральной власти. Основной движущей силой обоих восстаний вначале были солдаты, а затем — массы ремесленников и городских рабочих, примкнувших к восстанию [186, 1965, № 2, с. 39]. Руководители повстанцев, видимо, были выбраны из среды солдат [там же, с. 37—38]. Таким образом, в руководстве и того и другого восстания участвовали представители менее состоятельной части городских средних слоев. Оба восстания начались потому, что власти долгое время не платили жалованья солдатам. Однако после того как вос-

стания стали массовыми и распространились на соседние города, их лозунги приобрели отчетливо выраженную политическую окраску. Например, в Боджнурде и в Кучане, после того как восставшие заняли правительственные учреждения и арестовали многих крупных помещиков и реакционеров, они потребовали конфискации всех помещичьих земель и распределения их среди крестьян, изменения налоговой системы в пользу городских мелких предпринимателей и ремесленников, провозглашения республики, прекращения английского влияния в Иране и т. д. [186, 1965, № 2, с. 37]. После этих событий в политическом и социальном движении городских средних слоев начался период затишья. Это объясняется главным образом укреплением диктаторского режима и проведением социально-экономических преобразований, непосредственно затронувших городские средние слои. Следует также учитывать, что национально-демократические силы были обезглавлены, их руководители были уничтожены или находились в тюрьмах и в ссылке. В стране были открыты школы, институты и научные учреждения, построены фабрики и заводы — новое поле деятельности для десятков тысяч новых учителей, служащих, техников, инженеров и т. д. На поведение городских средних слоев повлияли также улучшение их положения и идеологические доктрины реза-шахской пропаганды, особенно национализм и антиклерикализм.

После свержения прогнившей Каджарской династии и прихода к власти Реза-шаха стала укрепляться иранская государственность. В сложных и противоречивых условиях диктатуры Реза-шаха (который считал необходимым сделать определенные уступки средним слоям, стремился проводить более независимую внешнюю политику, улучшить отношения с Советским государством, ликвидировать режим капитуляций, развивать экономику страны, провел ряд административных реформ, способствовал некоторому оживлению в культурной жизни и одновременно предпринял наступление на демократические свободы, начав расправляться со своими политическими противниками) коммунисты допустили ряд ошибок в толковании классовой природы власти Реза-шаха.

Вплоть до II (Урмийского) съезда ИКП в 1927 г.

многие руководители партии рассматривали переворот Реза-хана как «падение феодального государства и начало эпохи буржуазного правления» [95, с. 4]. Часть коммунистов, мнение которых восторжествовало на II съезде партии, считала, что «в то время, когда Реза-шах боролся за власть, он действительно стремился опереться на национальную буржуазию и установил связи со сторонниками республиканского режима. Однако его действия фактически не выходили за рамки борьбы за власть в рамках феодально-помещичьего режима» [95, с. 4]. Это не вполне правильно. Помещичьи хозяйства, давно связанные с внутренним и внешним рынками, не были чисто феодальными. Полуфеодальные отношения в деревне — буржуазная собственность на землю и феодальные формы эксплуатации крестьян помещиками — должны были получить законодательное оформление. Это относится и к многим видам буржуазных отношений в других областях жизни страны. Реза-шах постепенно стал прилагать определенные усилия для развития капиталистических отношений.

В официальном документе «Второй съезд Коммунистической партии Ирана» (1927) говорится: «В Иране еще отсутствуют общие условия для развития капитализма, ибо Иран не проходил еще эпохи первоначального накопления капитала» [95, с. 3]. Такой взгляд на Иран конца 20-х годов является ненаучным. В 20-е годы в стране уже сложились необходимые предпосылки для развития капитализма. Необходимы были мероприятия государства, направленные на юридическое оформление появившихся капиталистических отношений и их дальнейшее развитие.

В документе отмечалось также, что «развитие капитализма в Иране при режиме Реза-шаха возможно лишь путем присоединения Ирана к колониальной системе Англии... Все без исключения мероприятия Реза-шаха (строительство железной дороги, шоссейных дорог и др.) проводятся в соответствии с интересами Англии. И если Иран хочет в условиях засилья империалистических государств действительно обрести независимость, ему необходимо (и это возможно) отказаться от капиталистического пути развития» [95, с. 9—10]. То, что коммунисты — впервые в истории страны — в этом документе выдвинули идею некапиталистическо-

го пути развития Ирана, заслуживает, разумеется, особого внимания. Следует учитывать, однако, что, во-первых, история показала, что в Иране в 30-х годах мог развиваться капитализм и без превращения страны в английскую колонию. И во-вторых, следует обратить внимание на то, как представляли себе коммунисты построение некапиталистического общества в Иране. В Программе партии, в разделе, посвященном этому вопросу, говорилось: «Если аграрная революция под руководством Коммунистической партии Ирана и Коммунистического Интернационала победит, тогда в условиях существования СССР на мировой арене открывается возможность развития Ирана по некапиталистическому пути» [95, с. 34].

Главная особенность (и главный недостаток) первой и второй программ Коммунистической партии Ирана заключалась в том, что в них не было четкого деления между стратегическими и тактическими вопросами, не было определено, что относится к программе-максимум и что — к программе-минимум. Нередко это приводило к тому, что большинство активных членов партии на местах действовали по своему усмотрению и выполняли лишь те пункты Программы, которые соответствовали их намерениям. Выше уже приводились свидетельствующие об этом факты конфискации земель средних помещиков в Гиляне в начале 20-х годов. Несмотря на то что II съезд партии отметил, что «рабочий класс Ирана еще не созрел для реализации стратегических задач, а коммунистическая партия еще молода» [95, с. 15], многие партийные заявления после II съезда свидетельствуют о том, что партия призвала народ начать аграрно-крестьянскую революцию в целях ликвидации режима Реза-шаха.

Если в одних разделах Программы II съезд для достижения указанных выше основных целей первоначально считал необходимым решить задачу восстановления первичных ячеек и партийных организаций, укрепить связи с Коммунистическим Интернационалом [95, с. 16], то в других разделах предлагалось создать революционно-республиканскую партию [95, с. 18]. Эта партия должна была стать «центром революционного союза рабочих и крестьян и мелкой буржуазии»; «коммунистическая партия согласится с ее созданием», если

коммунисты будут занимать руководящие позиции в этой партии [95, с. 19]. Вероятно, руководители коммунистической партии, сознавая, что рабочий класс еще слаб, намеревались создать единый фронт и привлечь другие революционные силы страны к участию в борьбе. Они призывали крестьянство и городскую мелкую буржуазию объединиться в единой «революционно-республиканской партии». Однако, не зная действенных путей организации этих сил, они механически копировали опыт гоминьдана. Все это, естественно, не помогало укреплению единого фронта левых сил.

В заявлении II съезда партии можно встретить такие формулировки тактических задач: «Революционная республика должна быть создана путем уничтожения монархизма. В социальной области эта республика поставит перед собой следующие задачи: распределение помещичьих земель между крестьянами, принятие рабочего законодательства, защита прав рабочих, вооружение революционных организаций рабочих, крестьян и кустарей» [95, с. 20]. История Ирана последних десятилетий свидетельствует о том, что крестьянство того времени не было готово к аграрной революции и поэтому лозунг «аграрной революции» был преждевременным. Так называемый аграрный бандитизм, о котором много говорилось тогда в коммунистической печати, не был массовым крестьянским выступлением, на основе которого можно было провести аграрную революцию, а представлял собой действия отдельных лиц. В то время крестьяне приветствовали бы лозунг перераспределения урожая в пользу крестьян-арендаторов.

В Иране с конца 20-х годов развивалось довольно значительное промышленное, дорожное и железнодорожное строительство, организовывались многие частные и государственные учреждения. Возросла добыча нефти на предприятиях АИНК и т. д., создавались условия для роста численности городских средних слоев и рабочего класса. Однако и средние слои и рабочий класс находились в чрезвычайно тяжелых экономических условиях, фактически в бесправном положении; не было никаких законодательных актов, защищавших их интересы. Рабочий класс и средние слои стремились в первую очередь к улучшению своего экономического положения. Не случайно в документах

конгрессов Профинтерна отмечалось, что уменьшение числа профсоюзов в Иране в этот период объясняется не только репрессивными мерами реакционного правительства, но и ошибочной политикой руководства профсоюзным движением — чрезмерной политизацией профсоюзов, превращением их в чисто политические организации, что оттолкнуло многих рабочих от активного участия в профдвижении [66, с. 24—29].

Проводимая Реза-шахом более или менее самостоятельная политика способствовала укреплению национализма среди мелкой и средней буржуазии. Эта националистическая, антиклерикальная и милитаристская политика воспитывала молодежь в духе национализма и милитаризма. В этот период заметно ослабело влияние ислама среди интеллигенции, произошли серьезные изменения, приведшие к образованию и укреплению современной интеллигенции как главного ядра средних слоев.

Как пишет журнал «Донья», создание современной армии Реза-шахом и ее быстрое расширение после утверждения Закона о воинской повинности не только открыли дорогу в армию крестьянам и представителям других слоев трудящихся, но и выявили острую необходимость в воспитании офицеров и унтер-офицеров. Новые армейские училища были вынуждены открыть свои двери перед всеми желающими. Острая нужда в кадрах не позволяла предоставить привилегию занятия офицерских постов какому-либо одному определенному классу [186, 1965, № 2, с. 39].

Поскольку работа среди солдатских масс была тогда сопряжена с большими трудностями, важность вовлечения офицерских кадров в демократическое движение становилась особенно ясной. Коммунистическая партия в очень сложных условиях начала проводить эту работу и смогла привлечь на свою сторону группу офицеров.

Политика Реза-шаха, направленная на расширение государственного аппарата и армии, проведение реформ системы просвещения и образования, меры по улучшению положения предпринимателей в известной степени отвечали интересам городских средних слоев. Поэтому они были лояльными по отношению к режиму Реза-шаха. Диктаторский, антидемократический режим Реза-

шаха необычайно ограничивал сферу деятельности национальной демократии и коммунистов Ирана. Большинство их руководителей находилось в тюрьмах. На пороге второй мировой войны их связи с народом были почти полностью парализованы. Представители национальной демократии и коммунисты, находившиеся в эмиграции, лишь изредка могли оказывать влияние на интеллигенцию, способствуя расширению круга образованных лиц, выступавших за демократию и против диктатуры.

О распространении коммунистических идей среди интеллигенции свидетельствовал так называемый процесс 53-х в 1937 г. Основную часть этой группы, привлеченной к суду по обвинению в пропаганде коммунистических идей, составляли выходцы из средних слоев, точнее, из интеллигенции. Во главе их стоял мужественный борец Таги Эрани, доктор физико-математических наук, преподаватель Тегеранского университета, редактор научно-философского журнала «Донья». Многие из обвиняемых были его студентами, участвовали в организованных им коммунистических кружках. Процесс 53-х можно рассматривать как преддверие массовых выступлений городских средних слоев за демократию и социализм [см. 62, с. 327—351].

Таким образом во время правления Реза-шаха модернизация и «вестернизация» общественной жизни в городах (с капиталистической ориентацией) под привлекавшими к себе внимание мелкобуржуазных масс, особенно интеллигенции, националистическими и антиклерикальными лозунгами, сочетались с тем, что масса интеллигентов в результате оказания давления на Коммунистическую партию со стороны властей была полностью лишена возможности познакомиться с марксистской наукой.

Глава VI

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ГОРОДСКИХ СРЕДНИХ СЛОЕВ В 1941—1946 гг.

С усилением фашистской Германии к началу 30-х годов правящие круги Ирана, возглавляемые Реза-шахом, постепенно стали сближаться с ней. Это сближение не было случайным: ведь «временное затишье и политическая стабильность», которые установил Реза-шах в Иране в период своего правления, были созданы на антидемократической основе, ценою крови сотен борцов за свободу и демократию в Иране. Присутствие агентов фашистской Германии встревожило Англию, опасавшуюся потерять иранскую нефть. Союз между Ираном и фашистской Германией беспокоил и Советский Союз, который имел с Ираном общую границу. Действия иранского правительства противоречили статьям советско-иранского договора 1921 г. После нападения Гитлера на СССР деятельность германских фашистов в Иране активизировалась. СССР и Англия несколько раз предупреждали Иран об опасности поддержки деятельности немецких фашистов. Однако Реза-шах не собирался удалять фашистов из Ирана.

25 августа 1941 г. союзные войска вступили в Иран. В условиях пребывания союзнических войск Реза-шах не смог больше оставаться у власти, ибо он являлся главным покровителем профашистских сил.

Уход Реза-шаха с политической арены означал поражение проводившейся им прогерманской и антидемократической политики. Вступление союзных войск в Иран серьезно повлияло на внутреннее положение и расстановку классовых сил в стране. После ухода Реза-шаха государственный аппарат, однако, находился по-прежнему в руках тех же правящих кругов. Сохранили свои посты крупные бюрократы, генералитет

и т. д. Эти силы в новых условиях заняли вначале оборонительную и выжидательную позицию.

Реакционный лагерь, выступая единым фронтом в борьбе против демократических сил, в то же время сам разделился на несколько групп: в основном проанглийских, проамериканских и сторонников балансирования.

Проанглийской группой руководил Сейид Зия эд-Дин, вернувшийся в Иран после 20-летней эмиграции. Эта группа объединялась вокруг партии «Ватан» («Родина»), выдвигавшей крайне реакционные лозунги: восстановление чадры, «освобождение» от влияния европейской культуры, возврат к «национальным», а вернее — к старым, феодальным исламским традициям. Эта политика не могла привлечь даже духовных лиц (кроме немногих) из-за ее ярко выраженной реакционной ориентации. Непопулярность лозунгов Сейид Зия эд-Дина и их разоблачение побудили руководителей проанглийской группы создать вскоре новую партию, «Эраде-йе мелли» («Национальная воля»), выдвинувшую обновленную, демагогическую по своему характеру, программу. Однако и эта программа не привлекла внимания общественности, группа оказалась почти в полной изоляции. Она действовала главным образом среди южных племен, вооружая их и направляя против демократического движения. Кроме того, эта группа имела своих сторонников в государственном аппарате и меджлисе XIV созыва.

Проамериканской группой реакционного лагеря в годы второй мировой войны руководил известный консервативный деятель Кавам ос-Салтане. Усиление позиций США в Иране, особенно после ввода американских войск (1942), сказалось на политике иранского правительства, возглавлявшегося в 1942—1943 гг. Кавамом ос-Салтане. В Иран была приглашена миссия Мильспо, которому были предоставлены чрезвычайные экономические и финансовые полномочия, иранская жандармерия оказалась по существу под командованием американского полковника Шварцкопфа, американские офицеры во главе с генералом Ридли приступили к реорганизации иранской армии. США были обеспечены условия наибольшего благоприятствования в торговле с Ираном. Кавам снова пришел к власти в 1946 г. и на этот раз стал «героем» реакционного лагеря в ре-

зультате подавления национально-демократического движения в Азербайджане и Курдистане.

Третьей группой реакционного лагеря, балансирующей между Англией и США, руководил шахский двор. Эта группа держала в своих руках главные рычаги исполнительной власти и использовала их в своих интересах.

Что касается политики США и Англии в Иране во время второй мировой войны, то, как справедливо отмечает М. С. Иванов, «реакционные круги этих стран стремились использовать военную обстановку и изгнание гитлеровцев из Ирана для укрепления своих позиций в Иране и более полного подчинения его английскими и американскими монополиями» [59, с. 96].

Среди правящих кругов в это время существовала и прогерманская группа во главе с генералами Захеда, Арфа, депутатами меджлиса Ноубахтом и др. Эта группа в 1941—1942 гг. сплотилась вокруг партии «Меллийун-е Иран» («Иранские националисты»). Но после первых поражений фашистской Германии многие из членов этой партии быстро переориентировались на США.

Пропаганда германо-фашистских идей, которая в довоенные годы активно велась через литературу, кинофильмы и другие средства информации, наложила определенную печать на мышление части интеллигенции Ирана, что в первые годы войны мешало ей активно включиться в антифашистскую борьбу.

Политический крах режима Реза-шаха основательно расшатал ту «веру» в него, которую в течение 20 лет воспитывала официальная пропаганда в молодежи.

В течение нескольких дней после отречения шаха интеллигенция находилась как бы в состоянии шока. Офицеры армии, а за ними и солдаты покинули казармы, чиновники оставили свои департаменты, а студенты перестали посещать институты.

Пребывание советских войск в Иране объективно способствовало консолидации прогрессивных и демократических сил. Политика СССР в Иране воодушевляла иранцев на борьбу против фашизма, за демократию и свободу. Под давлением демократического движения двери тюрем начали открываться перед политическими узниками. Вернулись из ссылки демократические деятели. В демократическом лагере в это время

образовались следующие основные политико-идеологические направления: коммунистическое, национально-демократическое и национально-буржуазное.

Как мы уже отмечали при разборе программы Коммунистической партии Ирана, утвержденной ее II съездом, эта партия к 30-м годам еще не приступила к реализации идеи создания единого фронта демократических сил, хотя чувствовала его необходимость.

В 1941 г. коммунисты решили организовать партию, которая объединяла бы в своих рядах рабочих, крестьян, ремесленников, демократическую интеллигенцию. Опыт организации масс и пропаганды идей марксизма-ленинизма помог коммунистам в течение короткого времени создать массовую политическую партию рабочих, городских средних слоев и крестьянства под руководством коммунистического ядра — Народную партию Ирана (НПИ). Под городскими средними слоями мы имеем в виду левое крыло национально-демократической интеллигенции и незначительную часть мелких хозяев города, которые вошли в партию в течение четырех лет после краха режима Реза-шаха.

Национальная демократия и национально-буржуазное направление в это время не имели достаточных сил для создания массовой организации. Многие лидеры этих направлений или умерли, или покинули политическую арену. Молодежь, поддерживавшая эти направления, была представлена в различных мелких партиях, таких, как «Иран», «Михан» («Родина») и др. Едва ли не единственный оставшийся в живых лидер этих политических направлений Мосаддык не создал партии и предпочитал вести политическую борьбу внутри межджлиса.

Демократический лагерь фактически был представлен НПИ и группой, идеологом которой являлся Мосаддык. Между этими двумя группами не только не существовало никаких организационных связей, но с течением времени по ряду причин они постепенно отходили друг от друга. Городские средние слои поставляли кадры для обоих направлений и не имели своей самостоятельной организации.

Народная партия Ирана в своей программе, утвержденной на I съезде (август 1944 г.), выдвинула требования осуществления демократических свобод, укрепле-

ния национальной независимости Ирана, установления дружественных отношений со странами антигитлеровской коалиции, принятия закона о труде и социальном страховании, улучшения системы образования и облегчения положения кустарей. В области аграрных отношений партия требовала безвозмездной передачи государственных земель безземельным крестьянам, выкупа крупных помещичьих имений правительством и передачи их в рассрочку крестьянам, улучшения способов обработки земли и т. д. [102, с. 1—10].

Социальный состав членов партии к 1945 г. характеризовался следующими показателями: рабочих и кустарей было 70%, интеллигенции — 23%, крестьян — 7%.

В 1945 г. в Азербайджане образовалась Азербайджанская демократическая партия (АДП), а в Курдистане — Курдистанская демократическая партия (КДП). Обе партии в своей деятельности руководствовались почти теми же принципами, что и НПИ. Однако поскольку они были национальными партиями, требовавшими автономии для своих народов в рамках иранского государства, их состав был более пестрым, чем в НПИ. К этим партиям тяготели и помещики — сторонники национальной автономии. В конце 1945 г. в АДП насчитывалось около 70 тыс. человек, в том числе «6 тыс. рабочих, 56 тыс. крестьян, 2 тыс. представителей интеллигенции, 3 тыс. кустарей и ремесленников, 2 тыс. купцов, 500 помещиков и 100 духовных лиц» [166, 23.I.1946]. По имеющимся данным, в КДП было больше крестьян, кустарей, помещиков и ханов племен, чем рабочих и интеллигентов. Таким образом, эти партии являлись фактически «единым фронтом» сил, стоящих на платформе защиты демократии и борьбы за национальную автономию. Эти партии, как и НПИ, действовали под руководством коммунистического ядра.

Как и в 20-е годы, Кавам ос-Салтане и его сторонники использовали события в Азербайджане и Курдистане для клеветы на демократическое движение. Главным в этой пропаганде было утверждение о том, что руководители этого движения якобы стремятся к сепаратизму. Реакционные круги играли на националистических настроениях городской революционной и буржуазной демократии, создавая тем самым трудности на

пути объединения этих сил с НПИ. Эти трудности частично порождались и другими факторами: сложностью решения национального вопроса в многонациональной развивающейся стране; однобоким и упрощенным рассмотрением национального вопроса в иранской марксистской литературе (вплоть до начала 70-х годов).

Чтобы аргументировать последнее положение, приведем несколько выдержек из документов по национальному вопросу в Иране и национальному движению в Азербайджане, принятых ЦК НПИ в 1973 г. В документе под названием «Узловые пункты национального вопроса в Иране и их решение с точки зрения НПИ» говорится: «Национальный вопрос в нашей стране ставится в двух плоскостях: с одной стороны, с точки зрения борьбы всего иранского населения против угнетения, империалистического грабежа, за обеспечение самостоятельности страны, что подтверждает мысль о том, что иранская революция находится на национально-демократическом этапе; с другой стороны, с точки зрения борьбы лишенных национальных прав народов и народностей, проживающих на иранской территории, за обеспечение права на самоопределение. Между этими двумя сторонами национального вопроса в Иране существует внутренняя связь» [106, с. 1—5].

В документе отмечается, что в «многонациональном Иране степень национальной зрелости народов и национальностей не одинакова, что неперсидские национальности подвергаются национальному угнетению и национальной дискриминации, что правящие круги проводят ассимиляторскую политику насильственного стирания национальных граней и насаждения персидского языка, национальные единицы борются с подобной политикой». И хотя национальный гнет приводит к духовному разъединению проживающих в Иране наций и народов, следует одновременно иметь в виду, что национальные единицы Ирана связаны в течение длительного исторического периода одинаковой судьбой, борьбой за свободу и независимость своей общей родины, общей культурой. В нынешних условиях, говорится в документе, «основные интересы иранских народов в борьбе против империализма совпадают и все народы Ирана равным образом испытывают империалистиче-

ский гнет и гнет внутренних агентов империализма».

НПИ призывает к «полному равенству прав всех народов и наций и национальных меньшинств Ирана и их добровольному союзу в рамках единой родины на основе сохранения целостности территории иранского государства...

Искоренение национального гнета является основным и главным условием достижения этой цели. Путь к ее достижению — обеспечение автономии всех народов и наций Ирана». «Национальные противоречия, — подчеркивается в документе, — хотя и являются одними из важных противоречий иранского общества, но не входят в число основных противоречий. Отсюда следует, что основной и главной задачей трудящихся Ирана является объединение усилий против империализма и реакции в интересах достижения самостоятельности и демократизации страны». Важнейшими условиями обеспечения успеха в борьбе против империализма и реакции, по мнению НПИ, являются «единство руководства и организационное единство всех организаций рабочего класса Ирана, единые программа и устав, единая стратегия и тактика, чтобы обеспечить единство воли и действий партии рабочего класса во всех уголках страны».

Подчеркивается, что «требование о создании отдельных партийных организаций рабочего класса на национальной основе — это требование националистическое, которое приводит к разъединению рабочего класса Ирана и в результате этого — к ослаблению его перед общими врагами, а значит, препятствует осуществлению руководящей роли этого класса»¹. Документ завершается выводом: «Национальные противоречия и национальный вопрос могут быть решены окончательно в Иране только в рамках решения под руководством партии рабочего класса основных противоречий общества».

¹ Решение проблемы организационного единства АДП и КДП, с одной стороны, и НПИ — с другой, началось только в 1960 г. на «Конференции единства». На этой конференции руководители трех партий решили приступить к организационному объединению, что, несомненно, означает шаг вперед на пути укрепления позиций марксистско-ленинской партии рабочего класса и является гарантией будущих успешных выступлений пролетариата Ирана.

«Национальное правительство Азербайджана, — говорится в документе НПИ — „Тезисах о движении 21 азара (1324—1325) в Азербайджане“, — было создано на основе организации и солидарности всех демократических слоев народа... Борьба за демократию, против империализма и реакции, обеспечение права азербайджанского народа на самоопределение в рамках сохранения независимости и целостности иранской территории, подчинение демократического движения Ирана интересам иранской революции, превращение Азербайджана в опорный пункт всего иранского демократического движения — вот основные задачи, которые поставило перед собой азербайджанское демократическое правительство» [107, с. 1—5]. Причины поражения движения характеризуются следующим образом: «Исходя из тогдашних международных и внутренних иранских условий, ради сохранения мира, веря в соглашение с центральным правительством и стремясь не допустить распространения империалистических измышлений о имеющихся будто бы у азербайджанских демократов сепаратистских стремлениях, АДП не считала необходимым оказывать военное сопротивление»².

Поскольку в 40-х годах национальный вопрос в многонациональной развивающейся стране еще не был достаточно разработан, появление недостатков и искажений в решении этого вопроса вполне естественно. Факты свидетельствуют о том, что национальные движения 1945 г. в Азербайджане и Курдистане начались без учета некоторых необходимых элементов решения национального вопроса в условиях Ирана, в том числе без правильной оценки места национального вопроса в общедемократическом движении народов Ирана. Именно это побудило таких представителей национальной демократии того времени, как Бахар, Шаеган, Р. Макки и др., вступить в Демократическую партию,

² К этому можно добавить, что события декабря 1946 г. в иранском Азербайджане частично были также результатом политики США трумэнновского периода, т. е. периода перехода к политике «холодной войны», и согласованных действий с английским империализмом в Иране. В то же время это стало причиной отказа многих представителей буржуазных кругов Ирана от поддержки азербайджанского демократического движения 1945—1946 гг. Естественно, были и другие причины! [см 50, с. 103].

возглавляемую Кавамом, т. е. фактически перейти на сторону реакции.

Реакция во главе с Кавамом искусно воспользовалась некоторыми ошибками, допущенными в это время НПИ (по проблеме нефтяных концессий и т. д.), для того чтобы разъединить силы демократического лагеря.

Противоречия между НПИ, национальной демократией и национальной буржуазией постепенно нарастали и стали мешать выступлениям средних городских слоев в едином фронте за общенациональные интересы и за свои права.

Годы второй мировой войны имели большое значение для политического пробуждения городских средних слоев, ознакомления их с новыми, прогрессивными идеями и преодоления ими многих предрассудков. Большая помощь была им оказана со стороны левых партий и организаций. Все это организационно и политически подготавливало массы народа для будущих выступлений против реакции и империализма.

Студенческое движение в 1941—1946 гг.

Массовое демократическое движение студенчества началось в Иране только с 1945 г., хотя и до этого имели место отдельные выступления студентов. В определенной степени это объяснялось масштабами националистической и антикоммунистической пропаганды в годы правления Реза-шаха. Необходимы были четыре года постоянной и упорной разъяснительной работы НПИ для того, чтобы студенчество смогло разобраться в существе происходивших в мире событий.

В январе 1945 г. студенты юридического факультета Тегеранского университета выпустили бюллетень под названием «Аине данешджуян» («Доктрина студентов»), в котором была подвергнута критике работа студенческого клуба. Студенты просили ректора университета принять меры, чтобы обеды в студенческой столовой были дешевле [175, 1. II. 1945]. Через несколько дней ректор университета ответил: «Если студенты не могут обеспечивать себя, им не надо учиться. Во всех странах университет — это место для аристократов. Он принадлежит тем, кто имеет необходимые

финансовые возможности. Бесплатная учеба — это дело начальных школ. Мы не обязаны покрывать расходы на высшее образование для третьего класса населения» [175, 1.II.1945]. Естественно, этот ответ вызвал массовый протест студентов, основная часть которых была выходцами из небогатых семей.

В 1945 г. начались выступления студенчества Тегерана за создание студенческих союзов. После упорной борьбы первые студенческие союзы были образованы на медицинском и ветеринарном факультетах университета, а потом в Сельскохозяйственном институте г. Кереджа [175, 14.II.1945]. Студенты выступали с лозунгами: «Наши студенческие организации должны быть самостоятельными!», «Руки прочь от наших союзов!» [175, 26.I.1945]. В ответ на эти выступления и в знак протеста против создания Союза студентов медицинского факультета в феврале 1945 г. ректорат университета отдал приказ о закрытии университета [175, 14.II.1945]. Однако через несколько дней занятия в университете возобновились. Впервые в истории Тегеранского университета в январе 1945 г. преподаватель физики Джоудат, член ЦК НПИ, невзирая на протест ректора университета, прочитал курс лекций по диалектическому материализму [175, 26.I.1945]. Студенты приветствовали это начинание и просили других преподавателей знакомить студентов с «такими новыми проблемами» [175, 26.I.1945].

В феврале 1945 г. были проведены первые студенческие забастовки экономического характера с требованием улучшения материального положения — забастовка студентов медицинского факультета [175, 14.II.1945] и забастовка учащихся педагогического училища г. Мешхеда [175, 27.II.1945]. Первые политические выступления студентов произошли 6 марта 1945 г., после того как Мосаддык, лидер оппозиции в меджлисе, назвал парламент сборищем воров и в знак протеста покинул его. Группа студентов выступила в поддержку Мосаддыка. Полиция атаковала студентов, один из них, Хадже-Нури, был убит [175, 7.III.1945]. 7 марта 1945 г. в университете состоялся большой митинг, участники которого требовали наказания убийц Хадже-Нури [175, 14.III.1945].

В июне и в последующие месяцы студенты Сельско-

хозяйственного института г. Кереджа и многие студенты Тегеранского университета выступили против незаконных статей институтского устава [175, 3, 4.VI.1945]. Студенты Сельскохозяйственного института требовали объединения всех студентов в одной организации. В марте 1946 г. эта борьба закончилась победой студентов. В заявлении студентов Сельскохозяйственного института отмечалось, что «этот успех является результатом единства в борьбе всех прогрессивных студентов и преподавателей» [175, 4.III.1945].

В середине 1946 г. студенты Тегерана включились в политическую борьбу, которую вели прогрессивные силы страны против властей. В это время правящие классы, опасаясь успеха демократических сил на будущих выборах в меджлис XV созыва, решили запретить эти выборы. Прогрессивные круги настаивали на их проведении.

На собрании, происходившем 3 марта 1946 г. в зале юридического факультета Тегеранского университета, 1,5 тыс. студентов потребовали проведения выборов. На собрании было объявлено об образовании Движения студентов университета [175, 4.III.1945]. В резолюции студенты заявляли также о своей солидарности с борьбой, которую вели учащиеся Высшего полицейского училища Ирана, выступавшие за демократизацию полиции [175, 4.III.1945].

Все это свидетельствовало о быстром нарастании студенческого движения и выходе студенчества на арену политической борьбы.

Последние месяцы 1946 г. ознаменовались усилением нажима со стороны властей на демократические организации. Студенческие организации были запрещены, начались аресты студентов.

*Мусульманское духовенство
и предпринимательская часть городских
средних слоев в национально-демократическом
движении 1941—1946 гг.*

Одной из специфических черт антиимпериалистической и антидеспотической борьбы иранского народа в эти годы является участие в ней группы представителей низшего и среднего духовенства.

Участие в национально-демократическом движении этой группы (выступавшей с позиций средних городских слоев), естественно, обуславливает необходимость исследования вопроса о связях духовенства с демократической борьбой народа. Изучение действий разнообразных религиозных групп и отдельных представителей духовенства имеет большое значение для определения характера классовых сил, участвовавших в освободительном демократическом движении.

Некоторые религиозные мусульманские деятели в годы после второй мировой войны стремились найти точки соприкосновения между мусульманскими идеалами и марксизмом. Эти деятели хотели принимать участие в борьбе прогрессивных сил против зла и угнетения, за создание нового общества. В свою очередь, НПИ с первого же дня своего существования не только уделяла большое внимание атеистическому воспитанию масс, но и старалась использовать некоторые положения ислама для привлечения верующих трудящихся в свои ряды. Бесспорно, что если бы прогрессивные партии, в том числе и коммунисты, не учитывали в это время религиозных настроений широких народных масс, то это привело бы их к изоляции от народа и ослабило бы революционное движение.

Запрещение многих отсталых форм религиозных ритуалов и вмешательства духовенства в судопроизводство, а также другие мероприятия, осуществленные в годы правления Реза-шаха Пехлеви, несколько подорвали позиции духовенства. Поэтому в эти годы основная его часть выступала с требованием восстановления своих прав, используя в качестве главной массовой опоры базар, т. е. предпринимательскую часть городских средних слоев [подробно см. 55, с. 75—85].

В годы второй мировой войны предпринимательская часть средних городских слоев проходила особый путь политического развития. В этот период, как и раньше, ей был присущ религиозный фанатизм, фактически ею руководило духовенство. В организационном отношении мелкие предприниматели были объединены в синдкаты, руководство которыми находилось тогда, как и сейчас, в руках самых богатых купцов базара. Эти особенности положения предпринимательской части сред-

них городских слоев препятствовали быстрому распространению среди них прогрессивных взглядов.

Открывшейся в это время возможностью создания политических партий воспользовались не только коммунисты, но и реакционные элементы, в том числе Сейид Зия од-Дин. Базар и духовенство были для последнего главной социальной опорой, и долгое время он различными средствами пытался удерживать их под своим влиянием. Однако усиленная пропаганда НПИ и других левых сил против Сейид Зия од-Дина и его разоблачения привели в 1945 г. к отходу от него основной части базара и части духовенства. Первым прогрессивным выступлением предпринимательской части городских средних слоев явилось закрытие базара и участие предпринимателей (совместно со студентами) в демонстрациях 6 марта 1945 г. против реакции, в поддержку Мосаддыка [175, 11.III.1945].

В это время НПИ стремилась ослабить влияние крупных купцов в гильдиях, выступив инициатором создания более левых союзов ремесленников. 14 марта 1946 г. на тегеранском базаре был образован Союз ремесленников базара [175, 19.III.1945]. Известный купец Лебасчи на состоявшемся по этому поводу собрании заявил: «Нашей целью является создание действительного союза ремесленников в противовес аснафам для защиты рядовых членов базара». Далее он напомнил, что «именем базара принимаются различные реакционные меры, однако мы, рядовые члены базара, намерены своими действиями мешать этому процессу» [175, 28.III.1946]. Однако религиозный фанатизм мешал распространению социалистических идей. Базар был удобной средой для деятельности других, в основном национально-буржуазных и мелкобуржуазных, идеологов.

В 1944 г. студент тегеранского Теологического института Сейид Муджтеба Мир Лоухи образовал в Тегеране террористическое общество «Федайан-е ислам». Мир Лоухи считал себя потомком Исмаила Сефевиды — основоположника шиитского государства в Иране. Он переименовал фамилию и стал именоваться Навваб-е Сафави (наместник Сефевидов). В это время НПИ стала весьма влиятельной силой в политической жизни страны. Многие капиталисты, крупные помещики и

правые экстремисты стремились найти организацию, которая могла бы противостоять НПИ. Узнав о существовании «Федайан-е ислам», реакционные силы начали оказывать ей широкую материальную и моральную поддержку. На тегеранском базаре Сафави открыл лавку, которая стала центром «Федайан-е ислам».

Действия общества «Федайан-е ислам» были направлены не против НПИ, а против тех, кто, по мнению руководителей группы, «действовали против интересов ислама». Первой жертвой террора стал Ахмед Кесрави (в 1945 г.), ученый-историк, прогрессивный журналист и адвокат, выступавший за реформу шиизма. Убийцы Кесрави — Навваб-е Сафави и Хасан Эмами, члены общества «Федайан-е ислам», — не были, однако, наказаны. Правящие круги рассчитывали, что убийство Кесрави может стать сигналом для новых выступлений «Федайан-е ислам» против левых сил. Правые газеты приветствовали создание такой «целестремленной» и «серьезной» организации. Но мечта реакционеров не сбылась главным образом потому, что НПИ осуществляла правильный подход к вопросам религии и учитывала сложный и противоречивый характер мелкой буржуазии.

Движение армейских офицеров в 1941—1946 гг.

Офицерство, как и другие группы интеллигенции, в годы правления Реза-шаха, т. е. до 1941 г., не имело возможности получать даже самую скудную информацию о политической жизни в мире, об истории революционного движения в Иране. В их мышлении господствовали национализм, который официально именовался «патриотизмом», и традиционное представление о необходимости опоры на «третью силу» для спасения страны от английского и «русского» империализма. В то же время некоторые группы офицерства по разным причинам не могли согласиться со многими антидемократическими действиями Реза-шаха. Они считали, что идея опоры на «третью силу» могла быть использована не только в области внешней политики, но и для решения внутренних проблем.

Отталкиваясь от этой идеи, в 1939 г. образовал свою подпольную группу капитан иранской армии Джахансузи. Под влиянием нацистской пропаганды Джахансузи попытался установить связь с гитлеровской Германией с целью организации государственного переворота. Заговор был раскрыт. Джахансузи был казнен, его друзья заключены в тюрьму на различные сроки.

Идея опоры на «третью силу» использовалась впоследствии реакцией для того, чтобы возможно дольше удерживать офицерство в стороне от прогрессивных организаций. Как пишет журнал «Донья», «эта политика, выгодная в то время Германии, поддерживалась и американцами, ибо они в конечном счете считали себя той третьей силой, которая должна была занять место Германии» [186, 1965, № 2, с. 40].

В 1944 г. прогермански настроенный генерал Арфа, занимавший в это время пост начальника генерального штаба армии, с помощью двора и англо-американских империалистов организовал Партию национального движения («Хезб-е нехзат-е мелли»). В руководство этой партии входили офицеры, поддерживавшие идею опоры на «третью силу». Руководство партии в целях привлечения в ее ряды офицеров использовало главным образом методы административного нажима. Показательно, что принудительное вовлечение офицеров в эту партию происходило в то время, когда устав армии запрещал военнослужащим заниматься политикой.

Активная пропаганда НПИ, познакомившая армию, и особенно офицерство, с основами пролетарской демократии и советской действительностью, да и само присутствие Советской Армии в Иране и ее победы над гитлеровской Германией постепенно меняли образ мышления интеллигенции и затрудняли вовлечение офицерства в антикоммунистические организации. К концу войны оформилось движение сопротивления офицерства, направленное против режима. Оно началось стихийно, в казармах и вне их. Самой активной формой движения офицеров вначале были выступления в печати — разоблачения фактов коррупции и воровства, избиений солдат и пр. Средние и нижние слои офицерства раскрывали преступные действия армейского командования.

Спустя некоторое время начались и организованные

выступления офицерства. Группа офицеров мешхедского гарнизона в составе 20 человек во главе с майором Эскандани 14 августа 1944 г. выехала из Мешхеда в Горганскую степь, чтобы организовать вооруженное выступление против центральной власти. К ним примкнули офицеры гарнизона Мараве-тепе. Причину выступления офицеров майор Эскандани определил так: «Генерал Арфа прилагал большие усилия для того, чтобы привлечь офицеров в Партию национального движения, однако офицеры сопротивлялись. Тогда он сослал их в южные районы страны, куда обычно высылают свободомыслящих людей... То, что произошло в Хорасане, является логическим следствием действий властей» [175, 1.VI.1945]. Однако после прихода в Туркменскую степь в стычках с жандармами многие офицеры, в том числе майор Эскандани, были убиты, несколько человек попали в плен, а остальные присоединились к азербайджанскому демократическому движению, чтобы совместно продолжать борьбу за освобождение Ирана.

Беспокойство правящих кругов в связи с восстанием офицеров в Хорасане, волнения среди населения дали генеральному штабу армии новый повод для усиления нажима на прогрессивное офицерство. В это время в столице было арестовано около 50 офицеров по обвинению в нелояльности к правительству. По приказу генерала Арфа 20 августа 1945 г. эти офицеры ночью в закрытых грузовиках были отправлены в тюрьмы южных районов страны (большинство — 46 человек — было выслано в г. Керман) [175, 1.VI.1945]. Однако репрессии не ослабили революционных настроений в армии. Дух восстания и отказы от выполнения приказаний распространялись все шире. Учащались факты солидарности армейских групп с демонстрантами, случаи отказа армейских частей от стрельбы по демонстрантам.

Сопротивление офицеров, их борьба, брожение в армии стали одной из причин ухода генерала Арфа с поста начальника генерального штаба и назначения на его место генерала Размара. 17 марта 1946 г. начали голодовку 46 офицеров, томившихся в керманской тюрьме. Под давлением общественного мнения генерал Размара был вынужден освободить их и вернуть в Тегеран [175, 18.III.1946]. Через несколько дней после

освобождения 15 офицеров из этой группы также примкнули к азербайджанским демократам. В своем совместном заявлении, опубликованном в газете «Рах-бар», они писали: «Содействие нынешней иранской армии, которая является послушным лакеем реакции и империализма, является преступлением в глазах каждого патриота... мы не можем более продолжать службу среди шайки воров и предателей родины» [175, 18.III.1946].

Около 100 офицеров армии (в звании от лейтенанта до полковника) из различных районов страны собрались в Тебризе и вступили в национальную армию восставшего Азербайджана. Они готовили кадры и воспитывали солдат в духе демократизма и патриотизма. Эти офицеры заявляли, что основной целью их перехода на сторону азербайджанских демократов являлось превращение Азербайджанской провинции в освобожденный район страны и подготовка дальнейшего развертывания национально-демократического движения в других районах Ирана.

Однако узконационалистическая политика некоторых руководителей АДП и сложная послевоенная политическая и экономическая ситуация в мире не дали возможности осуществить указанные выше цели. На Азербайджан напали соединения иранской армии, и все достижения революции и народа Азербайджана были варварски растоптаны. 12 декабря 1946 г. 45 восставших офицеров, попавших в руки палачей, были расстреляны.

Важным событием в борьбе армии явилась также забастовка студентов Высшего полицейского училища Тегерана, которая началась 2 марта 1946 г. В резолюции, подписанной Союзом студентов этого училища, говорилось: «Нас воспитывают в таком духе и в таких условиях, что в будущем для нас станет невозможно жить честно. Для предотвращения загнивания полицейского аппарата и создания надлежащих условий для выполнения истинных задач полиции мы вынуждены впредь, до того как наши предложения будут приняты, воздержаться от посещения занятий» [175, 3.III.1946].

На митинге, устроенном студентами этого училища, один из них воскликнул: «Мы готовы работать, но не желаем быть гестаповцами!». Забастовка продолжалась

несколько дней и имела большой резонанс в армейских и полицейских частях. Многие партии, профсоюзы и студенческие союзы объявили о своей солидарности с ней.

Для офицерства, как и для других средних слоев, 1941—1946 годы были годами приобщения к новым идеям и ухода со старых позиций. Выступления офицерства были предвестниками более активной политической деятельности армии.

*Движение отдельных групп
интеллигенции в 1941—1946 гг.*

Одновременно со студентами и офицерством некоторые группы мелкобуржуазной интеллигенции из числа не примкнувших к НПИ — ученые, журналисты, инженеры, врачи, преподаватели — в годы второй мировой войны также принимали участие в общей демократической борьбе народа. Большую роль в их организации сыграла НПИ. По ее инициативе с целью объединения журналистов страны в начале февраля 1945 г. в Тегеране был образован «Фронт свободы» («Джебхе-йе азади») [175, 1.II.1946]. В апреле в него вошли представители 37 газет из 60 издававшихся в стране ежедневных газет. В Тегеране в эту организацию входили представители 20 ежедневных газет [175, 27.IV.1945]. Это был, как свидетельствует заявление ее учредителей, «коалиционный союз директоров газет, писателей, журналистов и других свободолюбивых людей в интересах достижения общих целей со всеми партиями, профсоюзами и другими массовыми организациями» [175, 1.VII.1945]. Главной целью организации была борьба против деспотизма, за демократию. Создание «Фронта свободы» можно рассматривать как первый шаг НПИ в образовании демократического и антиимпериалистического фронта трех прогрессивных политических направлений: коммунистического, революционно-демократического и национально-буржуазного. Создание профессиональных союзов различных групп интеллигенции стало в эти годы обычным явлением. В конце ноября 1944 г. в Тегеране возник Союз учителей и служащих просвещения [175, 8.I.1945], к середине 1945 г. его филиалы

имелись почти во всех крупных городах. В эти годы были созданы Союз инженеров и другие союзы.

Однако во многих государственных учреждениях, как, например, в Национальном банке, правительство запретило создание союзов. Проводились отдельные стачки разрозненных групп служащих, например забастовка служащих Управления арендных плат в конце марта 1945 г. [175, 1.IV.1945], но не было никаких отраслевых или общенациональных выступлений служащих. Главной характерной чертой движения служащей интеллигенции в эти годы было скорее стихийное движение «ищущих правды», нежели сознательное участие в борьбе. Служащие государственного аппарата как общественный слой в основном появились в годы деспотизма, и поэтому после ухода диктатора этому слою необходимо было прежде всего войти в курс политических событий, осознать смысл происшедших перемен.

Победа СССР над фашизмом, революционные события в Иране в годы второй мировой войны способствовали распространению левых взглядов среди интеллигенции. К 1946 г. движение приобрело новый характер: во-первых, бо́льшая часть интеллигенции отошла от реакционных партий и наметился ее сдвиг влево [175, 3.III.1946]. Во-вторых, многие молодежные организации, спортивные группы, состоящие из интеллигенции, полностью присоединились к НПИ. В числе этих организаций и групп были отделения партии «Михан» в Горгане и в Реште, партия «Дженгел», спортивные общества «Сирус», «Ахан» и т. д. [175, 5.III, 29.IV, 1.V.1946]. Д-р Сенджаби, один из лидеров партии «Михан», стоявший на национально-демократических позициях, выступая в Тегеране в марте 1946 г., назвал НПИ «единственной настоящей рабочей организацией, защищающей интересы рабочих Ирана» [175, 17.III.1946]. В-третьих, политические группы и партии, состоявшие из представителей интеллигенции, создали более крупные левые организации — например, объединились партии «Михан» и «Ахрар» и т. д. [175, 5.III.1945].

Однако самостоятельное движение интеллигенции не могло сравниться с массовым ее участием в народно-демократическом движении под руководством НПИ. Такие примыкающие к НПИ организации, как моло-

дежная и женская, а также многие другие организации и клубы интеллигенции объединили вокруг себя десятки тысяч интеллигентов. В эти годы, когда нарастала борьба рабочего класса, когда крепили его связи с массами, левое крыло интеллигенции в лице ученых, писателей, поэтов, журналистов, через газеты и журналы, на демонстрациях и митингах выступало перед трудящимися, объясняя им многие сложные социально-политические проблемы, проявляя при этом большое мужество перед натиском реакции.

В феврале 1945 г. в клубе НПИ состоялась конференция [175, 25.II.1945], на которой в течение нескольких дней обсуждались актуальные вопросы. Стремление больше знать о происходящих в мире событиях и обсуждать их побуждало интеллигенцию все чаще собираться для дискуссий. Поэтому с марта 1945 г. в клубе НПИ был выделен специальный день для «споров и критики». В течение нескольких лет эти собрания были одной из важнейших форм пропаганды идей марксизма-ленинизма среди интеллигенции. К 1946 г. уже не только в Тегеране, но и во многих других городах — Кермане, Ширазе, Исфахане, Керманшахе — было немало молодых образованных людей, рассматривавших проблемы, стоящие перед страной, с позиций марксизма. Это были годы активного распространения марксизма среди интеллигенции.

Глава VII

РОЛЬ И МЕСТО ГОРОДСКИХ СРЕДНИХ СЛОЕВ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ И АНТИИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ ИРАНСКОГО НАРОДА ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1946—1970 гг.)

Пожалуй, наиболее бурным этапом участия городских средних слоев в национально-освободительном и демократическом движении были годы борьбы за национализацию иранской нефти.

Если в начале борьбы почти все антиимпериалистические силы выступали совместно, требуя восстановления прав иранского народа на нефть, то постепенно в зависимости от конкретных обстоятельств разные социальные группы и слои как бы заново определяли свои позиции по разным вопросам, связанным с борьбой за национализацию нефти. Антиимпериалистическое движение за национализацию нефти спустя несколько лет после своего возникновения переросло в демократическое, антимонархическое движение. Борьба за национализацию нефти проходила в обстановке упорного сопротивления находившихся у власти группировок справедливым требованиям иранского народа.

Для того чтобы составить более ясное представление о формах участия средних слоев в антиимпериалистическом и демократическом движении, необходимо прежде всего проанализировать расстановку социально-классовых сил в начале движения за национализацию нефти.

Сторонниками соглашения с нефтяными монополиями выступали шахский двор, бюрократическая и военно-аристократическая элита. Видными членами этой группировки помимо шаха были Ашраф Пехлеви (сестра шаха), Эгбаль, Хажир, Размара, Йездан Панах и др.

Они действовали через партии «Ария» и «Энтегам», численность которых была невелика и в которые входили представители тех же кругов. В их руках находились полуофициальные газеты «Эттелаат», «Мехр-е Иран», «Техран-е мосаввар». Они выступали за то, чтобы иранская нефть добывалась с помощью западных монополий, причем не отдавали предпочтения ни одной из западных держав. В вопросах внутренней политики они были сторонниками диктатуры шаха, при поддержке которой они рассчитывали провести экономические реформы с целью укрепления своей власти. Эта группировка опиралась главным образом на армию. Внутри нее существовали разногласия второстепенного характера, связанные с борьбой за власть. Когда же вопреки воле этой группировки нефть была национализирована, был выдвинут лозунг «Национализация плюс производство нефти с помощью иностранцев».

Вторая группировка сторонников соглашения с нефтяными монополиями включала в основном представителей земельной и торговой аристократической верхушки и ряд высших государственных чиновников во главе с Сейид Зия эд-Дином. Дашти, Эмами и некоторые другие сенаторы были наиболее активными участниками этой группировки. Они действовали через партии «Эраде-йе мелли», «Эттехад», «Адалат». В их руках находились газеты «Сада-йе ватан», «Вазифе», «Седа-йе мардом». Во внешней политике они ориентировались на Англию и поэтому решительно не соглашались с изменениями статуса английских монополий в Иране. По вопросам внутренней политики они выступали против стремления двора к диктатуре, против экономических реформ шаха, которые могли бы задеть их интересы. Они требовали, чтобы в соответствии с конституцией вмешательство двора в политику было ограниченным. По мере усиления движения за национализацию они постепенно отказались от антишахских требований и объединились с шахом в борьбе против национализации.

В третью проимпериалистическую группировку входили проамерикански настроенные элементы, представлявшие земельную и административную элиту во главе с Кавамом ос-Салтане. Эта группа не оказывала особого сопротивления принятию закона о национализации

нефти, но после его осуществления всячески мешала развитию национальной нефтяной промышленности.

Кавам выступал против правительства Мосаддыка и вместе с двором безуспешно стремился подавить народное движение. Его сторонники (генерал Захеда и др.) при поддержке США в августе 1953 г. совершили государственный переворот. Таким образом, и эта группировка также полностью объединилась с шахским двором.

Активным борцом за национализацию нефтяной промышленности выступала Народная партия Ирана, за которой шли рабочий класс и часть городских средних слоев, особенно интеллигенция.

Прежде чем характеризовать действия этой партии в период борьбы за национализацию, следует отметить, что она не признавала необходимости сотрудничества с национальной буржуазией. Поэтому между НПИ и буржуазными и мелкобуржуазными партиями и слоями не возникало постоянных и прочных союзов. Появлялись лишь временные полусоюзы, например участие НПИ в деятельности Союза свободных писателей и журналистов в 1946 г. Кроме того, некоторые демократически настроенные депутаты меджлиса и служащие государственного аппарата — Рахимян, Голбади и др. — участвовали в качестве защитников в судебном процессе против руководителей НПИ в 1949 г. Такие временные полусоюзы возникали также неоднократно в период борьбы за национализацию (например, события 15 июля 1951 г., 21 июля 1952 г. и др.). В это время НПИ путем открытой и резкой критики действий буржуазных партий стремилась добиваться их перехода на более левые позиции. В период пребывания Мосаддыка у власти это было ошибочной политикой. Естественно, что при отсутствии правильной политики в отношении объединения с прогрессивными силами НПИ не могла создать прочного единого фронта в борьбе за демократию и социальный прогресс [94, с. 1—10].

Ошибка НПИ в период борьбы за национализацию нефти являлся и неправильный выбор основного лозунга. В противовес лозунгу Национального фронта Ирана (НФИ) о национализации нефтяных предприятий по всей стране НПИ выдвинула лозунг национализации

только предприятий АИНК. Таким образом возникло еще одно противоречие между двумя прогрессивными силами демократического и антиимпериалистического движения. НПИ приняла также неправильное решение о бойкоте выборов в меджлис XVI созыва в октябре 1949 г. — феврале 1950 г. В это время движение за национализацию нефти шло по восходящей линии и реакция отступила. Бойкот выборов со стороны НПИ привел к обострению противоречий внутри прогрессивных сил.

Существовали и другие противоречия между НПИ и буржуазными и мелкобуржуазными партиями.

Второй активной антиимпериалистической силой был Национальный фронт Ирана во главе с д-ром Мосаддыком. Он был не политической партией, а объединенной организацией нескольких политических групп. В целом он отражал интересы патриотической части буржуазии и городских средних слоев. Некоторые представители этих групп выступали за то, чтобы после освобождения страны от империализма и реакции направить ее развитие по некапиталистическому пути (Фатеми и др.) [170, 15.I.1951]. Социальный состав руководства НФИ был разнообразен. Среди них были выходцы из феодально-помещичьих семей (Мосаддык), представители высшего духовенства (Кашани), крупных чиновников (Салех, Шаеган), а также служилой части средних слоев (Макки, Баган) и т. д.

Основная масса сторонников НФИ принадлежала к городским средним слоям, причем и предпринимательская и бюрократическая части были представлены в равной мере. Представители НФИ в меджлисе внесли предложение о национализации нефти, и после его одобрения меджлис 27 апреля 1951 г. избрал Мосаддыка премьер-министром.

А. Малек, один из членов руководства НФИ, писал: «20 человек, собравшиеся во дворце шаха в 1949 г. в знак протеста против фальсификации выборов меджлиса XVI созыва, были представителями различных групп и партий. После ухода из беста они решили вместе продолжать борьбу за успешное проведение выборов меджлиса XVI созыва и на этой основе выработали программу своих действий и устав, назвав себя „Национальный фронт Ирана“. Программа состояла из трех

пунктов: свобода выборов, свобода печати и исправление „чрезвычайного закона о военном положении“» [13, с. 3]. Главная статья устава предусматривала, что 20 человек, участвовавшие в создании Национального фронта, являются «группой основателей». Прием новых членов в эту группу, а также внесение изменений в устав допускается при единогласном решении всех членов «группы основателей», каждый из них имеет право вето [163, с. 3]. В дальнейшем эта организация получила наименование Первый Национальный фронт Ирана.

Руководство Первого Национального фронта не рассматривало фронт как партию и не стремилось к объединению с другими политическими организациями с целью создания единого антиимпериалистического фронта. Даже когда Мосаддык пришел к власти, он не давал возможности принять участие в управлении всем членам НФИ [163, с. 41].

Как пишет Малек, после постановки вопроса о национализации нефти, когда Мосаддык предложил включить в качестве первого пункта в новую программу НФИ активное участие этой организации в борьбе за национализацию, многие члены «группы основателей» не согласились с ним и настаивали на выполнении прежней программы [163, с. 17].

Постепенно, по мере того как группа во главе с Мосаддыком занимала более устойчивую антиимпериалистическую и демократическую позицию, от НФИ стали отходить проамерикански настроенные члены: Макки, Малек (редактор газеты «Сетаре»), Багаи (председатель партии «Захматкешан»), Халатбари (журналист); придерживавшиеся проанглийской ориентации: Джалал Наини (редактор газеты «Кешвар»), Хасан Садр (редактор газеты «Седа-йе мардом»); Аббас Халили (редактор газеты «Игдам»); от НФИ отошли и Амиди Нури (редактор газеты «Дад»), Гарави (духовный деятель) и Абдол-Гадир Азад. С Мосаддыком остались лишь его единомышленники: Хасиб, Фатем, Шаеган, Салех, Сенджаби и Зирак-заде, т. е. самые последовательные борцы за национализацию нефти.

Таким образом, речь идет об отходе от НФИ более правых элементов, которые не желали согласиться с радикальными национально-демократическими требованиями Мосаддыка и его сторонников.

Попытаемся дать краткую характеристику основных групп, входивших в НФИ.

Группа Мосаддыка состояла из мелкобуржуазных интеллигентов — патриотов-демократов, руководителей различных национально-демократических партий, таких, как «Иран», «Михан» и т. д. Члены этой группы, будучи сначала настроены антианглийски и считая США «другом Ирана», в ходе борьбы за национализацию постепенно становились противниками США. Если газета «Бахтар-е эмруз», орган НФИ, в 1949 г. призывала США «отдать все силы борьбе с черной и красной диктатурой» [170, 4.II.1949], то в 1951 г. (15.I) та же газета писала, что «не приходится сомневаться, что между США и Англией по поводу иранской нефти достигнуто соглашение, противоречащее интересам нашей страны». В 1953 г. Мосаддык также выступил в защиту конституции, против вмешательства двора в дела государства¹. Такая эволюция взглядов руководителей этой группы НФИ отражала общее настроение средних слоев. Ликвидацию проамериканских настроений этой группы НФИ, лежавших в основе начальных противоречий между НПИ и НФИ, можно считать заслугой НПИ.

Группа, состоявшая из правых и мелкобуржуазных интеллигентов (таких, как Макки и Хаери-заде), входившая в блок НФИ после национализации, выступила за использование американского капитала для дальнейшего развития добычи иранской нефти. В области внутренней политики она заняла реакционную позицию. После забастовки рабочих АИНК 15 марта 1951 г. Багаи, выступая против забастовки, говорил об «усилении опасности со стороны красных» и необходимости бороться против нее. В мае 1951 г. он создал Партию трудящихся иранской нации, состоявшую в основном из городских деклассированных элементов².

¹ Д-р Мосаддык на основе иранской конституции (которая гласит, что шах не имеет права управлять страной и что управление страной принадлежит народу и его представителю — парламенту, перед которым должно нести ответственность иранское правительство) освободил шаха от некоторых его обязанностей и запретил ему вмешательство в дела армии. Мосаддык впервые в истории Ирана сам назначил военного министра (генерала Рияхи).

² В конце XIX — начале XX в. в голодных бунтах выступали и люмпены. В последние 50 лет они редко принимали активное участие в общественных движениях под собственными лозунгами.

Целью партии с первых же дней ее существования был объявлен «разгром красных». Члены партии выступали против участников демонстраций, проводившихся НПИ в городах. В Тегеране в 1951—1953 гг. они нападали на мирные демонстрации трудящихся (например, на демонстрацию 6 декабря 1951 г.).

В 1951 г. группа Багаи, объединившись с группой Халила Малеки, бывшего члена НПИ, исключенного из партии в 1945 г. по обвинению в раскольнических действиях, создала Партию третьей силы. Это объединение произошло на почве антикоммунизма. После совместного заявления У. Черчилля — Трумэна от 29 августа 1952 г. по поводу иранской нефти группа Багаи, Макки и Хаери-заде официально вышла из НФИ, а сам Багаи впоследствии примкнул к лагерю реакции, стал участником неудачного заговора 14 октября 1952 г. против Мосаддыка. Малеки, узнав об этом, объявил о своем решении отказаться от сотрудничества с Багаи. Партия «Третья сила» раскололась. Таким образом, группа Багаи, выступавшая вначале за национализацию нефти, но избравшая проамериканскую ориентацию, перешла в стан реакции. Группа же

Люмпены в иранских городах, как и везде, не организованы. Эти слои обычно выступают тогда, когда страну по-настоящему охватывает голод (очень редкое явление) или когда реакционные богатые круги в определенных политических целях нанимают их и заставляют действовать в своих интересах. При этом обычно используется присущий им религиозный фанатизм.

Начиная с первых каджарских шахов, когда в Иране царил чума и голод, в большинстве городов страны происходили «бунты голодных», грабивших склады и магазины продовольствия. В годы двух мировых войн в Тегеране и в других городах в связи с нехваткой хлеба также происходили голодные бунты люмпенов.

Известные события, которые кончились гибелью А. С. Грибоедова, российского посла в Иране (1829), и события августа 1953 г., когда главной ударной силой реакционного переворота генерала Захеда стали люмпены, являются яркими примерами политического выступления люмпенов. Естественно, что степень религиозности массы люмпенов в момент переворота 1953 г. была гораздо ниже, чем раньше, и что лишь с помощью денег реакция смогла мобилизовать массы люмпенов на участие в перевороте.

Примеры мелких выступлений люмпенов в политической жизни Ирана довольно многочисленны и разнообразны. Почти все реакционные интриги и политические покушения, ограбления клубов, центров прогрессивных партий, газет и т. д. совершались с их участием, естественно под руководством реакции. И ныне в Иране они находятся под влиянием реакционных сил.

Х. Малекі пошла за Мосаддыком, но основной сферой деятельности Х. Малекі была не поддержка Мосаддыка, а внедрение реформизма в рабочем движении Ирана путем пропаганды социал-реформистских принципов.

С НФИ сотрудничала и группа во главе с видным духовным деятелем Кашани. В 1949 г., в начале движения за национализацию, Кашани косвенным образом действовал через упоминавшееся выше террористическое общество «Федаян-е ислам», состоявшее из фанатически преданных исламу представителей тегеранского базара. 4 ноября 1949 г. члены этого общества организовали покушение на министра двора Хажира, а через два года осуществили убийство премьер-министра Размара³. Кашани выступал против забастовки нефтяников юга Ирана 15 марта 1951 г., которую одобрял Мосаддык, считая, что она ослабляет АИНК. В мае 1951 г. Кашани создал легальную партию «Моджахедин-е ислам» («Борцы за ислам»). Хотя некоторые исследователи полагают, что эта партия была создана с целью борьбы против НПИ и коммунистического движения, есть данные, которые позволяют заключить, что основной задачей этой партии была подготовка условий для участия группы А. Кашани в правительстве Мосаддыка. Дело в том, что после смерти Размара Кашани и члены общества «Федаян-е ислам» поставили перед Мосаддыком вопрос о своем участии в кабинете министров. Однако Мосаддык, выступавший против террора, отказался принять их предложение. Кашани, создав легальную мусульманскую партию, как бы пошел навстречу Мосаддыку. Но Мосаддык не уступил, и разногласия между ними усилились. С согласия Кашани члены «Федаян-е ислам» покушались на жизнь Фатеми, министра иностранных дел в правительстве Мосаддыка. В дальнейшем Кашани принял уча-

³ Эмами, убийца Хажира, был казнен (члены «Федаян-е ислам» были освобождены из тюрем). В начале 1950 г. Сафави, руководитель террористического общества, уехал в Европу и там встретился с руководителями египетской организации «Братья мусульмане», причем в ходе переговоров выяснилось единство взглядов участников переговоров по многим проблемам Ближнего Востока, в том числе по вопросу о государстве Израиль. 7 марта 1951 г. «Федаян-е ислам» организовала убийство премьера Размара за занятую им проанглийскую позицию по вопросу о нефти.

стие во втором неудачном заговоре шахского двора против Мосаддыка — 28 февраля 1953 г. Объединение Кашани с двором против Мосаддыка не означало единства «Федайан-е ислам» с шахским лагерем. События, последовавшие за переворотом в августе 1953 г., показали, что «Федайан-е ислам» и в дальнейшем выступала против вмешательства иностранных монополий во внутреннюю жизнь Ирана (покушение на премьер-министра Хосейна Ала в 1955 г., когда он собирался поехать в Багдад для подписания Багдадского пакта; убийство в 1965 г. премьер-министра Мансура, внесшего в меджлис законопроект о предоставлении американским подданным в Иране права неприкосновенности). Приведенные факты показывают, что союз между Кашани и «Федайан-е ислам» был временным и что эта мелкобуржуазная группа фанатиков преследовала свои цели.

Общая картина борьбы за национализацию иранской нефти показывает, что национальная демократия, опирающаяся на городские средние слои, играла огромную роль в демократической и антиимпериалистической борьбе в 1949—1953 гг. В то же время многие группы буржуазных интеллигентов, стоявших во главе этого движения, показали свою неспособность вести антиимпериалистическую борьбу до конца. Такое размежевание в рядах руководства НФИ было прямым результатом активных действий массы рабочих и городских средних слоев — движущей силы движения за национализацию иранской нефти.

Судя по высказываниям очевидцев, самые низшие группы городского общества — деклассированные люмпены-пауперы — выступали в качестве опоры реакции и помогли генералу Захеде совершить антимосаддыковский переворот⁴.

⁴ В числе партий, состоявших в основном из представителей низших городских слоев (уличные торговцы, некоторые группы учащихся средних школ, студентов и офицеров армии, рабочие мелких мастерских), были Партия национал-социалистических рабочих (СУМКА), образовавшаяся в 1949 г. под руководством Мунши-заде, и Партия иранской нации, созданная в 1952 г. Форухаром. Это были мелкобуржуазные партии фашистского типа. Они делали упор на националистические и религиозные настроения городских средних слоев. Хотя в годы движения за национализацию иранской нефти обе эти партии выступали против Англии, они участвовали в погромах организаций прогрессивных партий.

Борьба основной части городских средних слоев в поддержку правительства Мосаддыка, за осуществление закона о национализации была настолько активной, что если бы руководители движения за национализацию были более последовательны и едины, то, бесспорно, опираясь на массы, они смогли бы еще дальше раздвинуть границы антиимпериалистической, демократической борьбы.

Каковы же были основные формы участия городских средних слоев в борьбе за национализацию иранской нефти?

Первое внушительное выступление городских средних слоев в этот период произошло во время выборов в меджлис XVI созыва (октябрь 1949 г. — февраль 1950 г.). Один из участников движения, А. Бехния, пишет: «В 1949—1950 гг. в Тегеране большинство поддерживало кандидатов НФИ. Университет, школы, молодые служащие предприятий и культурных учреждений — все те, кто был недоволен существующим положением, отдали свои голоса НФИ» [143, с. 26]. НПИ не участвовала в выборах, и поэтому рабочий класс и часть средних слоев, шедшая за ним, бездействовали. Но важно, что та часть городских средних слоев, которая шла за Мосаддыком, смогла заставить правительство отменить результаты фальсифицированных выборов октября 1949 г. и провести новые выборы, которые дали возможность кандидатам НФИ быть избранными в меджлис. В это время и произошло убийство министра двора Хажира, а «Федаиан-е ислам» объявила, что Хажир был убит за то, что он не реагировал должным образом на требование об аннулировании результатов фальсифицированных выборов.

Были моменты, когда политическая обстановка требовала объединения всех антиимпериалистических сил, и оно осуществлялось на практике. НПИ, НФИ и другие прогрессивные партии и группы в этих случаях выступали совместно. Демонстрации трудящихся городов достигали широкого размаха. 21 июля 1952 г. стал днем всеобщей национальной забастовки. НПИ и НФИ действовали совместно. В Тегеране были закрыты все фабрики, заводы, университет, школы, базары, магазины, частные и государственные учреждения. Народ требовал отмены указа шаха о назначении Кавама на пост

премьер-министра вместо Мосаддыка, когда последний, стремясь ограничить права двора, потребовал передать ему функции министра обороны и, получив отказ, ушел в отставку. Меджлис большинством голосов (40 из 70) утвердил назначение Кавама. Юридически все было правильно, но народ был недоволен и выступил в защиту Мосаддыка. Победил Мосаддык. Борьба за национализацию продолжалась.

Это совместное выступление всех трудящихся, всех прогрессивных сил явилось ярким свидетельством эффективности борьбы в рамках единого фронта, в котором совместно действуют рабочий класс, средние городские слои и патриотическая часть национальной буржуазии.

Другим таким примером может служить общенародный референдум, проведенный правительством Мосаддыка в городах 10 августа 1953 г., т. е. за 9 дней до реакционного переворота генерала Захеда. Взрослое мужское население должно было заявить о своем мнении по поводу роспуска меджлиса — 2 млн. участников референдума высказались за роспуск меджлиса.

Однако такие совместные выступления были эпизодическими. Главной же формой действий средних слоев оставались разрозненные выступления сил, идущих за отдельными партиями, — например, выступление 15 июля 1952 г. в поддержку лозунгов НПИ, Общества борьбы против АИНК (события 23 тира), против участников которого были брошены отряды полиции, подстрекаемые реакционными элементами. Такой же была демонстрация студентов 6 декабря 1951 г., поддержавших НПИ, в результате чего усугубились разногласия между НПИ и НФИ.

Секретарь ЦК НПИ Ирадж Искендери в 1960 г. писал в связи с этим событием: «Вопрос объединения национальных сил против империализма и реакции не ставился на обсуждение специально и конкретно как генеральная линия партии ни на одном из двух съездов нашей партии. Другие наши руководящие органы также, несмотря на то что во многих случаях они в соответствии с условиями движения и требованиями борьбы принимали некоторые решения, а также начинали проводить ряд положительных и эффективных мероприятий в этом направлении, ни разу не ставили офи-

циально вопроса о создании единого фронта как о генеральной линии партии, как о стимуле для практических действий НПИ» [186, 1960, № 2, с. 1].

Положение изменилось лишь в 1957 г., после IV пленума ЦК НПИ. Пленум отметил:

«Важнейшая задача нашей партии на современном этапе антиимпериалистической борьбы иранского народа состоит в том, чтобы приложить все усилия к подготовке необходимых условий и к организации единого фронта антиимпериалистических сил.

Наша партия должна всеми силами стремиться к тому, чтобы организовать и объединить в рамках этого фронта под общими лозунгами не только рабочий класс и крестьянство, которые составляют главный стержень единого антиимпериалистического фронта и союз которых под руководством рабочего класса является основным условием победы, но и все другие антиимпериалистические силы и слои в нашей стране, т. е. мелкую буржуазию, интеллигенцию и национальную буржуазию» [94, с. 112].

В программе НПИ, утвержденной в 1975 г. XV пленумом партии, говорилось: «Главное средство обеспечения полной победы национально-демократической революции — создание единого фронта всех национально-демократических сил. Союз рабочих и крестьян — костяк этого фронта... НПИ приложит все усилия к объединению и единству действий со всеми национально-демократическими силами...» [98, III, разд. 9, п. 5].

Таким образом, НПИ внесла коррективы в программные установки по вопросу об отношении к другим прогрессивным партиям.

В послевоенные годы, особенно в период движения за национализацию нефти, активное участие в борьбе за демократические свободы приняли студенчество и офицерство.

Молодежная организация НПИ (с октября 1947 г.), Студенческая организация партии «Иран» (с конца 1948 г.) и Центр демократической молодежи (с 1950 г.) призывали патриотические силы к единству, к борьбе за установление демократических свобод и национализацию нефтяной промышленности [173, 11.X.1947; 92, с. 13; 186, 1968, № 3, с. 84, 88].

Начиная с 1950 г. прогрессивное студенчество подчи-

нило свои профессиональные требования интересам политической борьбы. О росте политического сознания интеллигенции говорили демонстрация студентов — членов Студенческой организации партии «Иран» во время выборов в меджлис в октябре 1949 г. — феврале 1950 г., забастовка солидарности студентов — членов Центра демократической молодежи с нефтяниками в марте 1951 г., демонстрации и забастовки студентов 15 июня 1951 г., 21 июля и 26 октября 1952 г., 28 февраля и 10 августа 1953 г. Уже после государственного переворота 1953 г. студенты Тегеранского университета участвовали в крупных выступлениях трудящихся против антидемократических мероприятий правительства и ареста Мосаддыка — 7 октября, 12 ноября и 7 декабря 1953 г., а также 3 февраля 1954 г. Несколько студентов погибло во время разгона полицией мирных демонстраций.

С начала 50-х годов возобновилось и движение армейских офицеров, объединившихся в Организацию свободолюбивых офицеров Ирана, находившуюся под влиянием НПИ [186, 1955, № 2, с. 14]. Среди офицерства были также сторонники НФИ, которые поддерживали Мосаддыка и принимали активное участие в демократическом и антиимпериалистическом движении. Сторонниками Мосаддыка были старшие офицеры, занимавшие ответственные посты в армии, — начальник полиции полковник Аршафтус, генерал Рияхи и др. Танковая часть подполковника Пежмана 21 июля 1952 г., в день всеобщей национальной забастовки в поддержку Мосаддыка, перешла на сторону народа. На примере Хосроу Рузбеха, одного из основателей офицерской организации НПИ, видно, как постепенно офицер, выходец из средних слоев, пересматривал свои взгляды, стал изучать революционную теорию, перешел к активным действиям. Так в условиях революционной ситуации интеллигенция приходит к мысли о необходимости радикальных изменений в социальном строе, в общественных отношениях.

После переворота 1953 г. начались преследования либерально настроенного офицерства, а в сентябре 1954 г. была раскрыта подпольная Организация свободолюбивых офицеров Ирана. Было арестовано более 600 офицеров (в том числе 90 полковников); 71 человека приговорили к смертной казни (26 были казнены), 192 — к пожизненному заключению, 129 — к 15 годам

тюрьмы, а остальных к тюремному заключению сроком от 3 до 10 лет. Поляризация взглядов офицеров иранской армии ярко проявилась именно в эти годы острой политической борьбы — часть офицеров выступила за демократизацию страны, другая, во главе с генералом Захеда, поддержала шаха и старые порядки.

Подводя итоги событиям периода борьбы за национализацию иранской нефти, можно заключить, что внутри НФИ группа, возглавлявшаяся Мосаддыком, занимала самую последовательную антиимпериалистическую и демократическую позицию, близкую к позиции национальной демократии.

Сразу после государственного переворота 1953 г. США и Англия заключили соглашение о создании Международного нефтяного консорциума (МНК) для производства и продажи иранской нефти. 19 сентября 1954 г. между МНК и Ираном был подписан договор об эксплуатации иранских нефтяных месторождений. Так были ликвидированы основные достижения иранского народа в области национализации нефти, и добыча иранской нефти снова попала в руки империалистических монополий. Американские монополии получили 40% акций консорциума, а бывшая АИНК кроме 40% акций получила 400 млн. долл. в качестве «компенсации», «Франсес де петроль» — 6% и англо-голландская компания «Ройял Датч — Шелл» — 14%. [Справочник Иран: М. 1957 г. 340].

О «новом курсе» иранского правительства свидетельствовали следующие внешнеполитические акты: 11 октября 1955 г. Иран вступил в Багдадский пакт, в апреле 1957 г. принял «доктрину Эйзенхауэра», 5 марта 1959 г. заключил двусторонний военный договор с США, по которому при возникновении прямой или косвенной «опасности» для Ирана США получили право по просьбе правительства Ирана ввести войска на территорию страны. 8 декабря 1955 г. меджлис утвердил закон о привлечении иностранного капитала, по которому иностранный капитал приравнивался в правах с отечественным. Усилилось проникновение западных монополий в Иран. Были заключены договоры между ИИНК и «Аджип Минерариа» (август 1957 г.), «Пан Америкен Петролеум Корпорейшн» (май 1958 г.), канадской компанией «Сапфайр Петролеум Лимитед»

(июнь 1958 г.) и т. д. В 1958 г. официально были отменены ограничения на деятельность иностранных банков в Иране. Иностранный капитал стал усиленно вкладывать средства в создание смешанных банков. В области внешней торговли была объявлена политика «открытых дверей».

Одновременно прослеживалась тенденция к милитаризации, что явилось одной из причин бюджетного дефицита, инфляции, пассива внешнеторгового платежного баланса, повышения внутренней и внешней задолженности государства (к 1961 г. внешний долг Ирана составлял около 1 млрд. долл.). В 1961 г. премьер-министр был вынужден публично заявить о крайне тяжелом финансовом положении государства.

Проводившийся после переворота 1953 г. «новый курс» способствовал формированию соответствующей официальной идеологии, которая получила название «позитивный национализм». Основное содержание его сводилось к активному сотрудничеству с западными державами, и прежде всего с США, что фактически означало курс на антикоммунизм. Внутренняя политика правительства характеризовалась усилением антидемократических мероприятий. В течение первых лет после переворота США предоставили Ирану большую финансовую и военную безвозмездную помощь, «главной целью которой было обеспечение правительства Ирана средствами для „наведения порядка“». Проводилась открыто реакционная классовая политика в области просвещения и в армии. Чистка государственных учреждений и армии ставила целью «очищение» их от всех прогрессивных элементов.

Существование полуфеодальной эксплуатации в деревне, рост цен и падение реальной заработной платы рабочих, усиление эксплуатации рабочих, жесточайшие репрессии против демократического движения, политика подчинения экономики страны иностранным монополиям способствовали повышению революционного накала в городах и деревнях. Назревала революционная ситуация. Естественно, однако, что при отсутствии легальных политических организаций народные массы могли выступать лишь разрозненно. И тем не менее правительство было вынуждено пойти на уступки. В начале 1960 г. оно внесло в меджлис проект закона об

аграрной реформе. Однако в законе об аграрной реформе 1960 г. были такие положения, которые делали невозможным его осуществление. Правительство решило провести выборы в меджлис XX созыва и любыми способами обеспечить себе большинство.

После 1953 г. в течение примерно пяти лет деятельность политических партий в стране была запрещена. Только в 1957 г., когда были созданы две правительственные партии («Меллийун» и «Мардом»), стала более или менее возможной полуполюгальная деятельность для других некоммунистических партий [87, 1966, с. 231]. Напряженная обстановка, сложившаяся накануне выборов в меджлис XX созыва, вызвала оживление партийной и политической деятельности. Некоторые группы, близкие к Мосаддыку и НФИ, не прекращали своей подпольной деятельности и после переворота 1953 г. Среди них были, например, партия «Иран» во главе с Аллаярмом Салехом, «Паниранисты» с лидером Форухаром, партия «Движение за свободу Ирана», возглавляемая Базарганом, партия «Третья сила», лидером которой был Малеки [87, 1966, с. 231]. Члены этих партий были в основном из городских средних слоев.

В начале 60-х годов все эти организации официально ставили перед собой общую цель — возрождение конституционных прав. Партия «Движение за свободу Ирана», например, выдвигала следующую задачу: «На основе политических, этических и общественных догм ислама бороться за ликвидацию несправедливости, особенно против всех видов опоры на иностранцев, за возрождение основных конституционных прав иранского народа путем установления власти закона» [188, 1965, № 5, с. 5]. Инженер Базарган, один из основателей этой партии, заявил: «Мы подчинены иранской конституции, но не по тому принципу, чтобы принимать одну ее часть и отвергать другую. Мы сторонники конституции как единого закона, мы не позволим, чтобы ее основная часть, которая предусматривает свободу слова, печати и собраний, независимость суда, распределение обязанностей между исполнительными, законодательными и судебными органами и, наконец, справедливые выборы, была забыта и растоптана. Мы не позволим, чтобы место этих важных вопросов заняли второстепенные вопросы, чтобы в конце концов нацио-

нальная власть и власть закона в нашей стране были уничтожены» [188, 1965, № 5, с. 60].

Судя по выступлениям руководителей партии на двух судебных процессах⁵, они защищали основы конституции и выражали недовольство отсутствием демократических свобод, вмешательством иностранцев во внутреннюю жизнь Ирана. Прокурор же обвинял руководителей организации в том, что они, вопреки своей программе, действовали против «законного правительства и безопасности страны».

М. С. Иванов отмечает: «Активизация Национального фронта была связана с ростом недовольства национальной буржуазии, интеллигенции, мелкой буржуазии реакционным курсом внешней и внутренней политики иранского правительства. Руководители Национального фронта Аллаяр Салех, Багер Каземи, Сенджаби, Кешаварз-е Садр, близкий к Мосаддыку руководитель общества Движение за свободу Ирана инженер Мехди Базарган и др. выступали за независимую внешнюю политику, основанную на сохранении интересов страны, за пересмотр договора с Международным нефтяным консорциумом и обязательств Ирана по СЕНТО и двустороннему военному соглашению с США» [59, с. 235]. В области внутренней политики «лидеры Национального фронта выдвигали требования „восстановления личных и общественных свобод“ иранского народа, защиты конституции и проведения немедленных, всеобщих и свободных выборов в меджлис» [там же].

Фальсификация выборов в период правления кабинета Экбаля вызвала сильное сопротивление средних слоев, поскольку они считали выборы одним из ключевых средств для приобретения политического влияния и власти. По всей стране закрывались базары [59, с. 231], происходили массовые выступления студентов. В результате столкновений с полицией в августе 1960 г.

⁵ Первый процесс над руководителями этой партии начался в сентябре 1963 г. в Тегеране. На основании обвинений в антиправительственной деятельности, предъявленных Базаргану Мехди, Телегани Махмуду, Сахаби Йадолла, Сахаби Эззатолле, Шейбани Аббасу, Бабан Ахмеду Али, Хакими Аболфазлу, Джафари Мехди и др., суд приговорил их к длительному тюремному заключению. Второй процесс состоялся в Тегеране в марте 1965 г. Три члена партии — Бастенеяр, Радня, Мофиди — были приговорены к тюремному заключению на срок от 3 до 5 лет [188, 1965, № 5, с. 30—40].

было убито более 100 человек. 29 августа 1960 г. правительство Экбаля подало в отставку. Были отменены результаты выборов и назначены новые. Пришедший к власти Шариф Эмами, крупный буржуа, сенатор, фактически продолжал политику Экбаля. Возглавляемое им правительство также фальсифицировало результаты выборов. 18 мая 1961 г. по его указанию был открыт огонь против учителей и студентов столицы, требовавших отмены фальсифицированных результатов выборов. В этой схватке был убит учитель Ханали.

Расстрел митинга студентов и учителей привел к обострению политического кризиса. Кабинет министров во главе с Шарифом Эмами подал в отставку. При поддержке шаха и проамериканских кругов к власти пришел Али Амини, который объявил о банкротстве экономики страны и вместе с тем сообщил о намерении правительства провести экономические реформы. Однако программа стабилизации экономики, которую предложил Амини, была противоречива и не соответствовала действовавшему плану развития. Аграрная политика правительства Амини также не была тщательно продумана и неоднократно изменялась.

Особенное недовольство вызывала внешняя политика правительства, направленная на поддержку политики западных держав и укрепление позиций иностранного капитала в Иране (продолжение срока пребывания Ирана в СЕНТО, заключение договоров о получении займов у США, ФРГ, Франции и др.).

Крестьянство и рабочий класс требовали более радикальных мер в сфере экономики: проведения аграрной реформы, предоставления крестьянам государственных кредитов, повышения заработной платы рабочим, улучшения условий страхования. Крестьянам и пролетариату нужны были не только декларируемые законы, но и их реализация. Городские средние слои требовали демократизации общественной жизни и ограничения иностранного влияния в стране.

Хотя после переворота 1953 г. армия, как и прежде, не имела права «вмешиваться в политику», участвовать в выборах, входить в политические партии, усилилась политизация армии в духе политики правящих кругов. Насаждается культ личности шаха, специальные агитаторы ведут работу по разъяснению целей «революции

шаха и народа», планов развития Ирана и т. п. Шах стал назначать сенаторов из числа высшего офицерства. Повысили жалование старшему командному составу и обеспечили возможность приобретения им земли и акций промышленных предприятий. В высшие и средние военные училища тщательно отбирают кандидатов из лояльных состоятельных семей. Многие офицеры обучаются в странах Западной Европы и в США. Но низшее и среднее офицерство настроено патриотически, антиклерикально, антиимпериалистически. По словам Дж. Билла, «все ключевые позиции в армии закрыты для кандидатов из средних классов... В Иране армия, жандармерия и САВАК играют решающую роль. Высший класс занимает самые высокие посты в этих организациях, используя их как средство для поддержания статус-кво. Иранская армия превращена в специальную охрану шаха, который считает эту поддержку принципиальным вопросом. В этом он не терпит никакой оппозиции... Полиция и жандармерия являются орудиями подавления антиправительственных демонстраций и установления контроля над выборами... И, таким образом, средний класс в органах насилия занимает подчиненное положение... не случайно с 1954 г. более тысячи офицеров, принадлежавших к среднему классу, были арестованы или изгнаны из армии» [81, с. 414].

Перевороты, осуществленные армейскими офицерами в Ираке, Египте, Сирии и некоторых других странах Востока, произвели большое впечатление на иранских офицеров. Демократические настроения стали проявляться более открыто, что повлекло немедленные санкции со стороны правящих кругов. В августе 1960 г. с занимаемых постов были сняты 145 офицеров, в мае 1961 г. — 270 [81, с. 411]. Шире стало практиковаться перемещение офицеров из одного места в другое. Армия поставлена под контроль САВАК.

В лагере реакции во время правления Али Амини появились разногласия. Амини стремился к укреплению позиций США и проведению реформ. Шах, как и раньше, делал ставку на западные державы, а реформы хотел проводить сам, так как это должно было укрепить его авторитет.

21 июля 1961 г. члены НФИ организовали большую демонстрацию в ознаменование 9-й годовщины победы

Мосаддыка над Кавамом (21 июля 1952 г.). Демонстранты требовали передачи власти Мосаддыку и восстановления демократических свобод, предусмотренных конституцией. Демонстрация была подавлена силой оружия. Лидеры НФИ были арестованы. Однако митинги и бурные демонстрации студенчества и других представителей городских средних слоев продолжались еще год, до тех пор пока 18 июля 1962 г. правительство Амини не подало в отставку. Отставка Амини устраивала и шаха, который был недоволен «самостоятельностью» Амини. Алям, деятель весьма близкий к шахскому двору, был назначен премьер-министром. С этого момента и начинается период проведения социально-экономических реформ и изменения внешнеполитического курса Ирана. Реформы, разработанные в конце 1962 — начале 1963 г., и изменения во внутренней и внешней политике сводились к следующему:

1. Некоторое улучшение политических и экономических отношений с СССР и другими социалистическими странами при сохранении тесных связей с Западом.

2. Проведение аграрной реформы. Продажа части помещичьих земель крестьянам в рассрочку по цене, близкой к рыночным ценам. Продажа государственных фабрик и заводов и предоставление их акций крупным землевладельцам за земли, которые продаются крестьянам; создание сельских крестьянских кооперативов с помощью государственных средств.

3. Поддержка частного предпринимательства и частного сектора при помощи государственных кредитов и займов.

4. Стимулирование заинтересованности западного монополистического капитала в Иране путем облегчения условий для инвестиций в частном и государственном секторах.

5. Рост добычи нефти и предоставление основной части дохода от нефти на осуществление экономических программ.

6. Создание Корпуса просвещения для повышения уровня грамотности в деревне.

7. Внесение изменений в избирательный закон, в том числе предоставление женщинам права участия в выборах (при этом, однако, сохранялось неравенство

женщин в общественной и семейной жизни — право наследования, брак, развод и т. д.).

8. Принятие закона об участии рабочих частных предприятий в прибылях.

Принятая программа социально-экономических преобразований была названа «Белой революцией» или «революцией шаха и народа».

Таким образом, несмотря на решение правительства об осуществлении ряда социально-экономических мероприятий и некоторое улучшение отношений с СССР и другими социалистическими странами, такие основные проблемы внутренней и внешней политики, как демократизация общественной жизни и прекращение военно-политического и экономического влияния западных стран в Иране, по-прежнему остались не решенными.

Именно по этим причинам национальная демократия, авангард средних городских слоев Ирана, не добившаяся своих главных целей, и после провозглашения реформ продолжала антиимпериалистическую борьбу и борьбу за демократизацию страны.

НПИ в это время находилась в глубоком подполье, ее связи с массами были чрезвычайно затруднены. Уточнив в своих программных документах проблемы, связанные с общенациональным демократическим и антиимпериалистическим фронтом, НПИ требовала от своих сторонников объединения со всеми патриотами в борьбе против реакции и империализма.

После начала реформ против правящего режима постепенно создавалась обширная оппозиция, которая охватила значительную часть иранского общества. Интересы и цели разных отрядов этой оппозиции были различны в соответствии с их классовой принадлежностью. Недовольство своим положением выражали и рабочие, и безработные, и крестьяне, которые не получили земли (примерно 1300 тыс. семей), не удовлетворены были и те крестьяне, которые должны были платить большие выкупные суммы. В оппозиции к режиму находились и многочисленные генералы, которых правительство заставило уйти на пенсию по политическим соображениям, а также крупные феодалы-эксплуататоры, у которых правительство в соответствии с аграрным законом выкупило обширные земельные владения. Если среднее и мелкое духовенство противо-

стояло правительству потому, что считало его сообщником иностранных монополий, то часть крупного духовенства также выступала против правительства, обвиняя его в том, что оно лишило духовенство крупных доходов от вакфов и предоставило женщинам некоторые равные права с мужчинами. Студенты были недовольны высокой платой за обучение, а учителя — низким жалованьем и т. д. Несмотря на разношерстность оппозиции, ее можно разделить на две основные группы: реакционную и прогрессивную. При анализе политического положения и социальных проблем Ирана в данный период необходимо иметь в виду наличие этих двух групп оппозиции. Было бы ошибочным видеть только внешние контакты и видимость единства этих двух частей оппозиции и не замечать глубоких противоречий и различий между ними. В период после провозглашения реформ были случаи, когда ханы некоторых племен провинции Фарс, находясь в дружественных связях с Мосаддыком, выступали против режима, в том числе против прогрессивных мероприятий и реформ шаха (начало 1963 г.). К 1970 г. многие руководители этих племен, будучи за границей, активно участвовали в организациях НФИ в Европе.

В дни религиозного траура в месяце мохаррам (5—8 июня 1963 г.) в Тегеране, Куме и нескольких других городах начались стихийные митинги и демонстрации почти всех слоев населения. Десятки, а может быть, сотни тысяч человек вышли на улицы, чтобы заявить о своем недовольстве внешней и внутренней политикой правительства. Такая стихийная демонстрация в это время не была случайностью. Именно в середине 1963 г. правительство, издавая законы и указы о реформах, отдалило от себя некоторые реакционные круги. В то же время оно еще не сумело привлечь на свою сторону бывших оппозиционеров. Новые противники правительства действовали активно, а старые выжидали. И вот народные массы, вместо того чтобы присутствовать на религиозных митингах, вышли на улицы с политическими требованиями. Как отмечалось в специальной резолюции ЦК НПИ: «Бесспорно, что в выступлениях июня 1963 г. выдвижение таких лозунгов, как „Долой аграрную реформу“ или „Долой эмансипацию женщин“, не было главным вопросом. Важ-

но то, что, если бы недовольство и ненависть к шахскому режиму не были аккумулярованы внутри общества и если бы народ не ожидал удобного времени, чтобы поднять свой голос, никакая сила не могла бы вовлечь десятки тысяч людей в борьбу с режимом» [185, 1965, № 1, с. 87]. В этой демонстрации участвовали, конечно, и реакционные элементы, противостоящие реформам. Но главная масса демонстрантов — городские средние слои — требовала проведения свободных выборов и демократизации страны. Против демонстрантов были брошены полиция и войска, открывшие огонь. По сообщениям прессы, в этих событиях количество убитых и раненых достигло 1000 человек [90, 19.III.1963, с. 195]⁶.

Жестокое подавление движения оппозиции означало решимость правящих кругов без колебания идти дальше по пути диктатуры.

После ареста руководителей НФИ и других прогрессивных групп и суда над ними ухудшение общедемократических условий повлекло за собой перемещение руководящих центров этих групп в Европу и Америку. За рубеж переместились студенческая организация Тегеранского университета, группа во главе с Малеки и другие мелкобуржуазные группировки. Это, разумеется, имело свои как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, в условиях эмиграции появилась возможность более свободно высказываться, чаще собираться и обмениваться мнениями, знакомиться с передовыми европейскими идеями и прогрессивными деятелями и т. д. С другой стороны, ограниченность связи с иранским народом, распыленность и раздробленность организаций по различным городам Европы в соответствии с местом жительства иранских эмигрантов и студентов отрицательно сказывались на их деятельности. В условиях эмиграции только иранские студенты европейских вузов и молодые специалисты, оставшиеся за границей после окончания учебы, могли стать главной базой этих групп и организаций, что также имело свои плюсы и минусы.

⁶ Вряд ли правильно, как это делают некоторые авторы при оценке событий 5—8 июня 1963 г., считать, что оппозиция выступала под чисто реакционными или чисто прогрессивными лозунгами.

Всемирная конфедерация иранских студентов и учащихся (ВКИСУ), созданная в 1960 г. в Европе; стала центром иранского студенческого движения за границей. Этот центр объединял почти всех прогрессивных, политически активных иранских студентов за границей, придерживавшихся различных убеждений и принадлежавших к различным партиям. Среди них были члены НФИ и НПИ, социалисты и др. Чаще всего руководство этой организации находилось в руках членов НФИ. В начальный период существования конфедерация стала важным центром политического воспитания иранского студенчества в духе антиимпериалистического патриотизма, в духе защиты демократии и свободы мысли в Иране, против реакции и шахского режима. Ее органы — газеты «Шанздах-е азар», «Наме-йе Парси» и др. — пользовались большим влиянием среди студентов.

С середины 60-х годов во ВКИСУ усилилось влияние левозэкстремистских элементов [190, 1964, № 2, с. 3]. Идеологические и политические разногласия среди членов ВКИСУ обсуждались на VI—X съездах, но к единодушному мнению делегаты съездов так и не пришли [105, с. 4—5]. В 1970 г. многие студенты вышли из ВКИСУ. На XI съезде в Штутгарте в 1971 г. было избрано новое руководство [168, 1971, IV, с. 6]. Организация по-прежнему не имеет постоянных контактов с народом и испытывает влияние различных теорий и течений.

В 1975 г. в Европе создана Организация иранской демократической молодежи и студенчества (ОИДМ — Сазман-е джаванан ва данешджуйан-е демократ-е Иран) [137а, 1975/76, № 1—10]. Она пытается сплотить прогрессивно настроенное студенчество, находящееся за пределами Ирана.

В конце 50-х — начале 60-х годов в Иране и за границей между руководителями различных партий, действовавших в стране в период, когда у власти находилось правительство Мосаддыка, разгорелась дискуссия о причинах неудачи движения за национализацию нефти и о путях выхода из сложившегося положения. На IV пленуме ЦК НПИ (1957) наряду с обстоятельной критикой ошибок партии во время движения за национализацию была выдвинута идея создания единого фронта всех заинтересованных партий, основанного на участии всех прогрессивных классов и слоев общества.

Однако другие партии по различным причинам или отвергали предложения НПИ, или, если даже принимали их, выступали за создание единого фронта без НПИ. Особо активно возражало против союза с НПИ руководство НФИ, находившееся в эмиграции в Европе. Оно обвиняло НПИ в проведении «подрывной деятельности» в ходе движения за национализацию [182, № 1, 21.XI.1962], подчеркивало, что «национальное движение может бороться с империализмом и добиваться успеха без содействия коммунистической партии и даже вопреки этой партии». Однако более дальновидные руководители НФИ, в частности Мосаддык и Шаеган, думали иначе. Мосаддык, находившийся в Иране под домашним арестом, в обращении, направленном членам НФИ по этому поводу в начале 60-х годов, подчеркивал: «Следует открыть двери НФИ для всех лиц, групп и партий, которые готовы на борьбу и самопожертвование ради свержения господства империализма и самодержавия и готовы приложить максимум усилий к тому, чтобы люди, выступающие за свободу и независимость Ирана, присоединились к борцам» [177, 12.VIII.1963].

Д-р Шаеган, один из ближайших соратников Мосаддыка, поясняя его позицию, в 1963 г. писал в воззвании к соотечественникам: «Очищение Родины от скверны преступников... дело великое, и его осуществление окажется возможным лишь при том условии, если все без исключения патриоты и свободолюбивые элементы, не говоря уже о способах и средствах, которые каждая из групп считает необходимыми для спасения Родины, объединятся... Сейчас преградой на пути прогресса нашей любимой Родины являются самодержавие и империализм, и до тех пор, пока эта преграда не будет разрушена... любая формула... любая система или рецепт для создания нового Ирана... окажутся бесплодными. Фанатизм приверженцев различных партий, каждая из которых полагает, что именно она открыла путь прогресса для страны, и не согласна ни на какие уступки и сотрудничество, может лишь внести разлад в ряды борцов за свободу и продлить существование самодержавия и империализма» [177, 12.III.1963].

Шаеган приходит к выводу, что «НФИ должен руководствоваться следующим критерием: если кто-либо

не предпринял действий, направленных против свободы и независимости Ирана, то НФИ принимает его с распростертыми объятиями, а расхождения во взглядах не мешают сотрудничеству» [там же].

Поскольку Шаеган и члены организации НФИ в Европе в это время находились в эмиграции, они могли более определенно говорить о целях НФИ.

Анализируя деятельность НФИ в 60-е годы, мы ставим своей целью показать положительные и отрицательные стороны революционно-демократической сущности его идей, отражавших настроения основной части его членов в Европе — студенчества и интеллигенции.

Летом 1962 г. в Майнце (Западная Германия) состоялась II конференция НФИ в Европе [186, 1965, № 2, с. 5]. Документ этой конференции, опубликованный под названием «Некоторые общие взгляды НФИ», свидетельствует о глубоких изменениях, происшедших во взглядах членов НФИ в эмиграции. В документе говорится о значении борьбы НФИ против империализма и феодализма, о необходимости национализации ключевых средств производства и распределения как условия обеспечения общественной справедливости в стране, о борьбе против крупного внутреннего капитала, связанного с империализмом, о необходимости борьбы за уничтожение эксплуатации человека человеком [186, 1963, № 4, с. 31—37]. Анализ общественных явлений в этом документе впервые за все время существования НФИ дается, хотя и непоследовательно, но в некоторых случаях с марксистских позиций. Однако значительно большее сходство имеется между отдельными положениями этого документа и тем, что сегодня называют «афро-азиатским социализмом».

II конференция НФИ в Европе впервые отметила необходимость научно определить мировоззрение НФИ [186, 1965, № 2, с. 13]. Вместе с тем отмечалось, что «для достижения общего и однородного социального революционного мировоззрения нет необходимости в единстве философских основ и единогласии по общим проблемам». В том же документе говорится: «Общественное мировоззрение НФИ основано на наблюдательности и на аналитических науках», а это означает по существу переход НФИ на позиции «позитивизма».

Можно сделать заключение, что, хотя руководители НФИ решили сделать эту организацию центром объединения всех оппозиционных политических партий, тем не менее они не имели в виду выработать программу фронта.

В документе предпринята попытка соединить некоторые элементы марксистской теории с положениями буржуазной теории У. Ростоу. В духе этих положений авторы резолюции разделяют мир на две зоны: индустриальную и неиндустриальную, причем в число индустриальных стран, противостоящих развивающимся странам, они включают и социалистические страны [93, с. 23.]

Как и многие руководители мелкобуржуазных партий, составители документа «Некоторые общие взгляды НФИ» отрицают марксистскую теорию классов и классовой борьбы. Они считают, что применение марксистской теории классов в Иране невозможно, ибо экономическая база Ирана как развивающейся страны не изменилась или изменилась мало, промышленный пролетариат еще не сложился, что можно было бы рассматривать как появление общества с четкой классовой структурой. Массы эксплуатируемых здесь сконцентрированы не в промышленной сфере, а представлены крестьянами-пауперами или огромной массой безработных и нищих поденных рабочих. Вместо того чтобы различать общественные системы по характеру способа производства и собственности, составители резолюции II конференции принимают за основу уровень потребления.

«Кроме того, — отмечается в документе, — отсутствие достаточного количества новых средств производства в развивающихся странах приводит к тому, что для классификации общества, вместо того чтобы принять за основу формы собственности на средства производства, приходится искать более общие критерии». Таким критерием может быть, как считают авторы документа, «доля каждого класса в общественном фонде потребления» [193, с. 16]. Они утверждают, что только такой подход «уничтожает искусственное разграничение массы эксплуатируемых» и поэтому больше внимания будет обращать на то общее, что присуще этим массам, на то, что они подвергаются эксплуатации, т. е.

на тот общий критерий, который должен стать основой классификации общества по классам. Если руководствоваться таким подходом, то «вместо того, чтобы искать один враждебный класс в классическом значении (класс капиталистов. — Ш. Б.), против которого нужно обращать острие борьбы, т. е. вместо того, чтобы искать мифический класс промышленной буржуазии (мифический — в развивающихся странах), необходимо будет точно определить подлинного врага, т. е. псевдокласс феодалов-компрадоров, и борьбу против него сделать главной задачей антиколониального движения» [93, с. 62].

Таким образом, в программном документе НФИ отсутствует признание общественных классов и слоев, не дается определения их характерных черт, роли и задач в грядущей революции, смешиваются интересы рабочего класса с интересами мелкой буржуазии, мелких хозяев. Конструируется как бы искусственное общество, основную часть которого образует «класс» мелких производителей — эксплуатируемых. Такого рода заблуждения приводят составителей документа к другому заблуждению в области политической. По их мнению, НФИ должен стать партией этой массы эксплуатируемых, никакая партия «не имеет права быть руководителем только рабочего класса» [93, с. 28]. Исходя из этого в документе формулируется главный лозунг: «Наша эра — эра фронтов». Но и этот лозунг авторы документа понимают совершенно иначе, чем марксисты, которые на основе признания классов и слоев в обществе развивающихся стран выступают за единство действий различных прогрессивных партий в борьбе против империализма, за демократию и социализм.

Естественно, трудно было бы ожидать, чтобы руководство НФИ в Европе придерживалось марксистского мировоззрения. Как отмечал журнал «Донья», европейское руководство НФИ в резолюции II конференции, «хотя и вдохновляется революционным и научным марксистским учением» [186, 1963, № 4, с. 31], однако в его взглядах это учение перемешивается с многочисленными немарксистскими положениями.

Содержание вышеуказанного документа позволяет сделать вывод, что руководители НФИ в Европе действительно осознают необходимость создания единой

организации, но стремятся к созданию не монолитной партии, а фронта, состоящего, как они заявляют, из всех «настоящих национальных сил» [186, 1965, № 2, с. 13], что, по их официальным заявлениям, означало исключение НПИ из участия в нем.

Отрицание наличия в Иране классового общества привело организации НФИ в Европе к тому, что они, как и раньше, не обращали внимания на нужды эксплуатируемых классов и слоев и не выдвигали никакой программы для конкретной борьбы каждого из них. Поэтому после II конференции между руководством НФИ в Европе и другими прогрессивными партиями начались серьезные споры по этому вопросу.

Иную позицию занимали в это время руководители НФИ в Иране. В 1960—1965 гг. НФИ и входящие в него группы и партии действовали в Иране нелегально. В январе 1963 г. в Тегеране состоялся II съезд НФИ. Был избран Центральный совет. Этот день обычно называют днем образования Второго НФИ. Однако съезд не смог решить главной задачи, стоявшей перед входящими в него партиями. Он не согласился с мнением НФИ в Европе и с предложением Мосаддыка, которое было сформулировано в его письме, адресованном руководителям НФИ. Суть этого письма заключалась в том, что НФИ должен стать руководящим и объединяющим центром всех национальных антиимпериалистических партий и групп, которые борются за свободу и самостоятельность Ирана [177, № 17, 14.III.1963]. Этот спор продолжался более двух лет, пока не образовался Третий НФИ.

В начале июля 1965 г. были опубликованы новая программа и заявление НФИ в Иране под названием «Программа и устав Третьего НФИ» [188, № 5, 1965, с. 10]⁷. Газета «Иран-е азад», орган организации НФИ в Европе, сообщая об этом событии, подчеркивала, что опубликование новой программы НФИ в Иране можно считать «поворотным пунктом в истории национального движения и началом нового этапа борьбы народа под руководством НФИ» [169, № 35, VIII.1965].

На втором этапе своего развития организации НФИ в Иране, несмотря на то что в их деятельность

⁷ Первый НФИ — 1950—1960 гг., Второй НФИ — 1961—1965 гг.

был внесен ряд изменений, не согласились с мнением своих организаций в Европе и в Америке о необходимости превращения НФИ во фронт прогрессивных сил. Они также не исправили одну из своих главных ошибок, заключающуюся в отказе от борьбы за социальные реформы на этапе антиимпериалистического движения. НФИ с начала своей деятельности не только не придавал значения борьбе классов за свои права в ходе антиимпериалистической борьбы, но всячески сопротивлялся этому. Такой подход к нуждам основных классов общества (рабочих и крестьян) и отношение к ним как к массе эксплуатируемых, положение которых может быть улучшено лишь после освобождения страны от империализма и победы национально-демократической революции, естественно, намного сузили социальную базу НФИ.

Принятие новой программы стало насущно необходимым для координации и достижения большей эффективности действий всех организаций НФИ.

Программа Третьего НФИ состояла из трех статей:

1. Восстановление личных и общественных свобод иранской нации в соответствии с иранской конституцией и международной хартией прав человека. Борьба против различных форм нарушения прав и свобод личности и общества.

2. Создание национального правительства путем всеобщих и свободных выборов. Защита основ конституции и борьба против любых ее изменений.

3. Проведение самостоятельного внешнеполитического курса на основе защиты интересов страны с учетом основ и целей ООН. Дружба со всеми народами мира, поддержка афро-азиатских народов, особенно мусульманских. Борьба против всякой колониальной политики, поддержка всех наций, борющихся за свою свободу и независимость.

Таким образом, лидеры НФИ к своим прежним целям добавили лозунг о поддержке афро-азиатских народов и всех наций, борющихся за свою свободу.

В уставе Третьего НФИ говорится: «Третий НФИ является центром концентрации всех партий и политических групп духовенства, студенчества, политических организаций, синфов, профсоюзов и местных партий

(партий национальных меньшинств. — Ш. Б.), каждая из которых, имея свою собственную программу, имеет также общую цель с НФИ — освобождение и самостоятельность Ирана» [188, 1965, № 5, с. 33].

Ст. II устава гласит: «Третий НФИ в Иране не является партией; те подлинные национальные силы, которые посылают своих представителей в центральный орган НФИ, имеют право посылать своих представителей в центры каждого остана и шахрестана, чтобы создать отделения НФИ в этих местностях. Функции этих центров заключаются в выполнении задач, поставленных перед ними Третьим НФИ, и определении их на основе местной политики с учетом обстоятельств».

В ст. III устава отмечается, что «центром Третьего НФИ является г. Тегеран; никакая группа не имеет права называть себя группой основателей НФИ».

В ст. IV подчеркивается, что Третий НФИ «не будет сотрудничать с теми партиями, группами и лицами, которые связаны с иностранной политикой и опираются на нее» [188, 1965, № 5, с. 33].

В уставе, который состоит из 32 пунктов, обращает на себя внимание еще одна деталь, которая противоречит остальным его положениям. Дело в том, что высшим органом Третьего НФИ в соответствии со ст. VI устава является «группа основателей», которая не подчиняется никому, а, наоборот, ей подчиняются все органы Третьего НФИ. Центральный совет Третьего НФИ, который образуется ежегодно из представителей всех обществ и партий, входящих в НФИ, подчиняется «группе основателей» [188, 1965, № 5, с. 33].

Руководители Третьего НФИ, принимая новый устав, в определенной мере формально шли навстречу просьбе своих единомышленников и Мосаддыка, стремившихся превратить НФИ в единый фронт всех партий, выступающих за свободу и независимость Ирана. В то же время дальнейшие практические действия НФИ в Европе показали, что, ссылаясь на ст. IV устава, его лидеры отказываются сотрудничать с НПИ, хотя ясно, что НПИ является самой патриотической организацией страны.

Что касается организации классовой борьбы и движения классовых требований, то ни в программе, ни в уставе об этом ничего не говорится. Только в заяв-

лении, опубликованном вместе с программой и уставом Третьего НФИ, после краткого разбора экономической политики правительства и политики реформ, в котором «Белая революция» определяется как контрреволюция, говорится: «В свете этих и других, более глубоких, проблем нашего общества необходимость организации борьбы в рамках Национального фронта становится очевидной более чем когда-либо. Непосредственной целью этой борьбы является завоевание конституционных свобод и установление такой власти, которая представляет интересы большинства иранской нации. Эта власть должна прежде всего уничтожить колониализм.

Вопросы, связанные с прогрессом экономики, социальным устройством и национальной свободой, как первоочередные задачи, определяют цели борьбы единого национального фронта. Поэтому НФИ является представителем самых высоких национальных идеалов и в то же время носителем наиболее прогрессивных экономических и политических лозунгов, отражающих интересы всех классов и партий и тех групп, которые представляют большинство иранской нации. Только такой национальный фронт, который охватывает крестьян, рабочих, ремесленников, патриотически настроенных капиталистов, студентов, прогрессивное духовенство и всех тех, кто борется за свободу и независимость Ирана, — только такой единый фронт способен вести священную войну за установление национального правительства» [188, 1965, № 5, с. 40].

Таким образом, лидеры НФИ, стремясь наиболее эффективно использовать движение масс рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции в своих интересах, в то же время не выдвигают никаких конкретных лозунгов, направленных на улучшение их тяжелого положения и организацию их борьбы. Это свидетельствует о том, что позиции Третьего НФИ по вопросу о классовой борьбе не претерпели существенных изменений. Лидеры Третьего НФИ, так же как и раньше, отодвигают удовлетворение классовых требований до создания национального правительства.

После опубликования программных документов Третьего НФИ (июль 1965 г.) орган НФИ в Европе газета «Иран-е азад», видимо учитывая отсутствие

конкретных классовых лозунгов в этих документах, писала: «Обращение к такому огромному источнику силы, как крестьянство, и к другим слоям населения требует, чтобы НФИ определил свои цели особенно четко, чтобы все борцы, особенно крестьянские и рабочие массы, знали, за что они борются, куда они идут и должны идти и чего они могут добиться в этой борьбе» [169, 1965, № 35].

Это свидетельствовало о том, что передовые отряды средних городских слоев готовы вести классовую борьбу для осуществления намеченных целей. Постепенно проходит то время, когда национально-демократические силы не рисковали мобилизовать крестьян и рабочих на борьбу за свои права. Эта совершенно новая для Ирана черта революционной демократии заслуживает самого серьезного внимания.

В августе 1965 г., после образования Третьего НФИ, Общество иранских социалистов в Европе во исполнение решений своего VII съезда присоединилось к организации НФИ в Европе, которая, руководствуясь решениями III съезда НФИ в Иране и чрезвычайного съезда НФИ в Европе, приняла его предложение о единстве [169, VIII, 1965, № 36]. Так были сделаны первые шаги к созданию единого фронта. Объединение этих двух организаций встревожило иранские власти; на основе ложных обвинений 18 августа 1965 г. они арестовывают в Тегеране нескольких участников разных организаций, в том числе Общества социалистов, партии «Движение за свободу Ирана», Общества университетских студентов и др. [188, 1965, № 5, с. 43]. Таким образом, очевидно, что в 1965 г. эти партии и группы, равно как и Третий НФИ, имели здесь свои нелегальные организации и в стране начался процесс создания единого фронта. Характерно, что в заявлении протеста против ареста Халила Малеки, лидера Общества социалистов, эта организация называет себя уже Обществом социалистов Национального фронта Ирана [188, 1965, № 5, с. 43].

В условиях начала 60-х годов провозглашение реформ не имело бы смысла, если бы не началось хотя бы частичное их выполнение, а это было невозможно, поскольку исполнительная власть находилась в руках буржуазных помещиков и крупных бюрократов старо-

го поколения. Изменение социального состава исполнительной власти имело в этих условиях первостепенное значение. Ставка была сделана на технократов — выходцев из богатых и зажиточных семей, таких, как А. Мансур и А. Ховейда. Одновременно для лучшего и более широкого привлечения этих сил было решено организовать партию, которая могла способствовать воспитанию сановников нового типа. Этим способом шах частично хотел решить задачу, давно стоящую на повестке дня, — участие молодых интеллигентов в управлении государством.

В декабре 1963 г. была образована правительственная партия «Иран-е новин», а 7 марта 1964 г. Али Мансур стал премьер-министром. С этого времени начинаются социальные изменения в составе исполнительной власти.

В январе 1965 г. премьер-министр и генеральный секретарь партии «Иран-е новин» Али Мансур был убит Бохараи, членом «Федайан-е ислам», находившейся в это время в подполье [87, 1966, с. 235]. 31 мая военный трибунал приговорил четырех руководителей этой организации к смертной казни, шесть человек — к пожизненному заключению, других — к различным срокам тюрьмы.

События 1965 г. отражают некоторые характерные черты движения городских средних слоев. В это время во многих развивающихся странах велась активная пропаганда необходимости революционной партизанской войны.

Естественно, что после поражения национального движения 1951—1953 гг. любые анархические идеи находили среди мелкобуржуазных слоев Ирана благоприятную почву. Правящие круги, воспользовавшись анархическими и террористическими действиями некоторых оппозиционных элементов, усилили в 1965—1966 гг. нажим на все демократические партии. В условиях жесточайших преследований прогрессивных партий создалось такое положение, при котором правительственные партии, прибегая к давлению и фальсификации результатов выборов, обеспечивали себе большинство в парламенте в 1964—1970 гг.

Этому способствовало и проведение реформ, что в определенной степени снизило активность рабочего

класса, а также крестьян — основной части нации. Правящие круги использовали в своих интересах политическую незрелость масс.

В 1970 г. французская газета «Монд» в связи с выборами местных органов писала, что «в условиях отсутствия единой реальной оппозиции в Иране правительственная партия „Иран-е новин“ смогла обеспечить себе 97,5% всех депутатских мест в местных органах власти... К тому же при существующей централизации маловероятно, что эти местные органы могли бы эффективно выполнять свои функции» [179, № 11, X.1970, с. 2].

После убийства Мансура премьер-министром стал А. Ховейда, который возглавил и партию «Иран-е новин» и продолжал политику Мансура по осуществлению экономических реформ.

Высокие темпы развития экономики Ирана делали необходимым расширение сети высшего образования в стране. В последние годы правительство стремилось решить проблему кадров путем импортирования услуг иностранных инженеров, врачей и т. д. В то же время оно вынуждено было направлять крупные группы студентов за границу для обучения в высших учебных заведениях Западной Европы и США, а это, в свою очередь, приводило к усилению социальной мобильности. Студенты и другие слои интеллигенции все более активно выдвигали и выдвигают требования, направленные на предоставление им широких прав участия в политической жизни страны.

В иранских высших учебных заведениях студенты по-прежнему лишены возможности изучать прогрессивные общественные науки. Это вызывает растущее недовольство как студентов, так и преподавателей, которым запрещено проводить занятия по изучению этих дисциплин.

Первая половина 70-х годов стала периодом весьма острых столкновений между национально-демократическими силами и правительством. Он отмечен непрекращающимися забастовками и демонстрациями иранского студенчества, выступлениями представителей различных слоев интеллигенции, которые обращаются к властям с призывом стать на путь демократизации общественной жизни.

В ходе этих столкновений правящие круги стремятся различными путями, и прежде всего путем предоставления различных привилегий тем или иным слоям интеллигенции, успокоить их и отвлечь от борьбы за достижение поставленных этими слоями перед собой основных целей.

5 июня 1975 г. были проведены демонстрации студентов университетов Тегерана, Тебриза и Мешхеда. В 1975 г. из Тегеранского университета было исключено несколько сот студентов, выступавших с политическими требованиями — за невмешательство полиции и САВАК в дела университетов, отказ от агрессивной внешней политики и др.

В оппозиции шаху оказалась и часть высшего духовенства, надеявшаяся на сохранение политического влияния духовенства в стране и его контроля над политикой правительства; оппозиционеры доказывали, что религия является единственным средством для поддержания высокого нравственного уровня масс [55, с. 113]. Был брошен призыв — активно участвовать в политической жизни страны по примеру первого шиитского имама Али.

Другая часть высшего духовенства, связанная с современным бизнесом или находившаяся на государственной службе, поддерживала мероприятия, проводимые шахом. Но по некоторым вопросам духовенство было единодушно, например выступив против намерения шаха назначить своего кандидата на высший религиозный пост мардж от-таклида [55, с. 113].

Правительство в 60-е годы неоднократно пыталось установить контроль над духовенством, но, натолкнувшись на сопротивление, изменило тактику. С начала 70-х годов правящие круги пошли на сближение с наиболее влиятельной частью шиитского духовенства, привлекая его к участию в проведении социально-экономических преобразований (создание «корпуса религии» и др.).

Мелкое и среднее шиитское духовенство после провозглашения социально-экономических преобразований в 60-х годах оказалось в оппозиции к шаху. Реформы могли подорвать основы экономического положения и влияния духовенства на широкие народные массы. Духовенство считало, что распродажа вакфных земель, пре-

доставление равноправия женщинам и некоторые другие пункты объявленных реформ противоречат основам мусульманского права. Низшие и средние слои духовенства выступали против вмешательства иностранцев в дела мусульман, против диктатуры шаха. Представители этой части духовенства — Хомейни, Шариахмадари, Телегани, Саиди, Сейид Мохсен Хаким и др. — заявляли, что осуществление реформ приведет к усилению власти шаха и превращению Ирана в агрессивное государство, что шах и его окружение неспособны ликвидировать отсталость страны и ее зависимость от империализма [169, 1970, № 71, VI; 172, 1971, VII, с. 8]. Власти арестовали и выслали из страны неугодных им лиц — Телегани, Хомейни и др. [169, 1970, VI]. В 1974 г. ученики нескольких духовных школ в Куме потребовали предоставления иранскому народу демократических свобод, изгнания американских советников из армии и т. д. Выступление было подавлено по распоряжению властей силами полиции и армии.

Американский автор С. Хинтингтон писал в 1968 г.: «В настоящее время интеллигенция и средний класс рассматривают даже либеральный деспотизм как феодальный анахронизм. Какую бы поддержку они ни оказывали социально-экономической политике монарха-модернизатора, они все же выступают против монархии как института, против подавления монархом-модернизатором свободы. Они считают, что проводимые им реформы слишком незначительны по своему характеру и к тому же являются запоздалыми, они лишь прикрывают стремление монарха сохранить статус-кво» [84, с. 165].

С 60-х годов усилилось и левозкстремистское движение иранской интеллигенции, особенно среди мелкобуржуазной эмигрантской молодежи, надеявшейся решить многие социальные и политические проблемы «быстро», путем экстремистских методов борьбы. Член левозкстремистской организации «Революционная Туде» Шамсабади 19 апреля 1965 г. совершил неудачное покушение на шаха. Руководители организации инженеры Мансури и Камрани были казнены [87, 1966, с. 237]. В 1965 г. была разгромлена подпольная террористическая организация «Партия мусульманских наций», состоявшая из студентов и учащихся средних школ [там же]. Несколь-

ко человек подвергли себя самосожжению в знак протеста против режима [89, 1970, № 8, IV]. В движение включились и другие группы населения из средних городских слоев: среди арестованных и казненных в 1969—1970 гг. были студенты, преподаватели, служащие, врачи, рабочие, крестьяне [168, 7.IV.1971]. Партизанские группы в 1975 г. объединились в две организации — «Моджахедин-е ислам» («Солдаты ислама») и «Фадай-ан-е халг» («Народное ополчение»). Эти группы совершили несколько политических убийств. Они отрицают роль классовой борьбы, необходимость создания политической партии пролетариата, возможность вовлечения в борьбу народных масс. Многие участники партизанского движения погибли.

НПИ в многочисленных заявлениях осуждает эти методы борьбы как причину напрасной гибели революционных сил, не имеющие шансов на победу и поэтому неразумные. В то же время партия считает, что поскольку в оценке политической ситуации в стране у НПИ и указанных организаций имеется немало общих точек зрения, необходимы контакты для выработки основ программы сотрудничества на длительное время [194, 1974, № 110].

Значительная часть интеллигенции начинает понимать, что выступления отдельных героев-одиночек, осуществляющих террористические акты, не могут привести к желаемым результатам, и приходит к мысли о необходимости создания единого фронта всех антиимпериалистических и антимонархических сил. Изменения во взглядах и в мышлении большей части национальной демократии приведут к консолидации прогрессивных сил в их борьбе за подлинные национальные интересы Ирана, за демократизацию, за осуществление глубоких социально-экономических преобразований в стране.

В 1975 г. правящие круги были встревожены крупными волнениями служащих, студентов, представителей духовенства и ростом терроризма, как они именуют действия городских партизан. Вместо двух шахских партий («Иран-е новин» и «Мардом») была создана новая, «Хезб-е растахиз-е меллаете Иран» (Партия возрождения иранской нации), и объявлена однопартийная система. Членство в этой партии обязательно для всех иран-

цев в возрасте старше 16 лет. Шах официально объявил о том, что правительство не может взять на себя ответственность за благополучие тех людей, которые не пожелают вступить в новую партию [187, № 57, I.IV.1975].

В партии сразу возникло два крыла: конструктивные либералы, возглавляемые Ансари — министром экономики, и прогрессисты во главе с Амузгаром — министром внутренних дел. Судя по выступлениям лидеров, образование двух групп до некоторой степени отражает политическую ситуацию в стране. Сторонников режима привлекает группа Ансари, а противники режима тяготеют к Амузгару.

Политические репрессии, «контроль над мыслями», произвол цензуры приобрели в Иране чрезвычайно широкие масштабы. Против этого решительно выступают партия рабочего класса и революционная демократия.

Первая половина 70-х годов отмечена также новыми явлениями в жизни страны. Усиление экономического кризиса в капиталистическом мире затронуло и Иран.

Рост дороговизны, инфляция стали в стране повседневным явлением. Хотя огромные доходы от нефти вполне могут обеспечить рост иранской экономики и вместе с тем повышение благосостояния народа, тем не менее большая часть этих доходов затрачивается на непроизводительные цели (прежде всего на вооружение). Правящие круги не в состоянии обеспечить нормальный уровень жизни народных масс. В 1970—1975 гг. дороговизна приняла угрожающие размеры и условия жизни простых людей ухудшились.

Отдельные отряды рабочего класса уже выступили за улучшение жизни, и прежде всего за повышение заработной платы. Опасаясь усиления движения народных масс, правительство, вместо того чтобы попытаться преодолеть инфляционные явления хотя бы с помощью «испытанных мер», применяемых в капиталистических странах, становится на путь полицейских репрессий против тех, кого оно объявляет «содействующими повышению дороговизны жизни». На деле это приводит к тому, что ежедневно в городах Ирана специально созданные «ударные группы» грабят и насиль-

ственно закрывают десятки мелких лавок, мастерских, закусовых и т. д., которые продают товары по ценам, превышающим установленные правительством. В то же время крупные купцы-оптовики и промышленники — основные виновники растущей дороговизны — действуют беспрепятственно и не подвергаются никакому давлению со стороны властей.

Усиление беззакония и актов насилия, направленных против собственности мелкой буржуазии городов, разумеется, не способствует уменьшению инфляции. Это приводит лишь к усилению борьбы средних городских слоев против действий погромщиков. С. Хинтингтон в связи с этим обоснованно отмечает, что процесс централизации власти «под традиционными лозунгами достиг ныне в Иране своей кульминационной точки и что теперь мирный переход традиционной монархии к расширению участия народа в политической жизни страны представляется маловероятным» [84, с. 191]. С. Хинтингтон отмечает, что в Иране «реформы и репрессии представляют собой аспекты процесса централизации власти и отсутствия расширения участия крупных слоев общества в политической жизни. Логическим результатом этого может явиться либо восстание, либо революция» [84, с. 190].

Естественно, что все принятые меры не дали того эффекта, на который рассчитывали правящие круги. Основная часть интеллигенции продолжает настаивать на необходимости выполнения выдвигаемых ею требований.

Можно сделать вывод, что к 1975 г. в отношениях между передовой частью интеллигенции и правительством появились признаки острого кризиса.

Даже близкая к правящим кругам газета «Кейхан Интернейшнл» от 4 апреля 1973 г. писала: «Нельзя держать в стороне от принятия решений растущее число образованных людей, значительное городское население, новый средний класс профессионально подготовленных людей». Все это свидетельствует о том, что демократизация страны — действительно насущная проблема, необходимость решения которой безусловно назрела. Власти не идут навстречу требованиям прогрессивных сил о предоставлении народу демократических свобод, а официальная политика так называемой на-

правленной демократии не может содействовать решению вопроса, тем более что правящие круги милитаризуют страну и всё больше втягивают ее в русло империалистической агрессивной политики, препятствуя тем самым установлению мира на Ближнем Востоке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показывают приведенные в книге материалы, по численности городские средние слои являются одной из самых больших социальных групп современного иранского общества.

Городские средние слои — постоянные участники всех важных политических событий последних 70 лет. Значение политических действий городских средних слоев очень велико, и сегодня решение важнейших политических и общественных проблем страны во многом зависит от позиции этих слоев.

Разнообразие условий работы и жизни разных групп городских средних слоев обуславливает отсутствие единства целей и методов их борьбы, а также и трудность политического объединения. И тем не менее именно движение городских средних слоев вместе с рабочим движением дает импульс демократическому и антиимпериалистическому движению в Иране.

В условиях Ирана городские средние слои разделяются на две части: предпринимательскую и служилую. Обе части по мере развития капитализма увеличиваются и обновляются, причем особенно быстро возрастает численность служилой части городских средних слоев.

Положение городских традиционных и новых мелких предпринимателей до 70-х годов нашего века не претерпело особых изменений, хотя с социальной точки зрения произошла некоторая пролетаризация этих слоев. Как правило, прибыль мелких предпринимателей почти полностью присваивалась торгово-ростовщическим капиталом, и поэтому крупное машинное производство появилось в Иране очень поздно, а разрыв между образованием мануфактуры и фабрики длился более века, если не дольше. Кроме того, важно, что крупное производство появилось с притоком капитала крупных

торговцев-ростовщиков. Для мелких предпринимателей и производителей этот процесс означал вечную нищету, что исключало их стремление «выйти в люди».

Такая трудная и бесперспективная жизнь создавала у мелких производителей своеобразную социальную психологию — покорность и в то же время неудовлетворенность. Агрессивность и активность сочетались с настороженностью и недоверием.

Особую роль в политической жизни страны играет интеллигенция — выходцы из средних городских слоев. Она составляет руководство почти всех политических партий Ирана.

Радикальные элементы «новых» городских средних слоев составляют революционную демократию и — в условиях развивающегося Ирана, где существует проблема освобождения от экономического, политического и военного вмешательства империализма, — национальную демократию, которая выражает чаяния не только городских средних слоев, но и крестьянства, пролетариата и с которой в ряде случаев солидарны представители радикального крыла национальной буржуазии Ирана.

В течение всего исторического периода — от разложения феодализма до становления в Иране капитализма — шло постоянное расширение социальной базы национальной демократии за счет средних слоев, особенно городских средних слоев.

На начальном этапе разложения феодализма идеологами революционной демократии были выходцы из помещичье-буржуазных семей. В эпоху разложения феодализма городские средние слои, и особенно традиционная мелкая буржуазия иранских городов, являлись самыми активными движущими силами буржуазно-демократических движений.

В период конституционного движения, когда новая буржуазия боролась против лагеря феодалов и каджарской клики, городские средние слои, как правило, стояли на стороне помещичье-буржуазного блока и играли роль движущей силы буржуазной революции. Национально-демократические силы в этих условиях выступали за ликвидацию феодализма и за победу буржуазной революции.

В период непосредственно после революции (1909—

1922 г.) городские средние слои под руководством национально-демократических и национально-буржуазных сил и до некоторой степени вдохновляясь социал-демократическими идеями, проникавшими в страну из России и Европы, боролись за политическую самостоятельность страны. Победа Великой Октябрьской социалистической революции оказала большую помощь иранскому народу. Она способствовала восстановлению политического суверенитета страны.

Однако с приходом к власти Реза-шаха и установлением диктатуры помещичье-буржуазного блока начались гонения против национально-демократических сил, левого крыла национальной буржуазии и коммунистов. В этот период городские средние слои начинают все больше поставлять кадры для руководящих сил этих движений.

Период второй мировой войны был временем массового перевоспитания городских средних слоев под руководством НПИ в духе демократии и антифашизма. Последние годы войны стали началом массового демократического движения городских средних слоев совместно с рабочим классом и крестьянством. В эти годы были сделаны первые шаги по созданию единого фронта демократических сил.

Годы движения за национализацию иранской нефти были периодом бурного массового движения городских средних слоев под руководством НПИ и НФИ. Однако НФИ (представлявший национальную демократию и левое крыло национальной буржуазии) и НПИ не смогли создать прочного единого фронта. В 60-х годах под воздействием социалистических идей становятся более радикальными политические лозунги национальной демократии. Национально-демократические силы представлены главным образом городскими средними слоями. Кроме них национально-демократические идеи разделяют лишь самые левые элементы национальной буржуазии. Крестьянство еще не выдвинуло авторитетных национально-демократических деятелей.

Ныне внутри иранского общества идет ожесточенная борьба за изменение внутреннего и внешнего курса политики правительства. Вместе с рабочим классом городские средние слои требуют демократизации страны, ибо она дает им ключ к участию в управлении го-

сударством. Явно ощущается необходимость образования единого антиимпериалистического и демократического фронта, однако его организации мешает то, что национально-демократические силы слишком разобщены, часто склоняются к мелкобуржуазным методам борьбы и пренебрегают методами массовой борьбы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА *

1. Маркс К. Манифест Коммунистической партии,— т. 4.
2. Маркс К. Социалистическая и коммунистическая литература,— т. 4.
3. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта,— т. 8.
4. Маркс К. Турция и Россия.— Потворство России со стороны министерства Абердина.— Бюджет.— Налог на газетные приложения.— Парламентская коррупция,— т. 9.
5. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма,— т. 22.
6. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.»,— т. 22.
7. Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?,— т. 1.
8. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве,— т. 1.
9. Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов,— т. 2.
10. Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма,— т. 2.
11. Ленин В. И. Развитие капитализма в России,— т. 3.
12. Ленин В. И. Внутреннее обозрение,— т. 5.
13. Ленин В. И. Революционный авантюризм,— т. 6.
14. Ленин В. И. Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами,— т. 7.
15. Ленин В. И. Задачи революционной молодежи,— т. 7.
16. Ленин В. И. Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии). Февраль — май 1904 г.,— т. 8.
17. Ленин В. И. Новый революционный рабочий союз,— т. 10.
18. Ленин В. И. Социал-демократия и временное революционное правительство,— т. 10.
19. Ленин В. И. В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства? — т. 11.
20. Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии,— т. 12.
21. Ленин В. И. Проекты резолюций к пятому съезду РСДРП,— т. 15.
22. Ленин В. И. Марксизм и ревизионизм,— т. 17.
23. Ленин В. И. Последнее слово русского либерализма,— т. 19.
24. Ленин В. И. Юбилейному номеру «ЗИННА»,— т. 19.
25. Ленин В. И. Демократия и народничество в Китае,— т. 21.
26. Ленин В. И. Крестьянство и рабочий класс,— т. 23.

* Произведения К. Маркса и Ф. Энгельса даны по изд. 2 Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

27. Ленин В. И. Рабочий класс и неомальтузианство,— т. 23.
28. Ленин В. И. Крах II Интернационала,— т. 26.
29. Ленин В. И. Новые данные о законах развития капитализма в земледелии,— т. 27.
30. Ленин В. И. Доклад о революции 1905 года,— т. 30.
31. Ленин В. И. Луиблановщина,— т. 31.
32. Ленин В. И. О двоевластии,— т. 31.
33. Ленин В. И. Петроградская общегородская конференция РСДРП(б) 14—22 апреля (27 апреля—5 мая) 1917 г.,— т. 31.
34. Ленин В. И. Уроки революции,— т. 34.
35. Ленин В. И. Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. Доклад об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии,— т. 37.
36. Ленин В. И. Ценные признания Питирима Сорокина,— т. 37.
37. Ленин В. И. Маленькая картинка для выяснения больших вопросов,— т. 37.
38. Ленин В. И. Предисловие к изданию речи «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства»,— т. 38.
39. Ленин В. И. Чрезвычайное заседание пленума Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов 3 апреля 1919 г.,— т. 38.
40. Ленин В. И. Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата,— т. 39.
41. Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата,— т. 40.
42. Ленин В. И. Проект (или тезисы) ответа от РКП на письмо Независимой с.-д. германской партии,— т. 40.
43. Ленин В. И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме,— т. 41.
44. Ленин В. И. III конгресс Коммунистического Интернационала, 22 июня—12 июля 1921 г.,— т. 44.
45. «Документы Совещания коммунистических и рабочих партий. Москва, 5—17 июня 1969». М., 1969.
46. Абдуллаев З. З. Промышленность и зарождение рабочего класса Ирана. М., 1963.
47. Агаев С. Л. Иран в период политического кризиса 1920—1922 гг. М., 1970.
48. Агахи А. М. Распространение идей марксизма-ленинизма в Иране, Баку, 1961.
49. Алиев М. М. Современная интеллигенция Ирана. Баку, 1967 (на азерб. яз.).
- 49а. Алиев С. М. Ахмед Касрав Тебризи (1890—1946). Автореферат канд. дисс. М., 1961.
50. Бади Ш. М. Рабочий класс Ирана. М., 1965.
51. Бади Ш. М. Ковроткачи Ирана.— «Азия и Африка сегодня». 1969, № 7.
52. Белова Н. К., Никитина В. Б. Иран.— В кн.: Зарождение идеологии национально-освободительного движения (XIX—начало XX в.). М., 1973.
53. Глуходед В. С. Проблемы экономического развития Ирана. М., 1968.
54. «Городские средние слои современного капиталистического общества». М., 1963.

55. Дорошенко Е. А. Шиитское духовенство в современном Иране. М., 1975.
56. Еганян Г. М. Национально-освободительное движение в иранском Азербайджане в 1918—1922 гг.—«Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР», № 73, 1963.
57. Ибрагимов Т. А. (Шагин). Политические партии, организации и общества Ирана (1858—1917 гг.). Баку, 1972.
58. Иванов М. С. Иранская революция 1905—1911 гг., М., 1957.
59. Иванов М. С. Новейшая история Ирана. М., 1965.
60. Иванова Н. М. Национально-освободительное движение в Иране. М., 1961.
61. Ирандуст. Классы и партии современной Персии.—«Мировое хозяйство и мировая политика», 1926, № 2.
62. «Жизнь, отданная борьбе». М., 1964.
63. Кофф Ф. Воспоминания о Персии, 1834—1835. СПб., 1838.
64. Кауфман А. С. Бирма: идеология и политика. М., 1973.
65. «Красный архив». 1941, № 1.
66. «Красный Интернационал профсоюзов». 1931, № 1.
67. Кузнецова Н. А. Из истории социально-экономических отношений в Иране в первой четверти XIX в. М., 1952 (канд. дисс.).
68. Мамедли Г. Хиабани. Баку, 1949 (на азерб. яз.).
69. Мелихов О. С. Установление диктатуры Реза-шаха. М., 1961.
70. «Мелкое производство в Азии и Африке». М., 1974.
71. Огранович И. А. Провинция Ардебильская и Сербская. Тифлис, 1876.
72. «Пауперизм и люмпенство в „третьем мире“». М., 1973.
73. Петрушевский И. П. Движение Сарбедаров в Хорасане (XIV).—«Ученые записки Института востоковедения АН СССР». XIX, 1956.
74. «Проблемы востоковедения». 1960, № 5, с. 179.
75. «Революционный Восток». 1935, № 31.
- 75а. Сеидов Р. Л. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX века. М., 1974.
76. «Средние городские слои в развивающихся странах Азии и Африки». М., 1972.
77. «Средние слои городского общества в странах Востока». М., 1975.
78. Тагиева Ш. А. Национально-освободительное движение в иранском Азербайджане в 1917—1920 гг. Баку, 1956.
79. Ульяновский Р. А. Социализм и освободившиеся страны. М., 1972.
80. Шамиде И. А. Рабочее и профсоюзное движение в Иране в 1906—1953 гг. Баку, 1967.
81. Bill J. A. The Social and Economic Foundation of Power in Contemporary Iran.—«The Middle East Journal». Washington, 1963.
82. Curson. Persia and Persian Question. London, vol. LL, 1892.
83. English P. W. City and Village in Iran. London, 1966.
84. Hintintyon S. P. Political Order in Changing Societies. New Hawen, 1968.
85. Sablier E. As Gose Iran. The West Connot Afford to Lose.—«Atlas». 1961, № 1.

86. Zonis M. The Political Elite of Iran. Princeton — New Jersey, 1971.
87. «Iran Almanac». Tehran, 1966—1974.
88. «Jerusalem Post», 18.VII.1965.
89. «Le Mond», 8.IV.1970.
90. «Spectator», 16.VIII.1963.
91. «Барнаме ва асаснаме-йе Хезб-е туде-йе Иран» (ХТИ) Мосавебе-йе пленуме (васнэ) хафтом ва конферанс-е вахдат. Октябрь 1960, [б. м.].
92. «Барресиха-йе Хезб-е Иран». Джозве-йе хаштом. [Б. м.], [б. г.].
93. Дар बारे-йе пареи аз назарийат-е оуми-йе. Джебхе-йе Мелли-йе Иран, дар Орупа. Майнц, 1962.
94. Гат наме-йе комите-йе маркази-йе хезб-е туде-йе. Иран. (ХТИ) пленум-е чахаром. Июнь 1957. (Дар बारे-ей буржуази-йе мелли). [Б. м.].
95. Конгере-йе доввом-е Ферге-йе коммунист-е Иран. [Б. м.], 1927.
96. Конгере-йе хафтом (2—6 января 1968) в Конгере-йе хаштом-е (26—28 апреля 1968). Конфедерасион-е джахани-йе мохасселин ва Данешдуйан-е ирани. Франкфурт, 1969.
97. Гозареш-е нохомин конгере-йе. Кёльн, январь — февраль 1969.
98. «Тарх-е барнаме-йе Хезб-е туде-йе Иран». Моссавебе-йе пленум-е панздахом-е ХТИ. [Б. м.], 1975.
99. «Марамнаме-йе сийаси-йе Ферге-йе демократ-е мотарагийун-е ираниан-е шахр-е Тифлис», Чап-е доввом. Табриз, 1917.
100. Марамнаме-йе халийе-йе Эджтемайун-Амийун-е (сосиал-демократ) ираниан ва Адалят. Нашрийат-е маркази-йе Адалят. [Б. м.], [б. г.].
101. Марамнаме-йе халийе-йе Ферге-йе коммунист (болшевик-е) Иран. [Б. м.], 1921.
102. Марамнаме ва незамнаме-йе ХТИ мосавабе конгере-йе аввал-е ХТИ. Техран, 1323.
103. Марамнаме ва незамнаме-йе ХТИ мосавабе конгере-йе доввом-е ХТИ. Техран, 1948.
104. Мосавабат-е панджомин конгере-йе КДж. М. Д. И. Штутгарт, декабрь 1965.
105. Мосавабат ва гозареш-е дахомин конгере-йе КДж. М. Д. И. Карлсруе, 1969.
106. Нокат-е герехи дар बारे-йе масале-йе мелли дар Иран ва халл-е ан аз назар-е ХТИ. 17. абан. [б. м.], 1352.
107. Тезха-и дар बारे-йе джонбеш-е 21 азар 1324—1325 Азербайджан. Мосавабе хей'ат-е эджрайи-йе Комите-йе маркази-йе ХТИ. 8 фарвардин. [б. м.], 1352.
108. «Атлас-е Техран». Таджхизат-е шахри ва оугат-е фарагат дар Техран». Техран, 1348.
109. «Амар-е сан'ати». Сал-е 1351. Техран, 1351.
110. «Амар-е сан'ати». Сал-е 1346. Техран, 1347.
111. «Амаре-е базергани-йе дахели». Сал-е 1346. Т. 2. Техран, 1349.
112. «Барреси-йе манобе-е энсани». Техран, 1343.
113. Барреси-йе буддже-йе ханеварха-йе шахри-йе сал-е 1346/47. Техран, 1348.
114. Раванднаме-йе амар-е сан'ати ва базергани-йе семахе-йе аввал-е сал-е 1351. Техран, 1351.

115. «Раванднаме-йе амар-е сан'ати ва базергани-йе семахе-йе дов-вом-е сал-е 1351». Техран, 1351.
116. «Салнаме-йе амари-йе кешвар-е Иран». Техран, 1347.
117. «Саршомари-йе омуми-йе нофус ва маскан» абан 1345. Т. 168. Техран, 1346.
118. «Сохранниха ва гозарешха-йе нахостин семинар-е барреси-йе масаэл-е эджтегани-йе шахр-е Техран». Техран, 1343.
119. «Гаванин-е мосабабе-йе Маджлис-е шоура-йе мелли» (т. 1). «Ганун-е асаси». Техран, [б. г.].
120. «Гаванин-е моузӯ-йе доуре-йе доввом-е тагнинийе». Техран, [б. г.].
121. «Гаванин-е моузӯ-йе доуре-йе севвом-е тагнинийе». Техран, [б. г.].
122. «Маджмуэ-йе гаванин-е моузӯ ва мосавабат-е доуре-йе панджом-е тагнинийе». Техран, [б. г.].
123. Маджмуэ-йе гаванин-е моузӯ ва масаэл-е мосабабе-йе доуре-йе шешом-е тагнинийе». Техран, [б. г.].
124. «Маджмуэ-йе гаванин-е моузӯ ва масаэл-е мосабабе-йе доуре-йе хаштом-е тагнинийе». Техран, [б. г.].
125. «Гаванин». Маджмуэ-йе салияне 1312. Техран.
126. «Гаванин». Маджмуэ-йе салияне 1313. Техран.
127. «Гаванин». Маджмуэ-йе салияне 1314—1315. Техран.
128. Маджмуэ-йе гаванин-е моузӯ ва мосавабат-е доуре-йе чахардахом-е ганунгозари». Техран, [б. г.].
129. «Маджмуэ-йе гаванин-е моузӯ ва мосавабат-е доуре-йе панздахом-е ганунгозари». Техран, [б. г.].
130. «Маджмуэ-йе гаванин-е моузӯ ва мосавабат-е доуре-йе шанздахом-е ганунгозари». Техран, [б. г.].
131. Гозареш-е холасе-йе саршомари-йе омуми-йе кешвар-е Иран, абан, 1335. Т. 2. Техран.
132. Гозареш-е салияне ва таразнаме-йе Банк-е маркази-йе Иран. Сал-е 1350. Техран.
133. Адамият Ферейдун. «Андишеха-йе мирза Агахан-е Керманн». Техран, 1346.
134. Адамият Ферейдун. «Амир Кабир ва Иран». Техран, 1334.
135. Адамият Ферейдун. «Фекр-е азади ва могаддаме-йе нехзат-е Иран». Техран, 1340.
136. Азари Али. «Гийам-е шейх Мохаммад-е Хийабани дар Табриз». Техран, 1951.
137. Азари Али. «Гийам-е колонел Мохаммад Таги хан Песйан дар Хорасан». Техран, 1329.
138. Ахмад-заде. «Тахлили аз марайет-е джамеэ-йе Иран». [Б. м.], [б. г.].
139. Эсхаг М. «Сохранваран-е Иран дар аср-е хазер». Дехли,—т. 1, т. 2 (1351—1352) х. г.
140. Амирхизи Эсмаил. Гийам-е Азербайджан ва Саттархан. Табриз, 1960.
141. Бахар Мохаммад Таги. «Тарих-е мохтасар-е Ахзаб-е сийаси-йе Иран». Техран, 1954.
142. Бахар Мохаммад Таги. «Диван-е Лш'ар»,—т. 2. Техран, 1336.
143. Бехнийа А. Асрар-е сийасат. Нафт, Нехзат-е мелли, Мосаддег, Захеди. Техран, 1956.

144. Пуйан Парвиз. Лозум-е мобарезе-йе мосаллах ва радд-е теориейе бага'э. [Б. м.], [б. г.].
145. Пишевар Мир Джафар. «Сечилмиш асарлари». Баку, 1965.
146. Джамал-заде Мохаммад Али. «Гандж-е шайеган ва йа тарих-е эгтесади-йе Иран». Берлин, 1335.
147. Диван-е Ареф-е Газвини. Техран, 1335.
148. Раин Эсмаил. «Анджоманха-йе серри-йе доуре-йе энгелаб-е машрутийат-е Иран». Техран, 1967.
149. Рокн-заде Адамият. «Фарс ва джанг-е бейнолмелали», т. 2. Техран, 1948.
150. Зарринкуб. Аз Саба та Нима, «Рахнаме-йе кетаб», № 5—6. Техран, 1972.
151. Шаджи. Немайандеган-е Маджлес-е шоура-йе мелли. Техран, 1965.
152. Садиг Иса. Тарих-е фарханг-е Иран. Техран, 1959.
153. Сафай А. Йек энгелаби. [Б. м.], [б. г.].
154. Сафинийа Реза. Эстеглал-е гомроки-йе Иран. Техран, 1307.
155. Фарханг М. Зендеги-йе Эгтесади-йе Иран. Техран, 1349.
156. Касрави А. Тарих-е машруте-йе Иран. Изд. 2, т. 2. Техран, 1333; изд. 4, т. 1. Техран, 1331.
157. Лахути Абулгасим. Диван. М., 1933.
158. Макан М. Негахи бе зендеги-йе доктор Мохаммад-е Мосаддег. Нашрийе-йе сазман-е Джебхе-йе мелли-йе Иран дар Орупа. [Б. м.], [б. г.].
159. Мосташарод-Доуле мирза Йусефхан. «Йек каламе». Техран, 1287.
160. Мирза Малкомхан. Политикха-йе доулати. Техран, 1325.
161. Мирза Малкомхан. Кетабче-йе гейби ва йа дафтар-е танзимат. Техран, 1326.
162. Малек-заде Мехди. Энгелаб-е Машрутийат-е Иран, — т. 7. Техран, 1328.
163. Малеки Ахмад. Тарих-е Джебхе-йе мелли-йе Иран. Техран, 1964.
164. Никухеммат. Зендеги ва асар-е Бахар. Керман, 1945.
165. Хедая Зийа. Нагш-е санайе кучек дар тоусе'э-йе эгтесади-йе Иран. Техран, 1349.
166. «Рузнаме-йе Азербайджан». Табриз, 1324—1325.
167. «Эттехад-е мелли». Техран, 1324—1333.
168. «Эттелаат». Техран, 1310—1354.
169. «Иран-е Азад», 1340—1350.
170. Бахтар-е эмруз. Техран, 1330—1334; 1340—1350.
171. Бамшад. Техран, 12.XI.1963.
172. Рах-е эттехад. [Б. м.], 1970—1972.
173. Разм. Техран, 1327—1328.
174. «Рузнаме-йе расми-йе шаханшахи-йе Иран». Техран, 1310—1354.
175. «Рахбар». Техран, 1323—1325.
176. Демократ-е Иран. Техран, 1325—1326.
177. Шанздах-е Азар. [Б. м.], 1345—1350.
178. «Кейхан». Техран, 1330—1354.
179. «Маджалле-йе бюллетен-е ахбар». [Б. м.], 1340—1354.

180. «Техран-экономист». Техран, 1340—1354
181. «Техран-экономист», Техран, 1340—1354.
182. «Пируз». 21.X.1962.
183. «Пейванд-е ноу». Сентябрь 1963.
184. «Роушанфекр». Техран, 1961, № 483; 14.I.1965, № 3.
185. «Данешкаде», Техран, 1918, № 1—4.
186. «Донья». [Б. м.], 1343—1354.
187. «Хинданиха». Техран, 1330—1354.
188. «Сосиализм». [Б. м.], 1960—1970.
189. «Каве». Берлин, 1967, № 17—18.
190. «Махнаме-йе конфедерасион». [Б. м.], 1964, № 2.
191. «Наме-йе парси». Киль, март 1964.
192. «Нашрийе-йе Данешджу». [Б. м.], март 1964, № 6.
193. «Йадегар». Техран, [б. г.], № 2.
194. «Мардом». [Б. м.], 1348—1354.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Раздел I	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДСКИХ СРЕДНИХ СЛОЕВ	19
<i>Глава I.</i> Предпринимательская часть городских средних слоев.	19
Переориентация низших укладов иранской городской экономики на полуколониальной основе и их развитие в условиях политической самостоятельности Ирана	19
Численность предпринимательской части городских средних слоев современного Ирана	32
Экономическое положение предпринимательской части городских средних слоев	43
<i>Глава II.</i> Служилая часть городских средних слоев	58
Некоторые вопросы формирования	58
Численность	71
Экономическое положение	76
Раздел II	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА ГОРОДСКИХ СРЕДНИХ СЛОЕВ	100
<i>Глава III.</i> Политическая и социальная борьба городских средних слоев в период подготовки и установления конституции	100
<i>Глава IV.</i> Национально-демократические силы в период интервенции (1909—1922 гг.)	117
Первый этап: 1909—1917 гг.	117
Второй этап: 1917—1922 гг.	127
<i>Глава V.</i> Городские средние слои в период правления Реза-шаха Пехлеви	146
<i>Глава VI.</i> Политическая борьба городских средних слоев в 1941—1946 гг.	158
Студенческое движение в 1941—1946 гг.	166
Мусульманское духовенство и предпринимательская часть	

городских средних слоев в национально-демократическом движении 1941—1946 гг.	168
Движение армейских офицеров в 1941—1946 гг.	171
Движение отдельных групп интеллигенции в 1941—1946 гг.	175
<i>Глава VII. Роль и место городских средних слоев в демократической и антиимпериалистической борьбе иранского народа после второй мировой войны (1946—1970 гг.)</i>	178
Заключение	219
Источники и литература	223

Шамсадин Мамед Бади

ГОРОДСКИЕ СРЕДНИЕ СЛОИ ИРАНА

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *С. В. Полтавская*
Младший редактор *Л. А. Добродеева*
Художник *В. Г. Герман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Л. Е. Синенко*
Корректор *В. А. Захарова*

Сдано в набор 15/IX 1976 г.
Подписано к печати 25/III 1977 г.
А-05036. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1
Печ. л. 7,25. Усл. п. л. 12,18
Уч.-изд. л. 12,36. Тираж 1600 экз.
Изд. № 3902. Зак. № 728. Цена 1 р. 24 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография изд. ва «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28